РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА

Этничность
Этнические процессы
Этнические конфликты

МОСКВА НАУКА 2004

2006-850

УДК 39
ББК 63.5(2)
Ф43

MPI f. ethnol.
Forsch. Halle

DK855

Abas
2004

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-01-00273д

Ответственные редакторы:
С.Н. АБАШИН, В.И. БУШКОВ

Рецензенты:
доктор исторических наук В.Л. ОГУДИН,
кандидат исторических наук Т.С. КАЛАНДАРОВ

Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. – 224 с. – ISBN 5-02-009809-4 (в пер.)

В XX в. в результате административных преобразований Ферганская долина, до этого единый историко-культурный регион, была поделена на национальные территории узбеков, киргизов и таджиков. Межэтнические противоречия вылились в серию острых конфликтов. Авторы сборника проанализировали истоки современных этнических процессов в Фергане, историю изучения населяющих ее этнических групп, причины этнических конфликтов последних лет и содержание национальной идеологии независимых среднеазиатских государств.

Для историков, этнографов и более широкого круга читателей.

ТП 2004-I-№ 76

ISBN 5-02-009809-4

© Коллектив авторов, 2004
© Российская академия наук, 2004
© Издательство "Наука", художественное оформление, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фергана мало чем отличается от многих других регионов мусульманского Востока. Это по-своему благодатный край, с трудолюбивыми жителями, прекрасными местами отдыха, довольно высоким (по сравнению с близлежащими мусульманскими странами) уровнем жизни, оживленными городскими базарами и тихими сельскими улицами. В Фергане никогда не вершилась "большая" история. Ферганец Бабур, получивший долину по наследству в домен, покинул родину в поисках славы и, только захватив Кабул, смог основать Великую Могольскую Империю... Однако история новейшего времени, особенно после тарана 11 сентября 2001 г. двух небоскребов-близнецов в Нью-Йорке, сложилась так, что именно Фергана оказалась едва ли не в эпицентре мировой политики как ключевой регион Средней Азии, а может быть, и всего мусульманского сообщества (так, во всяком случае, иногда представляется дело в СМИ).

Политики, эксперты, журналисты с тревогой наблюдают за тем, что происходит в небольшой (170 км с севера на юг и 330 км с запада на восток) котловине, окруженной со всех сторон горными хребтами. И это не случайно. Здесь образовался тугой узел самых разных проблем, конфликтов и противоречий. В Ферганской долине сложилась сложная социально-экономическая ситуация. Высокая плотность заселения (в долине проживает 8–9 млн человек, что составляет 15–20% всего населения Средней Азии), неразвитость экономической инфраструктуры, ограниченность земельных и водных ресурсов, массовая безработица – все это является потенциальным источником социального взрыва. Кланово-политические группировки выходцев из Ферганы (ходжентский клан в Таджикистане, ферганский клан в Узбекистане, ошский клан в Кыргызстане) в последние десятилетия оказались отодвинуты от рычагов государственной власти. Почти неизбежной кажется попытка политического реванша ферганцев, которая может взорвать страны региона. Наконец, именно в Фергане в последнее время сложилось мощное исламистское движение (ваххабиты, Хизб ут-Тахрир), обросшее связями с исламистами Афганистана, Пакистана и Ближнего Востока. И никто не может гарантировать Среднюю Азию от "исламской революции", которая, как считается, скорее всего начнется именно в Ферганской долине.

Одним из основных источников напряженности в Фергане является национальный вопрос. В прошлом веке эта территория оказалась поде-

ленной между тремя государствами. Большая часть равнины с такими городами, как Андижан, Ассаке, Коканд, Кувасай, Маргилан, Наманган и Фергана, административно входит в Республику Узбекистан. Восточная часть Ферганы, где расположены города Джалалабад, Ош и Узген, а также окружающие долину с севера, востока и юга горы и предгорья принадлежат Республике Кыргызстан. Запад Ферганы – с городами Исфара и Канибадам (иногда ферганским считают также Ходжент) – входит в Согдийскую (бывшую Ленинабадскую) область Республики Таджикистан. В результате такого административного раздела одни и те же этнические группы, живя в непосредственной близости друг от друга, оказались после 1991 г. в составе разных государств, разделенных границами, пограничниками, таможнями, визами, даже минными полями. Причем узбеки, таджики, киргизы на "своей" земле получили привилегированный политический и правовой статус "титульной", или "правящей" нации, те же группы на "чужой" земле оказались в положении нередко дискриминируемого "меньшинства". К этому надо добавить проблему русскоязычного населения и проблему депортированных народов (турков-месхетинцев, крымских татар), статус которых за последние полтора десятилетия также претерпел существенные изменения. Все это сложное переплетение национальных отношений и интересов на общем фоне других противоречий и конфликтов выглядит достаточно угрожающим для будущего Ферганы и Средней Азии в целом. К тому же эти угрозы подкрепляются фактами недавней истории: годами длящиеся стычки между киргизами и таджиками на границе Исфаринского района Таджикистана и Баткенской области Кыргызстана, погромы турков-месхетинцев в 1989 г. (Ферганский конфликт), узбекско-киргизские столкновения в 1990 г. (Ошский конфликт), имеющие безусловную этническую подоплеку походы полковника Махмуда Худойбердыева в 1998 г. на Ходжент и боевиков Джумы Намангани в 1999 г. на Баткен и т.д.

Помимо собственно политической актуальности, обращение к теме "этничность, этнические процессы, этнические конфликты" имеет и важное теоретическое значение. Современная этнографическая наука переживает достаточно трудные времена. Это связано с сокращением финансирования, политическими неурядицами и межэтническими конфликтами, которые закрывают дорогу для работы в поле. Однако дело не только в этом. К концу XX в. те методологические и теоретические подходы, которые десятилетиями господствовали в науке, нуждаются в определенной ревизии, уточнении или даже переоценке. По сути дела, сегодня предстоит еще раз взглянуть на накопленный многими поколениями этнографов и историков фактический материал, иначе расставить акценты, возможно, обратиться к новым теориям.

В частности, в обсуждении нуждается вопрос о природе "этничности". Сегодня на этот счет существует несколько конкурирующих точек зрения. Одни ученые рассматривают этнические процессы в рамках так называемой "теории этноса", которая видит в "этничности" фундаментальную характеристику естественного развития общества и культуры. С этой точки зрения история Ферганы и Средней Азии рассматривается обычно как длительное (на протяжении столетий и тысячелетий) становление "этносов" и как борьба их между собой либо с внешними "врагами". Такой взгляд на историю стал сегодня доминирующим в научных и идеологических представлениях среднеазиатских элит.

Другие предлагают рассматривать "этничность" как современное явление, возникшее в условиях колониального и постколониального общества. По их мнению, в Фергане издревле сложились типы самосознания, в основе которых лежали не этнические, а культурно-хозяйственные признаки. Позднее – в начале XX столетия – региону было фактически навязано разделение по национальному признаку: это привело к тому, что старые типы самосознания были разрушены и нивелированы, а вместо них в значительной мере искусственно внедрены новые типы самосознания, основанные на этническом признаке. Это кардинальным образом изменило этнографическую карту Ферганской долины, вызвало, с одной стороны, процессы массовой ассимиляции и гомогенизации, а с другой стороны, процессы формирования жестких культурных границ между официально признанными, "титульными" нациями.

Спор между этими двумя концепциями неизбежно заставляет обращаться к истории Ферганы, к тому, как формировалось местное население, какие демографические и культурные процессы здесь происходили, какие факторы влияли на них. В новом, более внимательном и, может быть, более придирчивом, прочтении нуждаются известные специалистам письменные, статистические и иные источники, которые помогают понять происходившее. В этом отношении исключительно важным является, в частности, рубеж XIX–XX вв., когда сформировались представления о том, какие этнические группы населяют Ферганскую долину.

Авторы настоящего сборника представляют разные, даже несовместимые, точки зрения на природу этничности, этнических процессов и этнических конфликтов, что позволяет не просто с различных сторон посмотреть на одну тему или проблему, но и наладить конструктивный диалог между противоположными теоретическими позициями. Эта дискуссия, как можно надеяться, окажется полезной в целом для развития отечественной этнологии.

С.С. Губаева

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ*

Ферганская долина – одна из древнейших историко-этнографических областей Средней Азии. Эта миндалевидная котловина расположена в юго-восточной части региона и окаймлена высокими горными хребтами Тянь-Шаньской горной системы на севере и северо-востоке и Памиро-Алайской – на юге. Только на западе долина имеет неширокий выход в остальные районы Средней Азии, который известен в литературе под названием "Ходжентские ворота".

Возможно, эта относительная географическая изолированность (наряду с другими факторами) способствовала тому, что этническая история Ферганы, формирование материальной и духовной культуры ее населения имели определенное своеобразие, хотя в целом были такими же, как и на остальной территории Среднеазиатского Междуречья.

В древности через Ферганскую долину проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, соединявшего Восток с Западом. Впоследствии по этому маршруту шли караваны из Самарканда, Бухары, Ташкента, Туркестана в Восточный Туркестан. Северными и северо-восточными горными перевалами Фергана была связана с Таласом, Прииссыккульем, Семиречьем, южными – с Матчой, Каратегином, Бадахшаном, Кулябом, Гиссаром и другими горными странами Памиро-Алая.

Выгодное географическое положение Ферганской долины не только определило усиленное экономическое и культурное развитие края, но и обусловило значительный приток сюда разных этнических элементов. Кроме того, в силу географической изолированности Фергана была относительно спокойным краем и иногда оставалась вне политических событий, происходивших в остальных областях Средней Азии. Смуты, войны, голод, имевшие место на других территориях, а также надежда найти заработок, политические и религиозные преследования гнали сюда людей не только из сопредельных, но и довольно отдаленных от Ферганы районов. В результате Ферганская долина уже к концу XIX–началу XX в. превратилась в один из самых густонаселенных регионов Средней Азии с очень пестрым этническим составом населения.

Первые сведения о Фергане и ее населении относятся, по всей вероятности, ко II в. до н.э. Но данная статья посвящена истории изучения населения края, начиная с конца XVIII в., которую (историю изучения) можно условно разделить на четыре периода: I – до присоединения Средней Азии к России (конец XVIII–60-е годы XIX в.); II – после присоединения Средней Азии к России (60-е годы XIX в.–1917 г.); III – советский период; IV – постсоветский период.

Накопление первых фрагментарных и чаще всего случайных сведений о Фергане и ее населении началось задолго до присоединения Средней Азии к России. Сообщения русских послов, путешественников, чиновников, купцов, бывших пленников представляют собой, конечно, не специальные исследования, а, скорее, интересный и важный исторический источник.

Одна из первых работ подобного рода "Девятилетнее странствование" Филиппа Ефремова, совершенное им в 70-е годы XVIII в. Сведения о Ферганской долине в записках Ф. Ефремова более, чем краткие. Мы узнаем, что "владением Куканским правил узбек из рода юз Нарбута-бек и что между городом Ош и Кашгарией кочуют в горах киргизы"[1].

Мир Иззет Улла – индийский чиновник, отправившийся в Кокандское ханство в 1812 г. по поручению видного деятеля английской колонии в Индии Уильяма Муркрофта, сообщает о Ферганской долине больше сведений. В частности, о населении мы узнаем: киргизы, кочующие к западу от г. Ош, подчинены Коканду; Араван населен переселенцами из Бадахшана; в окрестностях Минг-тепе (близ г. Андижан. – *С.Г.*) кочуют тюрки и кипчаки; недалеко от Кувы находятся стоянки калмыков и киргизов (последнее сообщение особенно важно, так как к настоящему времени о пребывании калмыков в Фергане свидетельствует только топонимика, в частности, в окрестностях Кувы есть несколько селений с названием Калмак. – *С.Г.*); в Маргилане производится в большом количестве шелк и шерсть для изготовления тканей и т.д.[2]

Филипп Назаров, переводчик, направленный в Коканд в 1813 г. с совершенно определенной миссией "урегулировать инцидент, возникший в связи с убийством в Петропавловске посланника Кокандского ханства", в своих "Записках о некоторых

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 00-01-00217а).

народах и землях средней части Азии" привел немало географических, политических, исторических и этнографических сведений о Кокандском ханстве, в том числе и о торговле его с киргизами, Бухарой, Кашгарией, о способе разведения в Кокании шелковичных червей, о горных таджиках, покупающих в Маргилане хлопковую пряжу и несущих ее на себе в корзинах домой, о каракалпаках, ткущих ковры и т.д.[3]

Хорунжий Потанин, в 1829 г. сопровождавший до Ташкента кокандских послов, бывших в Санкт-Петербурге, по его собственным словам, имел задание делать съемку и описывать, по возможности, те места, в которых он будет бывать. В его "Записках" немало интересных сведений о населении Кокандского ханства, их занятиях. Одним из первых русских путешественников он отметил, что скота кокандцы "имеют немного, потому что большую часть луговых мест употребляют под пашни"[4].

Сведения о народах Средней Азии в целом и Ферганы, в частности, носили в тот период эмпирический характер. Многие авторы, естественно, не знали языка и истории посещаемого края. Тем не менее нельзя умалять этого этапа первоначального накопления знаний о Фергане. Он был закономерным, необходимым, и работы того времени продолжают служить для современного исследователя одним из источников.

Работы В.В. Вельяминова-Зернова открывают новый этап в изучении Средней Азии, и Ферганской долины в том числе[5]. Они свидетельствуют о более внимательном и серьезном интересе к среднеазиатским государствам, которые были непосредственными соседями России. Правда, в Кокандском ханстве автор не был. Работы его основаны на расспросных сведениях и потому, как признает сам автор, они не "заключают в себе подробного и цельного описания всего ханства". И тем не менее его работы были достаточно ценны, так как были первыми специальными трудами по истории Кокандского ханства 40–начала 50-х годов XIX в. В одной из своих работ В.В. Вельяминов-Зернов писал: "Изучение Кокандского ханства – лучшей страны в целой Средней Азии, чрезвычайно важно для русских", так как ханство представляло для России "верный источник для сбыта изделий со своих фабрик, мануфактур и заводов"[6]. Он очень точно указал на одну из главных причин будущего завоевания Средней Азии Россией: в первой половине XIX в. для развивающегося российского капитализма важное значение приобрела проблема рынков сбыта и источников сырья.

"Со времени непосредственного движения русских в нынешний Туркестанский край, отрывочные путевые сведения начинают заменяться более подробными наблюдениями и описаниями", – писал один из исследователей того времени А.И. Макшеев[7].

И прежде всего только что завоеванный край начинает изучаться по инициативе царского правительства, которое понимало, что от этого зависит как закрепление за Россией новых территорий, так и успех колониальной политики. Кроме того, потребности экономики стимулировали изучение природных ресурсов края. О том, насколько серьезно относилась к этому вопросу царская администрация Туркестана, свидетельствуют, в частности, слова академика А.Ф. Миддендорфа: "Проникнутый убеждением, что наука должна прокладывать пути для управления этой, совершенно нам чуждой, новой составной частью нашего государства, генерал-губернатор фон Кауфман тотчас же, по вступлении в этот край, предпринял ряд исследований приобретенной земли, которые не только шли вслед за завоеваниями, но, как известно, отчасти даже предшествовали им"[8].

По инициативе царской администрации создаются Статистические комитеты, которые публиковали результаты своих исследований в специальных изданиях ("Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник", "Ежегодник Ферганской области", "Статистические обзоры Ферганской области", "Материалы для статистического описания Ферганской области" и мн. др.). О значении этих статистических публикаций в предисловии к первому изданию "Материалов для статистики Туркестанского края", в частности, писалось: "Пока ученые общества Ташкента и отдельные исследователи будут мало-помалу накоплять массу сведений и научных данных, исследуя многоразличные проявления природы Туркестана и его жизни, местный Статистический комитет будет также постепенно, шаг за шагом, собирать и группировать статистический материал, без которого неполны и неясны ученые исследования, который служит им крепкой и надежной опорой"[9].

С призывом публиковать свои статьи по истории, этнографии, естествознанию, экономике и пр. обратился к населению и военный губернатор Ферганской области в созданном специально для этой цели "Ежегоднике Ферганской области": "Ферганская область богата такими особенностями быта населения, экономической жизни его, промышленности, ирригационного дела, природы, что исследование их может доставить огромный интерес для читающей публики, интерес весьма полезный и поучительный для администрации"[10].

Издается газета "Туркестанские ведомости", которой "с самого первого дня существования было поставлено в задачу по мере возможности содействовать изучению края во всех отношениях, и эту задачу они преследовали настойчиво и умело"[11]. В газете публиковался самый разнообразный материал по географии,

естествознанию, медицине, сельскому хозяйству, промышленности, торговле и, конечно, по истории и этнографии.

По инициативе царского правительства организовывались, наконец, и научные экспедиции. В частности, по Фергане были организованы экспедиции ботаника А.П. Федченко, географа и зоолога Н.А. Северцова, геолога И.В. Мушкетова, которые, будучи учеными-энциклопедистами, собрали великолепный материал не только в своей области знаний. Так, А.П. Федченко, чья поездка по Кокандскому ханству (тогда еще не завоеванному) продолжалась более двух месяцев, собрал не только богатейшую зоологическую и ботаническую коллекцию, не только совершил географические открытия, но оставил интереснейшие записи о народах Ферганской долины, их хозяйственной деятельности, быте и обычаях, контактах с другими народами и т.д.

Среди исследователей Ферганской долины были и люди крайне реакционных взглядов, и просто добросовестные чиновники. Но немало было и представителей прогрессивной интеллигенции, бескорыстно служивших науке, с искренней симпатией относившихся к местному населению. В указанных выше изданиях, а также в "Трудах", "Записках", "Вестниках" Русского географического общества и других российских обществ, в том числе и туркестанских[12], появляются публикации о населении Ферганской долины Н.А. Аристова, А.В. Буняковского, А.Д. Гребенкина, А.З. Валидова, П.Е. Кузнецова, А.Л. Куна, А.А. Кушакевича, Н.С. Лыкошина, А.И. Макшеева, В.П. Наливкина, В.А. Парфентьева, Н. Резника, Н.Ф. Ситняковского, А.П. Хорошхина, А.П. Федченко и др.

А.И. Макшеев в статье "Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае", материал для которой собирался в 1867 г., сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства, попытался определить численность оседлого и кочевого населения Туркестанского края и его расселение[13]. Ферганская долина была представлена пока еще только Ходжентским уездом (остальная часть Ферганской долины завоевана в 1876 г.). И хотя цифры, приведенные в статье, по признанию самого автора, приблизительные, это была первая работа подобного типа. Большой интерес представляет подробная генеалогия узбеков племени юз, записанная автором в Заамине. Одна из первых, опубликованных на русском языке, она не потеряла значение до наших дней: по ней сверяют генеалогические таблицы этого племени все современные исследователи, в том числе и исследователи населения Ферганы.

Статьи А.Д. Гребенкина посвящены с основном населению Зеравшанской долины, хотя иногда автор привлекал материал и

по другим регионам, в том числе и по Фергане. Но статьи практически написаны о таджиках, даштикинчакских узбеках и других этносах в целом. Поэтому они очень важны для каждого исследователя, занимающегося населением Средней Азии. В них рассматриваются происхождение, расселение, занятия, внутренний мир, наклонности, отношение к религии, семейная жизнь населения и т.д. А.Д. Гребенкин один из первых исследователей привел названия родов и родовых подразделений даштикипчакских узбеков (тюяклы, минг, тюрк, найман, уйшун, сарай, катаган, мангит, багрин, юз, кырк, ктай, кипчак и др.) с указанием их числа, расселения каждого рода, занятий и различных этнографических особенностей, причем не только тех, что жили в Зеравшанской долине, но и во многих районах Туркестана, в том числе и Ферганской долине[14].

Среди различных материалов, собранных во время военной службы в Туркестане подполковником А.П. Хорошхиным, особый интерес для нас представляет его статья "Народы Средней Азии"[15], в которой речь идет о народах, живших в крае до завоевания его Россией и после завоевания (таджики, узбеки, евреи, цыгане, индусы, ирани)[16]. В работе впервые приводится на русском языке список 92 племен даштикинчакских узбеков с местами их расселения. Собственно Ферганской долине посвящены небольшие статьи А.П. Хорошхина "Очерки Коканда", "Отрывки из дневника в Коканде", "От Кокана до Ходжента", в которых приводятся общие сведения о столице Кокандского ханства, населении страны, занятиях и некоторые другие данные.

Автор "Очерка Кокандского ханства" А.Л. Кун следовал в качестве коллектора научных сведений и собирателя восточных рукописей в составе главной квартиры командующего войсками, действовавших в Кокандском ханстве, и был свидетелем ряда событий в государстве, тогда еще независимом. В очерке приводятся самые общие сведения о населении, городах, организации управления, политической истории. Но интересна таблица с указанием количества домов, мечетей, школ, медресе, лавок в городах Коканд, Маргилан, Андижан, Наманган, Узген, Балыкчи[17]. Любопытно и замечание о полукочевниках ханства, которые, по словам автора, в недалеком будущем должны окончательно осесть из-за полного обеднения[18].

Статья Н.Ф. Ситняковского "Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области" в значительной степени была вызвана потребностью более внимательно отнестись к изучению населения края, появившейся после антиколониального выступления андижанцев в 1898 г. В ней приведены родо-племенные подразделения киргизов с указанием

мест летних и зимних кочевок каждого племени, рода, подразделения[19].

Очень содержательна статья П.Е. Кузнецова "О таджиках Наманганского уезда". Говоря об истории происхождения селений уезда, автор пришел к выводу, что Наманганский уезд состоит не только из старых поселений. Значительная часть кишлаков (более половины) здесь основаны мигрантами из Ташкентского уезда, а также из горных районов Таджикистана – Каратегина, Куляба. Интересны разделы о занятиях населения, нормах быта. Но для данной работы особо важен раздел "К вопросу о тюркизации таджиков". Автор приводит примеры естественной ассимиляции таджиков тюркским населением. В частности, для таджиков характерна не только утрата таджикских сказок, песен, пишет автор, но имеются даже случаи, и нередкие, полного забвения ими родного языка. Смешанных браков в начале XX в. тоже было уже немало, причем таджики вступали в брак не только с тюркоязычными сартами, но и полукочевыми узбеками, кипчаками, киргизами[20]. Небольшое сообщение "О таджиках Кокандского уезда" интересно тем, что П.Е. Кузнецов и в нем обращает внимание на процесс тюркизации таджиков, отмечая при этом, что в Кокандском уезде он был слабее, чем в Наманганском и Ташкентском уездах[21].

Серьезна и основательна статья Н.С. Лыкошина "Чапкуллукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения"[22]. Будучи в течение ряда лет начальником Ходжентского уезда, а затем военным губернатором Самаркандской области, Лыкошин имел возможность достаточно глубоко изучать вверенный ему регион. Всесторонне характеризуя волость в своей статье (указывает количество пригодной для земледелия земли, дает анализ почв, систему земледелия и орошения, состояние животноводства, торговли, народного образования с приведением статистических сведений), Лыкошин поднимает и вопросы социального плана. Например, недостаток или даже полное отсутствие рабочего скота у большей части оседлого населения волости вынуждало его отдавать, как пишет Лыкошин, землю в аренду за часть урожая или нанимать в период земледельческих работ рабочий скот. Обеднение же киргизов приводило их к оседанию. Автор уделяет внимание и вопросам сближения таджикского и киргизского населения.

Ценнейший материал по Фергане и ее населению содержится в трудах выдающегося просветителя-демократа Ч.Ч. Валиханова. В самой Фергане Ч.Ч. Валиханов не был, но прожил около полугода в Кашгарии, граничившей с Кокандским ханством. Там

он из бесед с купцами, политическими деятелями, учеными, поэтами узнавал и о Кокании. В "Записках о Коканском ханстве"[23] приведены отдельные моменты политической истории края в период правления Маллябек-хана и Худояр-хана, даны сведения о структуре гражданского управления, населении, их занятиях, о кочевках узбекских племен минг, юз, тюрк, кипчак и др. В цикле работ Валиханова, объединенных под названием "Материалы и исследования о Кашгарии"[24] приведен интересный материал о кашгарских ходжах, судьба которых была теснейшим образом связана с Кокандским ханством, о переселениях в Фергану большого числа уйгуров, оказавших серьезное влияние на этнические процессы в этом крае.

Одним из самых основательных исследований этого периода о Фергане были "Очерки Ферганской долины" академика А.Ф, Миддендорфа[25]. Один из крупных ученых своего времени, Миддендорф отправился в Фергану по предложению генерал-губернатора Туркестана фон Кауфмана, сделанного через вице-президента Императорского русского географического общества П.П. Семенова. На поездку было дано всего шесть месяцев, из которых почти половина времени ушла на дорогу. Поэтому, естественно, не все вопросы были изучены достаточно глубоко, имелись и ошибочные суждения, что вызвало в свое время резкую критику В.П. Наливкина[26]. Но и сам Миддендорф понимал, что для настоящего изучения и познания "столь своеобразной страны" необходимо время. Он же "имел целью дать, по возможности, лишь руководящие рамки для чиновников местного управления, которых судьба забросит в эту страну"[27]. Тем не менее книга знакомит читателя с Ферганой довольно всесторонне: с географическими и орографическими особенностями долины, климатом, флорой и фауной, населением, земледелием и скотоводством, торговлей и т.д. Приводятся обширные исторические сведения об этом крае. Книга насыщена многими очень интересными и верными наблюдениями самого Миддендорфа. В разделе "Этнографические сведения" автор характеризует население Ферганы, полемизируя с известным французским ученым, антропологом и этнографом К. Уйфальви. Но в этом давнем споре хотелось бы согласиться с последним. Суть в том, что Уйфальви на основании своих антропологических работ пришел к выводу, что предки почти половины жителей селений Наукат, Шахимардан, Вуадиль были белокурыми и голубоглазыми горцами, т.е. таджиками[28], а Миддендорф резко отрицает это[29]. Материалы А.П. Федченко[30], Б.Х. Кармышевой[31] и мои полевые данные показывают, что, действительно, на юге Ферганской долины, от Шахимардана до Учкургана и Кувы были сплошь таджикские по-

селения, причем многие из них были основаны переселенцами с гор: Каратегина, Гиссара, Дарваза и др.

В.И. Кушелевский, врач, прослужив в Фергане восемь лет, решил написать труд, чтобы облегчить врачам, прибывшим сюда из Европейской России, ознакомиться с местными условиями жизни, природными и социальными, поскольку все это "представляется весьма важным для уразумения и объяснения различных влияний на жизнь человека и на происхождение тех болезней, которым они подвергаются"[32]. Этот трехтомный труд "Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области" в некоторых своих разделах носит компилятивный характер, но в целом представляет несомненный интерес.

Пожалуй, одним из самых интересных авторов того времени, писавших о Ферганской долине, был В.П. Наливкин. Хорошее знание языка, быта, условий жизни, обычаев и традиций местного населения (а знания эти он приобрел благодаря тому, что в течение многих лет жил вместе с семьей среди местного населения, в частности, в селении Нанай Наманганского уезда) позволили ему написать целый ряд интереснейших работ об этом крае, которые и сейчас являются ценнейшим источником по истории, этнографии, состоянию народного образования и т.д.

"Краткая история Кокандского ханства" В.П. Наливкина – один из первых обстоятельных трудов на русском языке по политической истории этого края. Написанная на основании местных источников, преданий, рассказов очевидцев, книга эта тем не менее имеет ряд недостатков, о чем уже не раз писалось[33]. Но и сам Наливкин не претендовал на их отсутствие. В предисловии он писал: "Сведения эти получались мною лишь попутно, при изучении быта и других особенностей вновь завоеванной нами страны, так как до сих пор история отнюдь не составляла моей специальности. Пусть благосклонный читатель примет все это во внимание и простит мне те недостатки, которые он, конечно, встретит в моем сочинении"[34]. В части, предваряющей политическую историю ханства, имеется немало сведений о путях развития оседлости в Фергане, об этническом составе населения и многих других вещах.

Необыкновенно интересная книга В.П. Наливкина и его супруги М. Наливкиной "Очерк быта женщины туземного местного населения Ферганской долины"[35] целиком основана на наблюдениях авторов. Это делает ее особенно ценной. Читатель знакомится с жизнью, бытом, нравами всего оседлого мусульманского населения Ферганской долины, а не только женской ее части.

"Туземцы раньше и теперь" написана В.П. Наливкиным в значительной степени под влиянием беседы в 1905 г. с генерал-

губернатором Туркестана Н.Н. Тенишевым, которому хотелось бы знать, изменилось ли местное население со времени завоевания края русскими. В книге автор обстоятельно рассмотрел, что дало положительного и отрицательного местному населению русское завоевание, как изменилась общественная жизнь, духовно-нравственная, хозяйственная, интеллектуальная сферы и пр.[36]

Работы И.И. Гейера "Весь Русский Туркестан"[37] и В.И. Масальского "Туркестанский край"[38] имеют обобщающий характер. По признанию самих авторов, целью их было "пополнить, хотя бы до некоторой степени, пробел в нашей общегеографической литературе по Туркестану, дать краткий обзор этой страны, подвести общие итоги тому, что сделано за период русского владычества, наметить дальнейшие в ней пути нашей деятельности и помочь ориентироваться тем, которые, не преследуя никаких специальных целей, пожелают получить представление о Средней Азии или лично с ней ознакомиться"[39]. В монографиях были приведены накопленные к тому времени сведения о Средней Азии, в том числе и о Ферганской долине и ее населении.

Обзор дореволюционной литературы о населении Ферганской долины будет неполным, если не упомянуть материалов ревизии Туркестанского края, проведенной под руководством сенатора графа К.К. Палена в 1907 г., и задачей которой была характеристика состояния народного хозяйства в крае[40]. В работе приводятся статистические сведения о территории, полезных ископаемых, промышленности, посевах и урожаях, скотоводстве и т.д. Но особенно важен для нас материал об этническом составе населения. Последний ценен тем, что дает уточненные, тщательно проверенные и углубленные сведения о населении. Важен для нас и раздел о тюркизации таджиков на территории Ферганы и сопредельных районов.

И наконец, историю Средней Азии, как и вообще Востока, историю народов, живших здесь, невозможно изучать без трудов В.В. Бартольда, крупнейшего ориенталиста, работавшего как до, так и после революции. В его наследии, как в нескончаемом кладезе, исследователь черпает самый разнообразный материал о Востоке, в том числе об истории Ферганы, о народах, живших в этом крае, их духовной и материальной культуре и т.д.[41]

Зарубежная литература о Фергане XIX–начала XX в. немногочисленна, и сведения о Ферганской долине в них чаще всего самые общие. Из переведенных на русский язык широко известна книга Арминия Вамбери "Путешествие по Средней Азии в 1863 г.", в которой имеется одна небольшая глава и о Кокандском ханстве. Правда, большая часть главы посвящена войне между Бухарой и Кокандом во время царствования эмира Насрул-

лы и эмира Музаффарэддина, но имеются сведения и о населении ханства и занятиях его. Так, Вамбери сообщает, что лучший адрас выделывали в Андижане, лучшие, после гиссарских, ножи – в Чусте, превосходнейший шелк – в Шахрихане[42]. И хотя сведения Вамбери о Коканде расспросные, они достаточно достоверны и имеют определенную ценность.

В другой переведенной на русский язык книге, вернее, нескольких главах из книги Гордона "Крыша мира", которые вышли под названием "Путешествие на Памир", о Фергане сказано лишь следующее: "Кызыл-артское плоскогорье постоянно занято 1000 семействами киргиз и кипчаков, которые ушли из Кокана семь лет назад"[43].

Свен Гедин в двух томах своей работы "В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан" дал обзор путешествия по Азии, предпринятого им в 1893–1897 гг. Автор сообщает о числе жителей в городе Коканде, об их этнической принадлежности, о количестве в городе домов, фабрик, медресе, мактабов, еврейских школ и т.д.[44]

Книга Ф. Скрайна и Э. Росса "Сердце Азии. История Русского Туркестана и среднеазиатских ханств с древнейших времен" в целом посвящена истории Средней Азии, начиная с походов Александра Македонского до завоевания Средней Азии Россией. Написана книга на основе персидских, арабских и русских источников, а также личных наблюдений. Кокандскому ханству, вернее периоду завоевания его русскими, уделено всего две страницы из 420[45].

В. Куртиз в своей книге "Туркестан: сердце Азии" проявляет интерес к Туркестану прежде всего как к объекту колониальной эксплуатации. О Коканде и других городах Ферганской долины приводятся самые общие сведения в главе "Хлопковая индустрия"[46].

Такие же фрагментарные сведения о Ферганской долине содержатся и в других работах, вышедших на рубеже XIX–XX вв.[47]

Среди работ зарубежных авторов особый интерес представляет исследование французского ученого, антрополога и этнографа К. Уйфальви. Его экспедиция по Средней Азии, в том числе и Фергане, состоялась в 1876–1877 гг. В отчете об экспедиции, два тома которых вышли под названием "Кохистан, Фергана и Кульджа" (т. 1) и "Сырдарья, Зеравшан и Семиречье" (т. 2) содержится немало этнографических сведений. По Фергане, в частности, составлена этнографическая карта, дана характеристика населения (сартов, кочевых узбеков, каракалпаков, киргизов, казахов, таджиков, цыган), указаны места расселения оседлого населения Ферганской долины и места кочевий полукочевников. Основываясь на собственных антропологических исследованиях, автор определил места расселения в Фергане равнинных и горных таджиков, в частности выходцев из Каратегина, Дарваза, Гиссара и др.[48]

После Октябрьской революции начинается новый этап в изучении Средней Азии, который был объективно обусловлен потребностями хозяйственного и культурного строительства Советского государства. Этот этап характеризуется принципиально иным подходом к исследованию национального состава населения. Этнический состав изучается как результат длительных исторических и этногенетических процессов.

Результатом первого сплошного обследования Бухары и Хорезма в 1924 г. в целях экономического районирования и национального размежевания среднеазиатской территории стал труд "Материалы по районированию Средней Азии"[49]. Глава "Население", написанная на основании как литературных данных, так и этнографических полевых исследований – одна из первых основательных работ по этнографическому составу не только Бухары, но и Средней Азии вообще, в том числе и Ферганской долины. Автор главы, И. Магидович, привел богатейший материал по родо-племенному делению узбеков, казахов, туркмен, арабов и др., названиям территориальных групп таджиков, а также по численности и местам расселения каждой из групп. Но особый интерес для нас представляют примеры, свидетельствующие о консолидации различных узбекоязычных групп, о сближении узбеков и таджиков, о чем говорят смешанные браки, двуязычие и другие факторы.

И.И. Зарубин написал по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. с привлечением других источников небольшую, но очень содержательную работу "Население Самаркандской области. Его численность, этнографический состав и территориальное распределение"[50]. А в состав Самаркандской области входил в то время и Ходжентский уезд, значительная часть которого лежала на территории Ферганской долины.

Отсутствие каких-либо научно разработанных данных по экономике среднеазиатских селений, об общественных отношениях, которые сложились в кишлаках и аулах Средней Азии после революции, послужило причиной обследования последних. В результате появился многотомный труд "Современный кишлак Средней Азии", два тома которого были посвящены Ферганской долине[51]. В них приведены разнообразные и хорошо выверенные данные не только о состоянии сельского хозяйства в 20-х годах, промыслов, торговли, но и о населении ферганских кишлаков, их взаимоотношениях, дано процентное соотношение различных этнических групп и другие важные сведения.

В 20-е же гг. появляется целый ряд интереснейших работ по этнографии Ферганской долины. М.С. Андреев в своей статье "По этнографии таджиков. Некоторые сведения"[52] рассматривает таджиков Ходжентского района и приводит интересные наблюдения об эволюции в этом регионе термина "таджик". Как свидетельствует М.С. Андреев, таджикоязычное население Ходжентского района (как, видимо, и вообще Ферганы. – *С.Г.*) называло себя раньше только "сартами", хотя язык свой считало таджикским. Истинными же таджиками они считали горцев (матчинцев, дарвазцев и др.). Ко времени же пребывания в Ходженте М.С. Андреева, а именно в 20-е гг., таджикоязычное население Ходжентского уезда называлось уже в основном таджиками[53].

Другая статья М.С. Андреева посвящена таджикам Касанского района (близ г. Наманган). В ней приведен интересный материал о следах родового деления у тамошних таджиков, остатках древних верований, о мужских союзах (джура), жилище, базарах, местных говорах и т.д. Для нас особый интерес представляют сведения о родственных связях жителей Касанского района с таджиками верховьев реки Чирчик[54].

В "Учебном пособии по географии Таджикистана" Н.Г. Малицкого приводятся не только географические, но и этнографические сведения по Таджикистану, в том числе и Ходжентскому округу. Автор характеризует таджиков, узбеков (сартов, тюрков, полукочевых узбеков) и др. с антропологической точки зрения, а также описывает их быт, характер, духовную культуру, язык[55].

В статье А.С. Сыдыкова "Родовое деление киргиз" приводится богатейший материал по родо-племенному делению киргизов с указанием территории их расселения, включая и Ферганскую долину[56].

Основное число этнографических работ по Ферганской долине написано в послевоенное время. Разные по тематике, объему, значимости, каждая из них тем не менее важна для изучения населения этого края, его материальной и духовной культуры, взаимоотношений различных ее этнических групп.

Одной из первых специальных работ об этническом составе населения Ферганы была кандидатская диссертация Ш.И. Иногамова "Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах УзССР". В диссертации в основном говорится о расселении на указанной территории узбеков, таджиков, киргизов, каракалпаков, арабов, уйгуров (родо-племенной состав указанных народов автор не рассматривает), а также кипчаков и кураминцев[57].

В статье Я.Р. Винникова "Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине"[58] также приведен только численный состав и расселение указанных выше народов и этнографических групп, но уже во всей Ферганской долине. В другой статье этого же автора "Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии" даны подробнейшие генеалогические таблицы киргизов правого крыла "он" (багыш, саяк, мунгуш, адигине, джедигер, сарыбагыш, монгол), левого крыла "сол" (басыз, мундуз, кутчу, саруу, кытай) и ичкиликов (кыпчак, найман, тейит, ават, бостон, жоокесек, кесек, оргу, тоолас, канды); составлена карта расселения родо-племенных групп киргизов до революции[59].

Происхождению, занятиям, быту и некоторым обрядам таджиков долины рек Сох и Исфара посвящены две статьи Н.А. Кислякова "Таджики долины Соха"[60] и "Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков"[61]. В них уделено внимание взаимоотношениям равнинных и горных таджиков в долине реки Сох, таджиков и узбеков в Исфаринском районе.

Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский посвятили Исфаринскому району "Археологический очерк Исфаринского района", в котором рассматривают и вопросы этногенеза таджиков Исфары. Авторы приходят к выводу, что формирование любого народа, в данном случае таджикского, – явление сложное, многослойное. Таджикский народ в процессе своего многовекового развития не оставался неизменным, а качественно менялся, "обогащая свою культуру, воспринимая элементы культуры братских соседних народов". Исфаринские же таджики, свидетельствуют авторы, представляют собой сплав равнинных таджиков Ферганы и горных таджиков из Верхнего Зеравшана и Каратегина. Кроме того, в их состав входят частично узбеки и, в меньшей степени, киргизы[62].

Городскому и сельскому населению Северного Таджикистана конца XIX – начала XX в. посвятил целый ряд работ Н.О. Турсунов. Для нас особый интерес представляет монография "Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX в. (историко-этнографические очерки)"[63]. Автор исследует формирование населения городов, городков и селений Северного Таджикистана, их занятия, межхозяйственные связи, культурные взаимоотношения между таджиками, узбеками, киргизами и представителями других национальностей, издавна жившими бок о бок в этом регионе долины.

Монография М.Г. Вахабова "Формирование узбекской социалистической нации"[64] – одна из первых работ, в которой обстоятельно исследуются проблемы формирования узбекского наро-

да, в составе которого в конце XIX – начале XX в. было три пласта: сарты, тюрки и даштикипчакские узбеки. Автор определяет не только развитие и состояние языка, культуры, быта каждого из пластов, но и степень стирания граней между ними. В книге приведен обильный материал и по ферганским узбекам.

Одному из указанных пластов узбекского народа, тюркам, посвящена статья Б.Х. Кармышевой «Этнографическая группа "тюрк" в составе узбеков (историко-этнографические данные)»[65]. В ней дана характеристика тюркских подразделений (карлук, барлас, кальтатай, мугул, собственно тюрк), их численность, расселение, в том числе и в Фергане, сведения о занятиях, одежде, пище, жилище, некоторых обрядах и обычаях.

Кипчакам, одному из компонентов узбекского народа, посвятил монографию и статью К.Ш. Шаниязов: "К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента)" и "Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период"[66]. В Ферганской долине, где по переписи 1926 г. кипчаков было 327 тыс. человек, они были относительно обособлены, пишет автор, и с трудом сливались с другими группами узбеков. К. Шаниязов исследует причины столь слабой интеграции, хозяйство, быт, обряды, материальную и духовную культуру.

О каракалпаках Ферганской долины написана специальная монография Л.С. Толстовой "Каракалпаки Ферганской долины (историко-этнографический очерк)"[67], а также разделы и страницы другой ее книги "Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – начале XX в."[68] Автор всесторонне показывает историю переселения каракалпаков на территорию Фергаины, занятия, быт, обрядность, общественные отношения, приводит схему расселения их в Ферганской долине. Л.С. Толстова описывает и отдельные моменты взаимоотношений каракалпаков с представителями других народов, хотя не акцентирует на этом внимание.

О так называемых южных киргизах, т.е. живущих на территории Ферганской долины и в окружающих ее горах, написано несколько монографий. В работе К. Усенбаева "Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX в. – до присоединения Киргизии к России)"[69] делается попытка выявить сущность патриархально-феодальных отношений у киргизов в XIX в., показать их специфические особенности. Взаимоотношения киргизов и узбеков рассматриваются только как взаимоотношения завоевателей и завоеванных, с чем трудно согласиться. На протяжении веков узбеки и киргизы жили бок о бок, обменивались продуктами своего

труда, были необходимы друг другу, что не могло не содействовать развитию между ними добрых связей.

Две крупных монографии посвятил ферганским киргизам В.М. Плоских: "Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50–70-е гг. XIX в.)" и "Киргизы и Кокандское ханство"[70]. В первой из них исследуются социально-экономические отношения, характер землевладения, форм землепользования и эксплуатации кочевого и оседлого населения Южной Киргизии в период вхождения ее в Кокандское ханство. Во второй рассматриваются вопросы политических и экономических связей Киргизии и Кокандского ханства во второй половине XVIII–70-х гг. XIX в. Непосредственное отношение к нашей проблематике имеет параграф книги "Взаимовлияние узбекского, таджикского и киргизского населения". Но в этом разделе в основном описываются скотоводческое и земледельческое хозяйство у киргизов, а также домашние промыслы и торговля. Непосредственно по теме приведены всего два–три примера. Удивляют фразы: "Одним из примером влияния узбекского населения на хозяйственную жизнь киргизов является переход части их к земледелию и в определенной степени к оседлости"[71], "Под влиянием узбекского и таджикского населения эволюционное развитие киргизского общества шло в направлении оседлого земледелия – более высокой ступени хозяйствования"[72], "Обращению к земледелию в немалой степени способствовали тесные контакты киргизских скотоводов с узбекскими земледельцами в период Кокандского ханства"[73]. Но известно, что кочевника не привлекала жизнь земледельца, земледельческий труд был для них даже ненавистен, и кочевник вовсе не считал земледелие "более высокой ступенью хозяйствования", хотя и нуждался в продуктах земледелия. Получать последние он предпочитал путем обмена. Оседали же обычно не под влиянием кого-либо, а лишь полностью разорившиеся скотоводы. Причем их не покидала надежда когда-нибудь вновь встать на ноги и начать кочевать. Другое дело, что осевшие скотоводы (в частности, киргизы) перенимали у узбеков и таджиков навыки земледельческого хозяйства, умение строить ирригационную систему, навыки хранения земледельческих продуктов и т.д.

Среди исследований о киргизах хотелось бы особо отметить труд С.М. Абрамзона "Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи"[74]. Автор всесторонне рассматривает этническую историю киргизского народа, хозяйственный уклад, материальную и духовную культуру, общественный строй, семейные отношения. Очень много внимания в монографии уделяется и вопросам консолидации киргизов, процессам сближения их с

другими народами, в том числе и на территории Ферганской долины.

Значительное число монографий и статей посвящены изучению хозяйства, материальной культуры, прикладного искусства той или иной этнической группы Ферганы. Этот круг проблем очень важен, так как понимание как этнической истории того или иного народа, так и этнических процессов, протекавших в том или ином регионе, невозможно без изучения этнических традиций в ведении хозяйства, земледельческого или скотоводческого, этнической специфики материальной культуры, а именно жилища, хозяйственной утвари, пищи, одежды, украшений и т.д. Здесь следует отметить работы К.И. Антипиной "Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов", "Ворсовое ткачество"[75]; В.Л. Ворониной "Жилище народов Средней Азии и климат"[76]; Б.С. Гамбурга "К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX–первой четверти XX в.[77]; У. Джахонова "Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в."[78]; И.В. Захаровой "Материальная культура уйгуров Советского Союза"[79]; Е.М. Пещеревой "Гончарное производство Средней Азии"[80]; А.К. Писарчик "Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы", "Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины", "Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв."[81]; Р.Я. Рассудовой "К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.)", "К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов", "Шелководство в системе хозяйства оседлого населения Ферганы", "Сравнительная характеристика мужской одежды Ферганского, Ташкентского региона. XIX–XX вв."[82]; О.А. Сухаревой "Тюбетейки", "Художественные ткани", "Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии", «Опыт анализа покроев традиционной "туникообразной" среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции», "История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.)"[83] и многих, многих других. В каждой из работ, посвященных материальной культуре народов Средней Азии, в большей или меньшей степени рассматриваются вопросы взаимодействия и взаимовлияния представителей той или иной этнической группы с другими этносами.

В 1950 г. Институт истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР совместно с Институтом этнографии АН СССР начал изучение культуры и быта одного из таджикских колхозов, расположенных на территории Ферганской долины. Результатом этой работы явилась монография Н.Н. Ершова, Н.А. Кислякова, Е.М. Пещеревой, С.П. Русяйкиной "Культура и быт таджикского колхозного крестьянства"[84], в которой авторы показали социальное переустройство жизни таджикского крестьянства в советское время. Для сравнения приводится материал по дореволюционному периоду, но он невелик. Восполняет в значительной степени этот пробел книга одного из соавторов указанной монографии Н.Н. Ершова "Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк)"[85]. В работе достаточно подробно рассматриваются земельные отношения и нормы водопользования, занятия населения садоводством, виноградарством, полеводством, шелководством, животноводством. Книга насыщена массой этнографических подробностей. Интересны, например, сведения о том, что таджики указанного района (а значит, и равнинные таджики Ферганской долины вообще) не умели использовать продукты животноводства. Все продукты животноводства – паласы, кошмы, ковры, сукно, шерстяные чулки и обмотки для ног, веревки и т.д. – покупались на базаре у кочевников. Таджики этого района не умели даже сбивать масло; у них не было маслобоек, что в значительной степени объясняется не только, вернее, не столько традициями, сколько почти полным отсутствием скота у населения в предреволюционный период. А ведь путешественники в начале XIX в. отмечали, что масло и молоко у народов Ферганской долины употреблялось довольно широко. Такие разные сведения об одном и том же регионе можно объяснить только тем, что в конце XIX и особенно в начале XX в. монокультура хлопчатника вытеснила не только другие сельскохозяйственные культуры, но и выгоны, и пастбища в равнинной части Ферганы, а это привело к почти полному исчезновению скота молочного направления.

Другой очень интересной работой о колхозном крестьянстве Ферганской долины является книга О.А. Сухаревой и М.А. Бикжановой "Прошлое и настоящее селение Айкыран (опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области)"[86]. Для нас представляет интерес глава "Прошлое кишлака Айкыран", написанная О.А. Сухаревой, в которой значительное место уделено формированию населения кишлака, занятиям его, социальным отношениям, этническим процессам.

Следует отметить двухтомник "Народы Средней Азии и Казахстана"[87] со всесторонней характеристикой народов этого региона. В отдельных статьях этого издания имеется материал и по Ферганской долине.

Сближение народов, живших бок о бок в течение длительного времени, шло и в области языка. Е.Д. Поливанов в "Материалах по грамматике узбекского языка" пишет, что в результате длительной совместной жизни, экономических контактов и других факторов узбекский язык населения Маргилано-Кокандской, Андижано-Шахриханской и других групп кишлаков подвергся большему или меньшему влиянию таджикского языка, что проявилось в фонетике, лексике и даже морфологии и синтаксисе[88].

Заимствования в таджикском языке в области лексики, фонетики, стилистики, словообразования, синтаксиса из узбекского языка отмечает В.С. Расторгуева в монографии "Очерки по таджикской диалектологии", три тома которой (из четырех) посвящены диалектам Ферганской долины (кишлаки Риштан, Сох, Чуст, Касансай, Шайдан, Хиштхона, Ашт)[89].

Говоры тюрков – одного из компонентов узбекского народа, в том числе и ферганских, были исследованы Г.Ф. Благовой, Х.Д. Данияровым[90].

Язык уйгуров Ферганской долины и вопросы взаимодействия его с узбекским изучались Г.С. Садвакасовым[91].

Представляет интерес и ряд работ о социально-экономических процессах в Кокандском ханстве, поскольку они, а также этнические процессы, имевшие место при кокандских ханах в начале и середине XIX в., продолжали существовать в определенной степени и в конце XIX в. Троицкой А.Л., например, написан большой труд на основе документов архива кокандских ханов[92].

Известный ориенталист П.П. Иванов посвятил Кокандскому ханству работу "Казахи и Кокандское ханство" и главы в монографии "Очерки по истории Средней Азии. XIV – середина XIX в."[93] В первом труде дана характеристика первых шагов кокандской территориальной экспансии в казахские степи и горные районы Киргизии, освещены отдельные моменты ранней истории казахско-кокандских отношений. Во второй работе описана политическая история страны. Немало внимания уделено населению страны, хозяйственным взаимодействиям между разными этническими группами, вопросам интеграции и даже ассимиляции отдельных групп населения.

В монографии Р.Н. Набиева "Из истории Кокандского ханства (феодальное хозяйство Худояр-хана)"[94] мы знакомимся с политической историей и социально-экономическими отношениями в стране непосредственно перед завоеванием ее Россией, а именно в 40–50-е гг. XIX в. Книга дает широкое представление о земледельческом и скотоводческом хозяйстве оседлого и кочевого населения Ферганы, об освоении целинных земель и многих других подобных вещах.

Монография Т.К. Бейсембиева "Та'рих-и Шахрухи" как исторический источник"[95] написана на основе 40 неопубликованных рукописей эпохи Кокандского ханства. Автор приводит сведения по социально-экономической, политической и этнической истории Кокандского ханства.

Немалый материал по Фергане конца XIX–начала XX в. и ее населению имеется в трудах о сопредельных с нею территориях – горных бекствах Восточной Бухары, Ура-Тюбе, Кашгарии. Монографии Н.А. Кислякова "Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана"[96], Б.И. Искандарова "Восточная Бухара в период присоединения Средней Азии к России" и "Восточная Бухара и Памир во 2-й половине XIX в."[97] содержат сведения о политических взаимоотношениях Каратегина и других горных бекств с Кокандом, социально-экономических их связях. В частности, приведен материал как о бегстве части населения горного Таджикистана в Фергану в период междоусобиц и нашествия иноземцев, так и об отходничестве мужской части его (населения) в более благодатную Фергану. Многие из беженцев и отходников оседали в Ферганской долине.

В книге Л.А. Чвырь "Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – начале XX в. (очерки историко-культурных связей)"[98] на материале народного костюма реконструируется народная культура уйгуров – коренных жителей Восточного Туркестана – в конце XIX – начале XX в. В работе ставится и проблема историко-культурных взаимосвязей уйгуров с соседними народами, в первую очередь среднеазиатскими. Совпадение структуры народного костюма уйгуров и среднеазиатских народов (прежде всего ферганцев) приводит автора к выводу, что с давних времен уйгуры и среднеазиатские народы принадлежали к единой историко-этнографической области. Эта мысль об этнокультурной общности народов Средней Азии и Восточного Туркестана еще раньше была высказана Б.А. Литвинским в статье "Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблема этнокультурной общности)"[99].

Динамике этнической структуры населения узбекской части Ферганской долины конца XIX–XX вв. посвятил кандидатскую диссертацию и несколько статей Х. Рахматуллаев[100]. Автор предполагал, по его собственным словам, выявить во временном и территориальном аспектах важнейшие закономерности изменения этнической структуры населения этой части долины. Но, на мой взгляд, этого не произошло, так как автор в своих исследованиях опирался только на статистические данные, и те неполные. В частности Х. Рахматуллаев использовал только материалы пе-

переписей 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 гг., хотя статистический материал не ограничивался только ими, особенно по периоду конца XIX – первой четверти XX в. Это привело (не могло не привести) к очень ограниченным результатам. Кроме того, судя по названию, автор должен был уделить значительное внимание концу XIX – началу XX в. Но работа, к сожалению, охватывает в основном советский период.

Одними из первых работ, посвященных населению всей Ферганской долины (т.е. узбекской, таджикской и киргизской ее частей) стали две монографии С.С. Губаевой – "Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по топонимическим данным)" и "Основные направления этнических процессов в Ферганской долине в конце XIX – начале XX в. (к проблеме поздних этапов этнической истории Средней Азии)" – и ряд статей[101].

Анализ топонимии, литературных памятников, статистических сведений, специальных исследований, обширного архивного и полевого материала, собранного автором, позволили существенно дополнить наши знания по этнической истории не только узбеков, но и таджиков, киргизов, уйгуров, среднеазиатских евреев, цыган, живших на территории долины издавна. Впервые предметом специального изучения стали русские, татары, кашгарские цыгане, появившиеся в этом крае только в XIX в.

Узбеки были самым многочисленным народом в Ферганской долине, что определило их роль в этнических процессах на этой территории. По этой причине, а также потому, что они были менее изучены (по сравнению с таджиками и киргизами), большая часть обеих монографий посвящена им, точнее, трем субэтносам, которые выделялись в конце XIX – начале XX в. в составе узбекоязычной части населения Ферганы: сартам, потомкам тюркских и тюрко-монгольских племен и потомкам даштикипчакских узбеков.

Основное внимание во второй монографии уделяется этническим процессам, имевшим место в Ферганской долине после присоединения ее к России, которые отличались двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, в этот период, в силу ряда факторов, появившихся в крае в результате присоединения, широко развернулись процессы объединительного характера: консолидационные, ассимиляционные, интеграционные. С другой, существовало еще и немало факторов, которые играли дезинтегрирующую роль и вели к дифференциации народов.

В 1995 г. вышла книга В.И. Бушкова "Население Северного Таджикистана: формирование и расселение"[102]. Поскольку значительная часть Северного Таджикистана находится на территории Ферганской долины, книга представляет для нас интерес.

Автор поставил перед собой очень сложную задачу: проследить формирование населения этого региона с конца IV в. до н.э. по XX в. н.э. Местное население, состоявшее из ираноязычных саков, пишет В.И. Бушков, претерпело за столь длительный период значительные изменения. Эфталиты, монголы, тюрки, даштикипчакские узбеки – все они сыграли свою роль в формировании населения ферганской части Северного Таджикистана.

При этом, по мнению В.И. Бушкова, в труднодоступных районах (селения Пангаз, Ашт, Пунук, Пискокат Аштского района, селение Ворух Исфаринского района), до которых не всегда докатывались волны военно-политических коллизий, сохранилась древняя первооснова. В других же селениях, имеющих столь же древнее происхождение (селения Кыстакоз, Самгар Ходжентского района, селение Гулякандоз Пролетарского района и Куркат Науского района), население полностью или частично сменялось, часто неоднократно. В результате к концу XX в. в ферганской части Северного Таджикистана помимо ираноязычных таджиков жило значительное число тюркоязычного населения, потомков более чем 40 тюркских племен и родо-племенных подразделений. Книга снабжена большим числом таблиц и карт.

В постсоветский период, после распада СССР и появления в Средней Азии независимых государств, начался новый этап в подходе к этой теме. Появилась потребность (модная ныне) пересмотреть все, имеющее отношение к советским временам, а значит, и все то, что было сделано по этнической истории народов Средней Азии, потребность "преодолеть сложившуюся в советский период точку зрения на процесс формирования этносов и наций как естественно-исторический, объективный по своей природе и аналогичный процессу формирования видов в живой природе"[103], "освободиться как от евроцентристской великодержавной концепции застойности Азии, так и от марксистско-догматического подхода о ее развитии по единообразным общественным закономерностям"[104]. Появилась необходимость осмыслить процесс "национального возрождения" в Средней Азии, истоки и перспективы становления национального самосознания народов этого региона, в частности, узбеков.

Так, ученый из Узбекистана А. Ильхамов пишет: "Было бы наивным представлять формирование узбекской нации как "объективный" естественно-исторический процесс. На самом деле процесс формирования современной узбекской идентичности следует рассматривать в тесной взаимосвязи с образованием Узбекской ССР, а также в значительной степени как результат сложения усилий правящих и культурных элит"[105].

Среди работ постсоветского времени, посвященных изучению этнической истории населения собственно Ферганской долины не так уж много[106], тем не менее хотелось бы, не вступая в пространную дискуссию, сказать несколько слов по поводу тех работ, в которых дружно обвиняются не только власти Российской империи и Советского государства, их идеологии в том, что они подчинили своим интересам формирование среднеазиатских наций, навязали им современную самоидентификацию, но и ученые-востоковеды, сыгравшие в этом деле "важную обслуживающую роль"[107].

Первое, что бросается в глаза при чтении этих работ – это непримиримый, все отрицающий тон, в лучшем случае высокомерная ироничность. Нет сомнения, большинство ученых право в том, что современная самоидентификация народов Средней Азии – продукт усилий Советской власти, направленных на создание национально-государственных образований в Средней Азии. И, конечно, пересматривать и перетряхивать время от времени старый багаж, избавляясь при этом от фальсификаций, устаревших интерпретаций и прочего, нужно. Но хотелось бы, чтобы это делалось более корректно, а главное, более осторожно. Не выплеснуть бы вместе с водой и ребенка.

Известно, что все официальные идеологии являются всего-навсего "стратегическими приспособлениями к требованиям исторического момента"[108]. О том, что в любом обществе существует непосредственная зависимость гуманитарных знаний, режимов истины от власти, пишет со ссылкой на работу М. Фуко "Археология знания" и А. Ильхамов[109]. А если это так, то стоит ли так уж непримиримо обвинять власти Российской империи и Советского государства в том, что они подчинили решение национального вопроса своим интересам. Они делали свое дело. И только.

Делали свое дело и ученые Российской империи и Советского государства (а среди них было немало ученых высочайшего класса) насколько это возможно честно и добросовестно. И не их вина, что они вынуждены были учитывать интересы государства, интересы господствующей идеологии (как всегда и везде, а не только в нашей многострадальной стране).

Да, царская Россия усиленно и всесторонне изучала завоеванный край, в том числе и этнический состав населения (создавая при этом удобную для ее администрации этническую номенклатуру), поскольку и от этого зависел успех колониальной политики. Советская власть в какой-то степени стала в этом плане преемницей царской России: она продолжила начатое последней дело по созданию "национальных классификаций и категоризаций" в Средней Азии. Поскольку этническая разноплановость (как и многоукладность) общества, существовавшие на этот период в

стране, создавали немалые трудности для дальнейшего строительства только что созданного государства, она (Советская власть) предприняла проведение национального размежевания и создание национально-государственных образований.

Но одним декретом и желанием определенных кругов превратить бесчисленное множество родо-племенных, территориальных, сословных и прочих групп, различающихся к тому же материальной и духовной культурой, хозяйственно-бытовым укладом, в единый народ довольно трудно, если не невозможно. Для этого нужны и немало объективных факторов, прежде всего социально-экономических. Национальная политика государства – лишь один из факторов, пусть и довольно мощный.

Этническая консолидация, приводящая по истечении определенного времени к "созданию" народа – процесс объективный, естественно-исторический и очень длительный. И происходит эта консолидация в результате развития между различными группами (этническими, территориальными, сословными и прочими) социально-экономических и культурных контактов и связей на протяжении веков. Для Средней Азии, где издавна сосуществовали оседлые земледельцы и кочевые (полукочевые) скотоводы, взаимодействие между ними было, как писала Б.Х. Кармышева, "одним из самых существенных факторов, определивших весь ход экономического, политического, культурного и этнического (подчеркнуто мною. – *С.Г.*) развития Мавераннахра эпохи феодализма"[110].

К концу XIX – началу XX в. на территории Средней Азии и особенно Ферганской долины результаты этих контактов уже были. Например, сарты (один из компонентов будущего узбекского народа) к рассматриваемому времени вобрали в себя на территории Ферганской долины, в частности, представителей тюркских и тюрко-монгольских родов и племен, поселившихся в Средней Азии задолго до нашествия даштикипчакских узбеков (ягма, ашпар, чигиль, анди, чограк, чурас, бахрин, нарын, балыкчи, каучин и мн. др.), представителей даштикипчакских узбекских племен и родов (кырк, сарай, тама, мангыт, катаган, кунград и мн. др.), существование которых (тех и других) в этом регионе в давние времена можно восстановить только по письменным памятникам и по топонимии. Узбекоязычные сарты Ферганы вобрали в себя также часть таджиков, оседающих киргизов и отдельных представителей других народов, прибывавших в этот край в разные времена[111].

Таким образом, оседлое земледельческое тюркоязычное население Ферганы, именуемое "сарт", уже в конце XIX в. представляло собой сложный синтез разнородных этнических элемен-

тов, объединенных теперь уже общим типом хозяйства, одинаковым бытом, близкими говорами и единым самосознанием и самоназванием. А это свидетельство естественной, начавшейся задолго до прихода русских в Среднюю Азию, этнической консолидации.

Усилия царской, а затем советской администрации значительно ускорили процесс дальнейшей консолидации узбекоязычного (как и таджикоязычного и киргизоязычного) населения Ферганы (и Средней Азии в целом) не только "изобретением" новой этнической номенклатуры, которая значительно упрощала и сокращала множественность идентификаций, существовавших в Средней Азии, но и реальными шагами в области дальнейшего развития экономики края и создания здесь развитой экономической инфраструктуры. А это (экономическое развитие) стало следующим серьезным фактором, стимулирующим естественные (подчеркиваю, естественные) процессы объединительного характера вообще и консолидационные, в частности. Еще более усилили и ускорили процесс этнической консолидации, конечно же, национально-государственное размежевание и создание союзных и автономных национальных республик. Хотя даже к нашим дням не до конца изжита определенная обособленность некоторых групп в составе, например, узбеков. Среди них можно назвать кипчаков, крупный массив которых живет в Ферганской долине.

Американский ученый Дж. Шоберлайн-Энгел, побывавший во время поездки в Фергану в кипчакских селениях, пишет о них (как и о ходжа, и сартах) как о самостоятельной этнической группе, которая, несмотря на все усилия Советской власти и "объединенного фронта советских этнографов", сумела сохранить свою самобытность (занятие скотоводством, джокающие говоры, особые, отличные, например, от сартовских, обычаи, эндогамию)[112].

В связи с тем, что виденные Дж. Шоберлайн-Энгелом кипчаки давно уже ведут оседлый образ жизни, занятие скотоводством не может быть их основным занятием, тем более в Ферганской долине, которая всегда страдала от малоземелья. О том, что у кипчаков равнинных районов Ферганы, а также бассейна Зеравшана в хозяйстве преобладает земледелие, писал и К. Шаниязов, автор большой монографии о кипчаках[113]. Другое дело, что их генетический скотоводческий опыт использовался в колхозах. И жили они задолго до XIX в. в домах сартовского типа, а не в юртах. Пища, одежда тоже в общем-то давно приобрела общеферганские черты, в обрядах и обычаях опять-таки появилось много общего с сартовскими, хотя до сих пор сохранился ряд

обычаев, присущих как собственно кипчакам, так и кочевникам вообще, в том числе казахам и киргизам. Этим объясняется их бóльшая тяга к киргизам и казахам, чем к сартам, о чем писал Дж. Шоберлайн-Энгел. Ведь в прошлом все они относились к единому хозяйственно-культурному типу.

Что касается джокающего говора (один из признаков даштикипчакских узбеков), то он, действительно, сохранился в районах компактного расселения кипчаков, но в основном у представителей старшего поколения. Но те, кто учился в советской школе, институте, должны были перейти на йокающий говор, характерный для узбекского литературного языка, чтобы не выделяться из общей массы. Все сказанное относится и к тюркам, и к юзам, и к кураминцам, живущим в Ферганской долине, и ко всем другим компактно живущим группам. Дисперсно расселенные кипчаки, юзы, тюрки, курама и др. давно уже растворились в составе узбекского народа.

И наконец, кипчаки в Ферганской долине, как и указанные выше группы, имеют двойственное самосознание, которое еще будет существовать некоторое время, постепенно уступая место единому самосознанию "узбек". Тот же кипчак, который беседовал, например, с Дж. Шоберлайн-Энгелом, в таджикской среде назовет себя узбеком и только узбеком. Более того, даже в узбекской среде, но за пределами своих селений он не будет особо подчеркивать, что он кипчак: представитель старшего поколения предпочтет умолчать об этом, а представитель молодого поколения просто не вспомнит о том и, может быть, даже оскорбится, если ему будут указывать на его инаковость. Но в качестве информатора, особенно если кипчак (как и юз, тюрк, курама и др.) находится при этом в своем, кипчакском, окружении, он, действительно, будет с удовольствием подчеркивать свою принадлежность к кипчакам; но опять-таки в основном представители старшего поколения. Словом, старшее поколение пока еще меняет свою самоидентификацию в зависимости от ситуации. Молодое поколение этого уже почти не делает.

Разве все сказанное выше не является свидетельством естественного сближения бывших кочевников с оседлым населением, ведущего со временем к слиянию.

Складывается впечатление, что Дж. Шоберлайн-Энгел, к сожалению, не знает ни ферганской действительности, ни советской этнографической литературы. Ибо, если бы он был знаком с работами О.А. Сухаревой, Б.Х. Кармышевой и других этнографов, он бы лучше понял, кто такие кипчаки, сарты, ходжа и не писал бы о них как об отдельных "этнических группах". Вызывает удивление и заявление этого ученого о существовании неко-

его "объединенного фронта советских этнографов", который якобы пришлось "прорывать" К. Шаниязову[114]. Не было никакого "фронта", направленного против кипчаков и других подобных групп, а потому не было никакого "прорыва". Более того, книга о кипчаках написана К. Шаниязовым в значительной степени благодаря помощи ведущих советских ученых, специалистов в этой области, Т.А. Жданко и Б.Х. Кармышевой, учеником которых он был и сам себя таковым осознавал.

Все сказанное выше лишний раз показывает, что самоназвание "узбек" в настоящее время реально существует, и для современных носителей этого этнонима совершенно безразлично, когда, как и почему он появился в качестве именно их самоназвания. Для них это не имеет уже никакого значения. Они прожили с этим самоназванием (и самосознанием) почти 100 лет и чувствуют себя вполне комфортно, называя и осознавая себя "узбеками", гордятся тем, что они "узбеки". А значит, становление этноса состоялось.

Хороша ли, плоха ли была национальная политика в Российской империи и Советском государстве – это особый вопрос. Но объективно она привела к очень неплохим результатам. Во-первых, мы имеем в Средней Азии вполне сформировавшиеся народы со своим самоназванием, четким самосознанием, со своими государственными образованиями. Положительность этого момента, между прочим, отмечают и сами авторы, пишущие об этом вопросе.

А во-вторых, мы имеем не только тщательно собранный учеными высокого класса эмпирический материал по этническому составу населения страны, в том числе и Средней Азии (а в настоящее время собрать его почти невозможно не только потому, что по ряду причин затруднены полевые этнографические исследования, как пишут многие авторы, но и потому, что к нынешним дням население, особенно в Ферганской долине, уже утратило свои родо-племенные названия), но и (несмотря на цензуру, ограничения и тематическую заданность) целый ряд высококлассных исследований по этнической истории народов Средней Азии, которые составили славу советской науки.

Таков краткий, далеко не полный обзор литературы по изучению этнического состава и этнической истории населения Ферганской долины.

[1] *Ефремов Ф.С.* Девятилетнее странствование. М., 1950.

[2] Путешествие Мир Иззет Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. // Тр. Среднеаз. гос. ун-та. Н.С. Ист. науки. Ташкент, 1956. Вып. 78, кн. 2. С. 41–52.

[3] *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.

[4] *Потанин.* Записки о Кокандском ханстве, 1830 г. // Вестн. Имп. Рус. геогр. об-ва. СПб., 1857. Кн. VI, ч. XVIII. С. 255–289.

[5] *Вельяминов-Зернов В.В.* Исторические известия о Коканском ханстве* от Мухаммеда-Али до Худояр-хана. СПб., 1856; *Он же.* Сведения о Коканском ханстве // Вестн. Имп. Рус. геогр. об-ва. СПб., 1856. Кн. V, ч. XVIII; *Он же.* Коканское ханство по новейшим сведениям // Воен. сб. СПб., 1865.

[6] *Он же.* Сведения о Коканском ханстве. С. 106, 107.

[7] *Макшеев А.* Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае // Зап. Рус. геогр. об-ва по отделению статистики. СПб., 1871. Т. II. С. 18.

[8] *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. III–IV.

[9] Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1872. С. 3.

[10] Ежегодник Ферганской области. Новый Маргилан. 1902. Т. 1. С. 3.

[11] *Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Ташкент, 1974. С. 224.

[12] См. об этом: *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность (конец XIX – начало XX в.). Ташкент, 1962.

[13] *Макшеев А.И.* Указ. соч. С. 1–60.

[14] *Гребенкин А.Д.* Узбеки // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. М., 1872. Вып. II; *Он же.* Таджики // Там же; *Он же.* Мелкие народы Заравшанского округа // Там же; *Он же.* Минг // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. СПб., 1874. Вып. III.

[15] *Хорошхин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

[16] Сам автор, не будучи специалистом, довольно скромно оценивает свой труд: "Заметки мои имеют характер по преимуществу топографический, хотя местами касаются и этнографии края; впрочем, как в том, так и в другом случае без малейшей претензии на специальность" (*Хорошхин А.П.* Указ. соч. С. 4).

[17] *Кун А.Л.* Очерк Кокандского ханства // Изв. Рус. геогр. об-ва. СПб., 1876. С. 6.

[18] Там же. С. 4.

[19] *Ситняковский Н.Ф.* Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области // Изв. Туркестанского отдела Рус. геогр. об-ва. Ташкент, 1900. Т. II, вып. 1.

[20] *Кузнецов П.Е.* О таджиках Наманганского уезда // Изв. Туркестанского отдела Рус. геогр. об-ва. Ташкент, 1915. Вып. II, т. XI, ч. I. С. 23–24.

[21] *Кузнецов П.Е.* О таджиках Кокандского уезда // Изв. Туркестанского отдела Рус. геогр. об-ва. Ташкент, 1916. Вып. II, т. XII. С. 349.

[22] *Лыкошин Н.С.* Чапкуллукская волость Ходжентского уезда. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения // Справочная книжка Самаркандской области. VIII. Самарканд, 1906.

[23] *Валиханов Ч.Ч.* Записки о Коканском ханстве // Соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. I.

[24] *Он же.* Материалы и исследования о Кашгарии // Соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1962. Т. II.

[25] *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч.

[26] *Наливкин В.П.* Очерки земледелия в Наманганском уезде // Туркестанские ведомости. 1880. № 11–29.

[27] *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С. V.

[28] *Uifalvy K.T.* Expedition Scientfique fransause en Russie, en Siberie et dans le Turkestan. P., 1878. P. 68, 87, 95.

---

* В литературе тех лет название города Коканд встречается и в написании Кокан, Кукан. Соответственно пишется и название ханства.

[29] *Миддендорф А.Ф.* Указ. соч. С. 410.

[30] *Федченко А.П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 339.

[31] *Кармышева Б.Х.* Население // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 34.

[32] *Кушелевский В.И.* Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области: В 3 т. Нов. Маргилан, 1891. Т. I. С. IV.

[33] *Лунин Б.В.* Историография общественных наук в Узбекистане. С. 253; *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 21 и др. авторы.

[34] *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. IV.

[35] *Наливкин В., Наливкина М.* Очерки быта женщины туземного местного населения Ферганской долины. Казань, 1886.

[36] *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.

[37] *Гейер И.И.* Весь русский Туркестан. Ташкент, 1909.

[38] *Масальский В.И.* Туркестанский край. СПб., 1913.

[39] Там же. С. IV.

[40] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб., 1911. Ч. I, отд. II; Ч. II, отд. I.

[41] *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч.: В 9 т. Т. II, ч. 1. М., 1963; *Он же.* История Туркестана // Там же; *Он же.* История культурной жизни Туркестана // Там же; *Он же.* Хлопководство в Средней Азии // Там же; *Он же.* Таджики. Исторический очерк // Там же; *Он же.* К истории орошения Туркестана // Соч.: В 9 т. М., 1965. Т. III; *Он же.* Фергана // Там же.

[42] *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 120.

[43] *Гордон Т.* Путешествие на Памир (главы из книги "Крыша мира"). СПб., 1877. С. 12

[44] *Гедин С.* В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Путешествие в 1893–1897 гг. СПб., 1899. Т. I, II.

[45] *Skrine F.H. and Ross B.D.* The heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian. Khanats from the Earliest Times. L., 1899.

[46] *Curtis W.E.* Turkestan. The Heart of Asia. N.Y., 1911.

[47] *Bellew H.W.* Kashmir and Kashgar. L., 1875; *Boulger D.C.* England and Russia in Central Asia. L., 1879. Vol. 1. *Rawlinson H.* England and Russian in the East. L., 1875; *Schuyler.* Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja. L., 1877. Vol. 1–2.

[48] *Uifalvy K.T.* Expedition Scientifique fransause en Russie, en Siberie et dans le Turkestan. P., 1878. P. 68, 87, 95.

[49] Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926; Кн. II. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. II. Хорезм. Ташкент, 1926.

[50] *Зарубин И.И.* Население Самаркандской области. Его численность, этнографический состав и территориальное распределение. Л., 1926.

[51] Современный кишлак Средней Азии. М., 1927. Т. VI, VII.

[52] *Андреев М.С.* По этнографии таджиков. Некоторые сведения // Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925.

[53] Там же. С. 157.

[54] *Андреев М.С.* Поездка летом 1929 г. в Касанский район (Северной Ферганы). Ташкент, 1929.

[55] *Маллицкий Н.Г.* Учебное пособие по географии Таджикистана (Ходжентский округ). Ташкент, Сталинабад, 1930. Ч. II.

[56] *Сыдыков А.С.* Родовое деление киргиз // В.В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

[57] *Иногамов Ш.И.* Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Уз ССР. Дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1959.

[58] *Винников Я.Р.* Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине // Среднеаз. этногр. сб. М., 1959. Т. II.

[59] *Винников Я.Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр. Киргиз. археолого-этнограф. экспедиции. М., 1956. Т. 1.

[60] *Кисляков Н.А.* Таджики долины Соха // Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А.А. Семенова. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1953. Т. XVII.

[61] *Кисляков Н.А.* Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков // Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ. наук. Сталинабад, 1954. Вып. 5.

[62] *Давидович Е.А., Литвинский Б.А.* Археологический очерк Исфаринского района // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1956. Т. XXXV. С. 210.

[63] *Турсунов Н.О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX – начала XX в. (историко-этнографические очерки). Душанбе, 1976.

[64] *Вахабов М.Г.* Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1965.

[65] *Кармышева Б.Х.* Этнографическая группа "тюрк" в составе узбеков (историко-этнографические данные) // Сов. этнография. 1960. № 1.

[66] *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974; *Он же.* Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

[67] *Толстова Л.С.* Каракалпаки Ферганской долины (историко-этнографический очерк). Нукус, 1959.

[68] *Толстова Л.С.* Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – начале XX в. Нукус; Ташкент, 1963.

[69] *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX – до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961.

[70] *Плоских В.М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50–70-е гг. XIX в.). Фрунзе, 1969; *Он же.* Киргизы и Кокандское ханство.

[71] *Он же.* Киргизы и Кокандское ханство. С. 221.

[72] Там же. С. 213.

[73] Там же. С. 222.

[74] *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971.

[75] *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962; *Она же.* Ворсовое ткачество // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. Тр. Киргизской археол.-этногр. экспедиции. Фрунзе, 1968. Т. V.

[76] *Воронина В.Л.* Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

[77] *Гамбург Б.С.* К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX – первой четверти XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии. М., 1975.

[78] *Джаханов У.* Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в. Душанбе, 1989.

[79] *Захарова И.В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза // Среднеаз. этногр. сб. М., 1959. Вып. II.

[80] *Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М.; Л., 1959.

[81] *Писарчик А.К.* Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж ССР. Сталинабад, 1956. Т. XLII; *Она же.* Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины // Среднеаз. этногр. сб. М., 1954. Вып. I; *Она же.* Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

[82] *Рассудова Р.Я.* К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1978. Т. XXXIV; *Она же.* Шелководство в системе хозяйства оседлого населения Ферганы // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1980; *Она же.* К истории женской одежды Ферганы и Ташкента (XIX – начало XX в.) // Полевые исследования Института этнографии, 1979. М., 1983; *Она же.* Сравнительная характеристика мужской одежды Ферганско-Ташкентского региона. XIX–XX вв. // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.

[83] *Сухарева О.А.* Тюбетейки // Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954; *Она же.* Художественные ткани // Художественные народные промыслы Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент, 1954; *Она же.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеаз. этнограф. сб. М., 1954. Т. I; *Она же.* Опыт анализа покроев традиционной "туникообразной" среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М., 1979; *Она же.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982.

[84] *Ершов Н.Н., Кисляков Н.А., Пещерева Е.М., Русяйкина С.П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л., 1954.

[85] *Ершов Н.Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1960.

[86] *Сухарева О.А., Бикжанова М.А.* "Прошлое и настоящее селения Айкыран (опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области). Ташкент, 1955.

[87] Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. I; М., 1963. Т. II.

[88] *Поливанов Е.Д.* Материалы по грамматике узбекского языка. Введение. Ташкент, 1935. Вып. I.

[89] *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии. М., 1952–1961. Вып. 1, 2, 3, 4; *Она же.* Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.

[90] *Благова Г.Ф., Данияров Х.Д.* Говоры "тюрков" Узбекистана в отношениях к языку староузбекской литературы // Вопр. языкознания. 1966. № 6.

[91] *Садвакасов Г.С.* Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970; *Он же.* К вопросу о взаимодействиях уйгурских и узбекских говоров Ферганы // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

[92] *Троицкая А.Л.* Каталог архива кокандских ханов XIX в. М., 1968.

[93] *Иванов П.П.* Казахи и Кокандское ханство // Зап. Ин-та востоковедения. М.; Л., 1939. Т. VII; *Он же.* Очерки по истории Средней Азии (XIV – середина XIX в.). М., 1958.

[94] *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства (феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973.\

[95] *Бейсембиев Т.К.* "Та'рих-и Шахрухи" как исторический источник. Алма-Ата, 1987.

[96] *Кисляков Н.Н.* Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад, 1954.

[97] *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад. 1960; *Он же.* Восточная Бухара и Памир во 2-й половине XIX в. Душанбе, 1962–1963. Ч. I, II.

[98] *Чвырь Л.А.* Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – начале XX в. (очерки историко-культурных связей). М., 1991.

[99] *Литвинский Б.А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблема этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.

[100] *Рахматуллаев Х.* Динамика этнической структуры населения узбекской части Ферганской долины (конец XIX – начало XX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Он же.* Динамика этнической структуры сельского населения Ферганской долины // Расы и народы. Ежегодник. М., 1988. Вып. XVIII.

[101] *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX в. (по топонимическим данным). Ташкент, 1983; *Она же.* Основные направления этнических процессов в Ферганской долине в конце XIX – начале XX в. (к проблеме поздних этапов этнической истории Средней Азии). Ташкент, 1991.

[102] *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. М., 1995.

[103] *Ильхамов А.* Предисловие // Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 9.

[104] *Сапаралиев Д.Б.* Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до середины XIX в. Бишкек, 1999. С. 9–10.

[105] *Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана. С. 288.

[106] *Holdsworth M.* Turkestan in the nineteenth century. A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. L., 1959; *Bacon E.* Central Asians under Russian rule. A study in culure change. N.Y., 1968; *Шоберлайн-Энгел Дж.* Перспективы становления национального самосознания узбеков // Восток. 1997. № 3; *Шевяков А.И.* О статье д-ра Д. Шоберлайн-Энгела "Перспективы становления национального самосознания узбеков" // Восток. 1998. № 6; *Абашин С.Н.* О самосознании народов Средней Азии (как Александр Игоревич поспорил с Джоном) // Восток. 1999. № 4; *Сапаралиев Д.Б.* Указ. соч.; *Абашин С.Н.* Миндонцы в XVIII–XX вв. История меняющегося самосознания // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. М., 2001. Вып. 27.

[107] *Ильхамов А.* Предисловие. С. 9.

[108] *Herzfeld M.* Cultural Intimacy: Social Poetics in Nation-State. L., 1977. P. 5.

[109] *Foucault M.* The Archeology of Knowledge. N.Y., 1972; *Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности. С. 295.

[110] *Кармышева Б.Х.* "Кочевая степь" Мавераннахра и ее население в конце XIX в. (по этнографическим данным) // Сов. этнография. 1980. № 1. С. 46.

[111] Подробнее об этом, а также о факторах, способствовавших этому процессу см.: *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы; *Она же.* Население Ферганской долины.

[112] *Шоберлайн-Энгел Дж.* Указ. соч.

[113] *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа. С. 190.

[114] *Шоберлайн-Энгел Дж.* Указ. соч. С. 57.

С.Н. Абашин

НАСЕЛЕНИЕ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ
(к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века)*

Ферганская долина, несмотря на немалое количество посвященных ей работ, до сих пор остается во многом terra incognita. По сути дела, значительная часть информации по региону, которая могла бы охарактеризовать историю сложения местного населения и его отдельных частей, еще не введена в научный оборот либо не проанализирована. Однако основная проблема изучения этнографического состава ферганского населения заключается даже не столько в недостатке информации, сколько в методологической или теоретической предвзятости, особом виде "взгляда" на историю формирования населения, заранее подразумевающем, во-первых, непременное, обязательное наличие этнических групп (наций, этносов) и этнического самосознания как основных форм подразделения общества, во-вторых, довольно ограниченный набор самих этих этнических групп, число которых уже предопределено в идеологии и устройстве национальных государств современной Средней Азии.

Большинство ученых, журналистов, политологов и политиков смотрят на историю региона как на историю "узбеков", "таджиков", "киргизов", являющихся "титульными народами" соответствующих государств, между которыми сегодня поделена Фергана, и некоторого числа "нетитульных народов", имеющих "свои" национальные территории за пределами региона (уйгуры, евреи, арабы, калмыки и др.), или общепризнанных меньшинств (цыгане). Между тем методологически более корректно было бы проводить исследование этнографического состава населения Ферганы одновременно с изучением истории представлений, истории "видения", истории классификаций. При таком подходе оказывается, что картина, к которой уже все, в том числе и сами

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты № 00-01-00217а и № 01-01-00290а) и программы "Евразия" (проект "Этнокультурные процессы и межкультурное взаимодействие в Средней Азии").

ферганцы, привыкли, является далеко не такой простой, а иногда и вовсе ошибочной.

Из имеющихся данных следует, что до прихода русских в 1860–1870-е гг. этническое самосознание не было известно населению Средней Азии. Главные, повседневно необходимые идентичности основывались на сословных (белая и черная кость), религиозных (сунниты, шииты и исмаилиты, принадлежность к различным суфийским братствам), хозяйственно-культурных (оседлое, кочевое и полукочевое, горное), региональных (бухарцы, самаркандцы, ходжентцы, дарвазцы и др.), родственных, родо-племенных и прочих делениях. Причем в каждом государственном образовании и просто в каждом регионе была своя собственная номенклатура и иерархия статусных позиций или категорий, на которые делилось население. Человек и группа людей, перемещаясь в другой регион, легко входили в новые для него иерархии и номенклатуры. Такая пластичность самосознания диктовалась жизненной необходимостью: любая группа должна была иметь механизмы адаптации новых членов и механизмы вхождения в более сильные группировки.

После завоевания части Средней Азии русскими впервые появилась потребность в более или менее жестких и устойчивых, образующих единую номенклатуру категориях. Они нужны были как способ подсчета и учета населения, отчасти – как способ устройства местного управления. Из России, т.е. извне, была привнесена система производства категорий, их обоснования, обсуждения и отбора. При этом за основу классификации был взят "племенной" (культурно-языковый, или этнический, как мы сегодня говорим) признак, критерии которого, как уже отмечалось, были в Средней Азии размытыми и неопределенными.

Тот факт, что западные империи искусственно привнесли понятие "этничности" и "национальности" в свои восточные колонии, давно уже является объектом внимания историков и этнографов. Об этом писал, в частности, Б. Андерсон, который проследил переход от периода колониализма к современному национализму в книге "Воображаемые сообщества". Он ссылался на исследования по поводу переписей в Малайзии, где "образцы "категорий идентичностей"... показывают необыкновенно быстрый и с виду произвольный ряд изменений, в котором эти категории постоянно соединяются воедино, распадаются на части, заново комбинируются, смешиваются друг с другом и перегруппируются"[1]. Британский ученый отметил, что у колониальных чиновников была "нетерпимость к множественным, политически "трансвеститным", неясным и изменчивым идентификациям... Замысел переписи состоит в том, чтобы каждый в нее попал и имел в ней

одно – и только одно – абсолютно ясное место. И никаких дробей"[2]. Андерсон писал: "По мере роста колониального государства и умножения числа его функций эта новая демографическая топография все глубже социально и институционально укоренялась. Руководствуясь собственной воображаемой картой, государство организовывало новые образовательные, юридические, здравоохранительные, полицейские и иммиграционные бюрократии, и все они строились по принципу этно-расовых иерархий"[3]. Это был путь выстраивания будущих "национальных государств", возникших на обломках империй.

Целью настоящей работы является анализ самых первых этапов формирования национальных классификаций и категоризаций ("грамматики национализмов") в Средней Азии (на примере Ферганской долины). Речь пойдет о русской историографии, тех сдвигах в представлениях российских ученых и чиновников, которые происходили в XIX – начале XX вв. (по 1926 г. включительно), а также истории создания той этнографической номенклатуры, которая стала позднее основой для государственных экспериментов в сфере нациестроительства. Интересно узнать, *кого* авторы той эпохи различали в качестве наций ("народов", "народностей", "племен"). Вопрос о том, *как* и с помощью каких аргументов они это делали, будет предметом другой работы[4].

Проблема сартов в середине XIX века

В различных списках "племен", "народностей" и "национальностей" Туркестанского края (и Ферганской области) фигурировало, о чем детально будет сказано ниже, самое разное их число (от десятка до двух десятков), а также разная численность относящихся к одной и той же группе людей. Несмотря на кажущийся хаос, в многообразии различных суждений можно найти определенную логику, которая связана с историей изучения региона. Она заключается в том, что в тот или иной регион русские приходили с уже готовой моделью описания этнографического состава и уже сформированными представлениями о признаках, характеризующих эту модель. Сталкиваясь с иными реалиями, ученые и чиновники подвергали критическому разбору прежние взгляды и пытались выработать новую модель с новыми признаками, а затем использовали ее, продвигаясь далее, в глубь Средней Азии, после чего модификация повторялась вновь.

Говоря о модели, надо иметь в виду, что русские ученые и чиновники изображали население Средней Азии не просто как "других" с "их" особенностями внешнего вида, языка, образа

жизни, но и как разные "типы" этих самых "других", причем не просто как ряд такого рода "типов", а их взаимную "оппозицию", определенный характер взаимных – чаще всего "бинарных" – отношений. Именно такую "оппозицию" можно назвать моделью описания и классификации.

Так, Н.В. Ханыков и Е.К. Мейендорф, которые в 30-е гг. XIX в. имели возможность провести довольно подробное изучение Бухарского эмирата, описывали его население как оппозицию узбеков и таджиков[5]. Модель "узбеки / таджики" поначалу распространялась на все остальные части Средней Азии, которые были знакомы русским ученым гораздо хуже.

Однако в середине XIX в. русские выяснили, что значительная часть населения Средней Азии имеет название и самоназвание "сарт". Встал вопрос: кто такие сарты? Поначалу сартов записывали в число таджиков. В статье "Сарты, или таджики, главное оседлое население Туркестанской области" (1867) Ю.Д. Южаков, имея в виду Ташкент, Бухару, Самарканд и ферганские города, писал, что здесь живут "сарты, или таджики"[6]. Южаков говорил о разногласиях в трактовке понятия "сарты" и определении их "племенной" принадлежности. Он привел мнение, согласно которому сарты и таджики "...не одно и то же племя, а два отдельные племени": те, кто говорит по-персидски, являются таджиками, а те, кто говорит "смесью тюркского и персидского", – сарты. И резюмировал: "Все это совершенно верно, но нам кажется, не может служить основанием тому, что сарты и таджики не одно и то же племя"[7]. О сартах, как о таджиках, писали в середине XIX в. А.П. Хорошхин[8] и А.Д. Гребенкин[9].

Однако были и другие точки зрения. П.И. Пашино, на которого была возложена "обязанность" изучить вопрос о "происхождении сартов", в своих путевых заметках "Туркестанский край в 1866 году" (1868) писал: "Тип сарта и характер его с первого знакомства говорят за его арийское происхождение. Конечно, можно встретить в Туркестанской области много личностей, именующих себя сартами и носящих самый несомненный отпечаток монгольского происхождения. Но такое обстоятельство не должно противоречить моему доводу о происхождении сартов"[10]. Пашино, как бы дискутируя с Южаковым, писал, что некоторые исследователи "смешивают сартов с таджиками и говорят, что сарт и таджик – одно и то же. Действительно, между таджиками и сартами есть много общего, так как оба эти народа арийского происхождения"[11], но таджики Туркестанской области – это "кровные персы", бывшие рабы, которых сюда недавно переселили, тогда как "персидское" происхождение сартов – "предположение гадательное". К тому же сам сарт "очень оскорбился бы,

если бы его назвали таджиком", поскольку считает таджика рабом и "в душе" шиитом, т.е. неверным[12]. Поэтому Пашино "скорее, согласен" признать сартов "за особый народ арийского происхождения", чем смешивать их с таджиками.

В работе "Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе" (1874) Л.Н. Соболев писал: "Сарт не есть особое племя, как то пытались многие доказать. Сартом называется безразлично и узбек и таджик, живущие в городе и занимающиеся торговлею. Это род мещанства, сословие, но не племя"[13].

В 1871 г. Л.Ф. Костенко в главе "Этнографический обзор народов, населяющих Среднюю Азию" (в книге "Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности") специально остановился на различиях между узбеками и таджиками и "сартовском вопросе". Костенко говорил о смешении тюрок и иранцев, "при этом смешении тип и язык остались наиболее заметными чертами, могущими служить руководною нитью при распознавании племен. Что же касается образа жизни и характера, то эти данные настолько общи всему оседлому населению Средней Азии, что сбивали с толку и продолжают сбивать и до сих пор всех наблюдателей туркестанских племен"[14]. Именно последнее обстоятельство, по мнению автора, приводит к тому, что "некоторые русские наблюдатели" ошибочно приписывают жителям Ташкента и всех городов правее реки Сырдарья – которых называют "сартами" – "иранское происхождение", имея в виду схожесть их образа жизни с таджиками Самарканда и Бухары. Костенко сослался на мнение, что сарт "есть местное наименование племени таджиков", но сам пришел к выводу, что "в действительности это не так"[15].

Костенко убеждал, что сарт – это название горожан и торговцев, в противоположность кочевнику и даже земледельцу. Он ссылался на самоназвания самого населения: в Ходженте "спрошенный вами обыватель о том, кто он: сарт или таджик? ответит, что он и сарт (по роду жизни), и таджик (по происхождению)"[16]. При этом севернее от Сырдарьи, например, в Ташкенте, местное население отрицает, что они таджики, и даже не всегда соглашается с названием сарт, "а определит себя просто ташкенлык (т.е. ташкентцем)"[17]. Правда, в Ташкенте также могут знать персидский язык, так как ему обучают в школе и "большинство узбеков, и вообще не таджиков, выучиваются по персидски и следовательно могут понимать таджиков"[18].

Позднее, в 1880 г., Костенко писал, что "племени сартов нет... Сартами называются: 1) таджики...; 2) осевшие узбеки, татары, киргизы и разные народности, происшедшие от взаимного их смешения...; 3) таранчи" ("таранчи – это суть сарты, населяющие оседлые пункты Кульджинского края")[19].

В это же время появились работы, авторы которых при анализе главным образом Сырдарьинской области пытались как-то отойти от модели "узбеки / таджики", заменив ее оппозицией "узбеки / сарты", в которой сарты уже не были тождественны таджикам или узбекам, а выступали в самостоятельной роли.

В 1872 г. в работе "О пространстве и населении Туркестанского края" А.В. Буняковский по поводу сартов писал: "Сартовская народность, образовавшаяся из помеси тюрков и узбеков с таджиками, в вышеупомянутых уездах сформировалась в отдельную народность и уже заметно отличается по типу и характеру от тех и других"[20]. При этом Буняковский отмечал, что узбеки называют сартами жителей городов, принадлежащих "одинаково к таджикской и узбекской расе". Он отметил также, что идет процесс слияния таджиков "с узбеками и другими тюркскими племенами" и этот процесс представляет "много фазисов слияния"[21].

В труде "Статистические очерки Среднеазиатской России" (1874) М.А. Терентьев писал, что "из слияния этих двух народов [узбеков-киргизов и таджиков. – *С.А.*] явился новый тип – сарты. По многочисленности их, по развитию, а главное по силе и характерности сложившегося типа, на сартов нельзя смотреть иначе, как на особую народность"[22]. Автор утверждал, что "сарты ближе к таджикам и, в некоторых местностях, ничем от них не отличаются и даже называют себя безразлично то тем, то другим именем"[23]. По его мнению, таджики Сырдарьинской области постепенно исчезают, а "сарты причисляют себя к одному с киргизами тюркскому племени"[24].

Этнографическая номенклатура в Фергане в 1810–1875 годы

В предыдущем разделе было дано описание тех моделей, которые сложились в русской историографии на примере Зеравшанского округа и Сырдарьинской области. Одни специалисты – их было явное большинство – считали, что в среднеазиатском обществе существует оппозиция "узбеки / таджики", а "сарты" – это либо одно из названий таджиков (или название части таджикского "племени"), либо термин, указывающий на оседлый образ жизни вообще, независимо от языка. Другие полагали, что сарты – это самостоятельная народность, которая отличается как от узбеков, так и от таджиков. Третьи – и их было меньшинство – были склонны характеризовать сартов как одно из тюркских "племен", родственное по языку узбекам и киргизам. Похожая картина возникала и в отношении Ферганы.

Первые более или менее достоверные сведения о Фергане на русском языке появились еще в самом начале XIX в. Однако в самых ранних работах их авторов мало волновал вопрос этнографического состава населения. В "Записках" Ф. Назарова, который побывал в Фергане в 1813–1814 гг., упоминались киргизы и "черные закаменные" киргизы, несколько раз упоминались живущие в горах "восточные Персияне" (или "гальча"), но совершенно никак не характеризовалось основное оседлое население[25].

В середине XIX в. целый ряд работ о Кокандском ханстве написал востоковед В.В. Вельяминов-Зернов, который, правда, сам в Фергане никогда не был и основывал свои исследования на многочисленных свидетельствах других людей. Первой его работой было "Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии" (1849). В ней каких-то обобщающих сведений об этнографическом составе ферганского населения не было, но говорилось, что "господствующий язык, употребляемый образованнейшею частью народа, есть Тюрки"[26]. Там же была такая деталь: говоря о ханских войсках, автор отмечал, что их называли "почему-то" Турками, "хотя это название, как известно, может быть распространено на большую половину народонаселения Кокании"[27]. В 1856 г. Вельяминов-Зернов писал в работе "Исторические сведения о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана" об этнографическом составе населения Ферганской долины следующее: "Народонаселение Кокана состоит из двух главных отделов: Тюрков, или Узбеков, пришельцев, и Таджиков, или Сартов, первобытных жителей страны. Между Тюрками и Сартами издавна ведется неприязнь"[28]. Таким образом, он фактически воспроизвел схему "узбеки / таджики", поставив знак равенства между таджиками и ферганскими сартами.

Мнение о делении населения Ферганы на узбеков и сартов-таджиков было в литературе того времени господствующим. Например, в очерке "Кокандское ханство по новейшим известиям" (1869) было сказано: "Народонаселение ханства, разделяясь на оседлое и кочевое, принадлежит к трем главным племенам: к узбекам, сартам и киргизам... Сарты... живут сплошным населением в западных частях ханства и говорят довольно чистым персидским языком"[29]. В очерке были упомянуты "черные сарты", которые ежегодно спускаются "со своих гор" в долину Ферганы, "черные или дикокаменные киргизы" и кипчаки, а также "инородцы" – бухарцы, афганцы, индусы и евреи[30]. Упомянутый уже выше А.П. Хорошхин (побывавший в Фергане в 1868 г. в составе русского посольства) также писал о населении Кокандского ханства, что оно состоит "из узбеков (кипчаки, киргизы, каракиргизы и каракалпаки) и таджиков с их отраслью сартами"[31]. В том же очерке Хорошхин добавлял, что "Сарты, потомки древнеперсидских жителей этого края... подпали под влияние узбеков, обитавших здесь издавна, и заговорили их языком"[32].

Впрочем, была также точка зрения, хотя и не вполне четко выраженная, что сарты – это скорее узбеки, чем таджики. А.Л. Кун в "Очерке Кокандского ханства" (1876), который стал результатом поездки в Фергану накануне завоевания, писал: "Аборигенами долины Ферганы, мне кажется, несмотря на их незначительную численность ныне, надо признавать таджиков, которые все более и более в Средней Азии поглощаются тюркскою народностью. Преобладающая часть современного населения составилась из осколков различных племен, передвинувшихся сюда из Ташкента, Самарканда, Бухары и других местностей"[33]. Далее он разъяснял подробнее: "Главные части населения ханства составляют Узбеки, Таджики и Киргизы. Первые два из них образуют основную часть страны, оседлых жителей, и последние – кочевников, между которыми более развитыми, хотя и не столь численными, являются Кипчаки. Большинство из них ведет полукочевую жизнь, стремясь при этом кочевать поближе к городам и селам. В этнографическом отношении они имеют много общего с горожанами. Таджики, исключительно населяя южную и западную части ханства, редко образуют отдельные поселения, в большинстве случаев они живут вместе с Узбеками"[34]. Таджики "образуют отдельные селения", значит, если следовать логике Куна, большую часть населения сел и городов Ферганы составляют узбеки. Автор избегал употреблять термин "сарты" для обозначения племенной принадлежности.

В 1871 г. в Кокандском ханстве побывал А.П. Федченко. В отчете о поездке он, в частности, писал: «Слово "сарт", которым русские называют сплошь все здешнее население, не имеет у туземцев какого-либо политического, этнографического или антропологического значения, а служит только для означения жителей городских и вообще оседлых»[35]. Впрочем, автор не стал давать подробную классификацию населения Ферганы, ограничившись простым, без каких-либо пояснений, упоминанием сартов, таджиков, узбеков, киргизов, кипчаков, даже давно поселившихся у г. Коканда афганцев.

Итак, в русской историографии до 1875 г. сложилось представление о том, что ферганское население делится на две большие группы – узбеки и таджики, сарты включались, как правило, в число таджиков, но иногда и в число узбеков. Стоит заметить также, что были попытки построить модель, в которую, помимо узбеков и таджиков, входили еще киргизы.

Этнографическая номенклатура в Фергане в 1876–1890-е годы

Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства была образована 19 февраля 1876 г. Завоевание Кокандского ханства и вхождение этой части Средней Азии в состав Российской империи привело к переосмыслению этнографических категорий. В области были созданы постоянно действующие службы, которые регулярно собирали сведения о местном населении. Характер информации принципиально изменился: стал более детальным и более обоснованным.

Поначалу этнографический состав населения характеризовался в уже привычной оппозиции "узбеки / таджики". Побывавший в 1877 г. в Фергане академик А.Ф. Миддендорф писал в книге "Очерки Ферганской долины" (1882): "Земледельцы преимущественно называются таджиками, а городские жители, главнейше занимающиеся другими промыслами... носят название сартов. Но так как горожанин считается знатнее крестьянина, так как занятия не строго различаются, деревня и город переходят друг в друга, то нередко сам таджик, говоря с европейцем, зовет себя сартом"[36]. Что касается сартов, то «под сартом большею частью понимают смешанный тип с монгольскою кровью... Во всяком случае, с каждым днем становится все яснее, что чем более распространяется наименование "сарт", в вышеуказанном смысле, тем решительнее название "таджик" должно делаться исключительным этнографическим синонимом "туркестанского иранца"»[37]. Миддендорф отметил, что в слове сарт разные смыслы и поэтому "сарт – название неудачное, могущее легко повести к недоразумениям, а потому его следовало бы вычеркнуть из этнографического словаря"[38].

Разделы о составе населения из книги Миддендорфа вызвали критику у местного молодого исследователя В.П. Наливкина, который к тому времени успел хорошо ознакомиться с местными реалиями, благодаря длительному проживанию в Фергане непосредственно среди "туземного" населения. Его удивили, в частности, слова академика об "узбеках киргизского происхождения". В специальной рецензии, изданной в 1883 г. в газете "Туркестанские ведомости", Наливкин возразил, что это все равно что "славяне польского происхождения": "Большая часть населения большей же части существующих городов и селений Ферганы состоит не из таджиков, как, по-видимому, думает г. Миддендорф, а из сартов-узбеков, которые суть не иранцы, как полагает г. Миддендорф, а тоже "узбеки киргизского", т.е. мингского, найманского, багышского, каракалпакского и др. "происхождения", осевшие, частью смешавшиеся с аборигенами-таджиками"[39]. Эту мысль Наливкин повторил несколько раз ("автор опять-таки забывает, что киргизы, кипчаки, ногаи и другие суть узбекские роды"), критикуя Миддендорфа за равнозначное употребление терминов "сарт" и "таджик" и повторяя, что сами жители Ферганы (за редким исключением) называют себя узбеками[40]. В той же рецензии Наливкин заметил, что "под именем сарты туземцы разумеют всех вообще исконных и издавна осевших земледельцев и промышленников", а "представления автора о том, что такое таджик и что такое сарт, совершенно неясны и крайне сбивчивы"[41]. Как видно, Наливкин отказывался признавать, что таджикское население является сколько-нибудь значительным в Фергане, а сартов записывал в число узбеков.

Однако чуть позднее Наливкин высказывался осторожнее. В монографии "Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы" (1886), написанной им совместно с женой, говорилось, что "в расовом или племенном отношении оседлое население Ферганы, носящее общее название сартов, состоит из узбеков (или тюрков) и таджиков"[42], вся разница между которыми "только в одном языке", тогда как "религия, образ жизни, привычки и обычаи" совпадают[43]. При этом он указывал: "В пределах Ферганы в численном отношении сарты-узбеки (потомки осевших кочевников. – *С.А.*) значительно преобладают над таджиками"[44].

В книге "Краткая история Кокандского ханства" (1886) Наливкин попытался, используя местные письменные источники, написать своеобразную "этническую историю" Ферганы[45]. Он называл сартов "оседлым населением", подразделяя их на сартов-узбеков ("тюркского племени") и сартов-таджиков ("иранского племени"); к оседлому населению он отнес также цыган, индусов и евреев[46]. Говоря об истории Ферганы, Наливкин упоминал арабов, калмыков, таджиков на западе Ферганы, тюрок группы "анди" – на востоке[47]. Он упомянул о переселении в Фергану "кашгарских узбеков", таджиков из Каратегина, Гиссара и Бухары, узбеков из Ура-Тюбе и Бухары, тюрков и карамурутов (узбеков) из окрестностей Туркестана[48].

Узбеки, по мнению автора, делятся на "три бытовых типа": кочевников, полукочевников и оседлых[49] (историю Кокандского ханства Наливкин рассматривал, соответственно, как антагонизм между сартами и кочевниками, т.е. разными подразделениями узбеков). Кочевников-узбеков Наливкин называл киргизами (правда, замечая, что "в настоящее время в Фергане кочевников, в строгом смысле этого слова, более не существует"[50]), полукочевников-узбеков – кипчаками и каракалпаками (отмечая, что эти

группы имеют четкое самосознание), оседлых узбеков – сартами (например, группа "минг" была в прошлом кочевой, а потом осела и смешалась с таджиками, переняв у последних многие черты культуры и образа жизни). В своей книге Наливкин предположил, что сарты – это одно из узбекских племен, которое осело раньше всех, после чего данное имя распространилось на всех оседающих узбеков, а потом и на все оседлое население (узбеков и таджиков)[51]. Надо сказать, что это предположение было встречено весьма скептически другими востоковедами.

По сути, работы Наливкина были первой серьезной попыткой дать общую этнографическую классификацию населения Ферганы. Однако признать ее непротиворечивой нельзя. Автор смешивал разные термины и не пояснял, как они соотносятся друг с другом. Так, сводя происхождение всех узбеков к кочевым монголам, Наливкин отмечал разницу между узбекскими группами "казак", "киргиз", "найман", "багыш", которые не отличаются по типу от монголов, и узбеками группы "тюрк", которые ничего общего с монголами не имеют. Наливкин не видел в этом различии большой проблемы – "тип народности вырабатывается под влиянием географических и бытовых условий" – и добавлял, что эта разница не больше, чем разница между северными и южными русскими[52].

Однако позиция Наливкина не стала доминирующей. В 1881 г. другой авторитетный исследователь Д.Л. Иванов, рецензируя разделы книги французско-венгерского автора Уйфальви, посвященные Фергане, и пересказывая его слова о том, что сарт говорит только по-тюркски и ничего не понимает по-персидски, писал: "Трудно найти такого сарта, который безукоризненно не говорил бы по-таджикски. Торговля и промышленные сношения сартов обязывают их знать оба языка, а смешанный состав городского населения помогает этому отлично. Помогает еще и то, что таджик неохотно изучает тюркское наречие и многие из них не умеют говорить иначе, как по-своему, т.е. персидским наречием"[53]. Иванов отмечал, что Уйфальви выделяет отдельно "туруков" (т.е. турков), хотя, по мнению рецензента, они должны быть отнесены к узбекам, и добавлял: «Таким образом, получается какая-то произвольная наука, создающая без всяких оснований новый "peuple" (народ. – *С.А.*)»[54]. Кстати, в доказательство своих выводов Иванов часто ссылался на антропологические измерения и наблюдения.

Вместе с общими рассуждениями о составе населения с приходом русских появился еще один жанр описания и классификации – статистические таблицы. Этот жанр отличался, в частности, тем, что в классификацию был введен еще один – статистический – признак. Стало важным не только *кого* нужно выделять в качестве самостоятельной категории, но и сколько представителей этой категории живет в данном регионе. Однако и статистические таблицы не имели однообразного подхода к определению как номенклатуры народов, так и их численности.

Сравним сведения о Фергане двух авторов, которые писали в одно и то же время, – Л.Ф. Костенко "Туркестанский край" (1880)[55] и "Всеподданнейший отчет" первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана на имя Императора (был опубликован в 1885 г., через три года после смерти самого Кауфмана)[56]. Оба автора ссылались на официальные данные, но их сведения различались между собой (см. табл. 1). Кауфман и Костенко приводили примерно одинаковые цифры о кипчаках. Костенко называл киргизов, а Кауфман – киргиз-кайсаков и кара-киргизов, общее число которых у него больше на 25%, чем у Костенко. Число таджиков у Кауфмана было в два раза больше цифры, приведенной Костенко. Кроме того, Костенко называл дунган, каракалпаков, монголо-манджур и индийцев, о которых Кауфман ничего не говорил. При этом в своем отчете Кауфман писал, что местное население является "смешанным и часто неопределимым по этнографическим признакам"[57].

Из данных, опубликованных Кауфманом и Костенко, понятно, что они пользовались разными источниками или подсчетами, хотя и те, и другие должны были опираться на сведения местной администрации. Очень подробный характер цифр у Костенко говорит о том, что перед нами не столько оценка численности, сколько первые результаты текущих статистических учетов, сделанных, видимо, в 1870-е годы Правда, сам Костенко называл свои данные "только приблизительными". Примерно этими же годами должны датироваться сведения Кауфмана, который также наверняка пользовался докладами и оценками чиновников и статистиков.

Разнобой в официальных цифрах говорит о том, что тогда в Туркестанском крае не существовало единого центра, вырабатывавшего категории и считавшего население. Уездные, областные и краевые чиновники могли на свое усмотрение интерпретировать полученную информацию и поставлять ее наверх, минуя своих начальников. Очевидно также, что русские власти еще не имели сил и возможностей собирать такие данные самостоятельно, а опирались на сведения, поставляемые местными чиновниками еще ханского времени. Вопрос о том, как собирались сведения о "племенах", также пока остается открытым. Поиски в архивах не привели к обнаружению первичных, т.е. уездных и областных, документов ранее 1890 г., в которых бы фиксировалась "нацио-

нальная" (племенная) принадлежность ферганского населения. Известные по архивам статистические таблицы, которые датируются 1870–1880-ми гг., графу о "племени" или "национальности" не содержат. Не исключено, что подсчеты численности "племен" в то время являлись весьма приблизительной оценкой чиновников.

В конце 1880-х гг. появился еще ряд цифр – в работе И.Л. Яворского "Опыт медицинской географии и статистики Туркестана" (1889)[58] и в официальном издании Статистического комитета Ферганской области "Обзор Ферганской области за 1888 год" (см. табл. 1)[59]. При этом Яворский давал округленные цифры, а "Обзор" – детальные, но те и другие совершенно отличались своей этнографической номенклатурой как друг от друга, так и от данных Костенко и Кауфмана. Яворский рассматривал сартов и узбеков отдельно, а "Обзор" – вместе, не различая (что, кстати, было схоже с идеей Наливкина о сартах-узбеках), но число их было на 25% больше, чем у Яворского. В "Опыте" Яворский в одну категорию объединил таджиков и иранцев, тогда как в "Обзоре" отдельно назывались таджики и "каратегинцы" (никаких иранцев не было), общее число которых было почти на 25% меньше, чем у Яворского. В "Обзоре" отдельно фигурировали афганцы, а у Яворского они объединялись с семитами в одну категорию, поэтому и здесь цифры не совпадали (такое странное объединение основано на том, что сами афганцы верили в свое происхождение от одного из "колен Израилевых"). Кроме указанных у Яворского групп, "Обзор" называл кипчаков (число которых было на порядок меньше, чем у Костенко и Кауфмана), цыган, юзов (в статистике Сырдарьинской области юзов также выделяли в самостоятельную группу), калмыков и индусов (что напоминает костенковских "монголо-манчжуров" и "индийцев", хотя число их расходилось в два раза), ходжей (или арабов?), дунган (которых, согласно "Обзору", было в 40 раз (!!!) больше, чем у Костенко, что означает, скорее всего, что в число дунган были внесены будущие кашгарцы). Не были указаны в обоих источниках каракалпаки, которые присутствовали в списке Костенко. Только число киргизов (как их называли в "Обзоре"), или каракиргизов (как говорилось в "Опыте"), в этих двух случаях примерно совпадало (и соответствовало данным Костенко).

Самые подробные списки "туземных" народов мусульманского вероисповедания приводились в "Обзоре" (двенадцать названий) и у Костенко (девять названий), менее подробные – у Яворского (пять названий) и Кауфмана (четыре названия). Не случайно, видимо, первые давали полную цифру, а вторые – округленную. Я думаю, Яворский и Кауфман располагали и более детальными сведениями, но своей задачей видели объединение близких по языку и происхождению групп в крупные категории (как в случае с афганцами-семитами?). При этом Яворский отмечал, что цифры, "показывающие соотношение между собою разных народностей, населяющих рассматриваемый нами край, имеют степень лишь приблизительной достоверности"[60]. И добавлял: "Так, относительно интересной народности Туркестана, сартов, мнения этнологов не установились окончательно и до сих пор"[61].

Яворский в своей работе приоткрыл и некоторые подробности метода сбора этнографических данных. Он писал, что "туземец записывался в ту или иную расу, относился к той или другой народности, согласно заявлению его о принадлежности к той или другой из них"[62]. Это подразумевает, при буквальном прочтении, что имел место опрос каждого человека (или главы домохозяйства) о его "народности". Однако, как уже говорилось, мы не располагаем сведениями о проведении такого опроса в 1880-е г. Более того, известно, что нечто похожее на перепись, при которой выяснялась если не индивидуальная, то подворная принадлежность к тому или иному народу, была проведена впервые лишь в 1889 или 1890 г. в Маргеланском уезде. По-видимому, данные Яворского и "Обзора", как и данные Кауфмана и Костенко, были результатом несистематического опроса туземных чиновников и использования случайных сведений, полученных русскими уездными администраторами.

Все сведения о численности той или иной группы населения Ферганы, приведенные указанными источниками, также имели весьма условный характер. По оценкам самих статистиков, все имевшиеся на тот момент цифры "туземного" населения "гораздо менее действительного числа жителей"[63]. При пробных проверках было выяснено, что "показанное число дворов, по отдельным волостям, оказалось ниже действительного на 30 и даже на 56%"[64]. Другими словами, не нужно искать в расхождениях между цифрами указанных выше источников какую-то демографическую логику (прирост населения, миграции и т.д.).

Статистические справочники по Ферганской области регулярно издавались начиная с 1890 г., но вплоть до 1904 г. никаких подробных сведений о национальном составе населения в них не публиковалось. В "Обзорах" лишь повторялись общие сведения об основных группах. Например, в "Обзоре" за 1894 г. было сказано: "В этнографическом отношении Ферганскую область... можно разделить на три полосы. Долину заселяют сарты – народ тюркского происхождения... На предгорьях и в

горах обитают киргизы... Наконец, третью полосу занимают таджики, обитающие на Памирском плоскогорье... В небольшом числе киргизы и таджики живут также и в долине, среди сартов. Кроме того, в Ферганской области живут: дунгане, кипчаки, цыгане и евреи"[65].

Проблема сартов в конце XIX века

Во второй половине XIX в. споры о происхождении сартов оформились в "проблему сартов". "Проблема" заключалась в том, какой признак при определении "национального" (или "племенного") лица сартов следует считать основным. Если быт, обычаи, внешний облик – то сартов нужно относить к числу "иранских" племен. Если язык – то их нужно относить к числу "тюркских" племен. Если же все признаки считать равноценными, то сартов можно назвать отдельным "племенем" или "народностью" со своей оригинальной, пусть и смешанной по происхождению, культурой.

Точку зрения о том, что сарты – особая народность, наиболее последовательно отстаивал Н.П. Остроумов. Уже в 1884 г. он опубликовал серию статей в "Туркестанских ведомостях" под названием "Значение слова "сарт"" (что, видимо, было своеобразной реакцией на упомянутую книгу академика Миддендорфа). Там Остроумов писал, отметив сначала противоречивость различных мнений: "Между тем вопрос этот настолько специален и сложен, что обстоятельное разрешение его требовало бы совместного труда этнолога, филолога и историка"; имевшиеся на тот момент точки зрения, по его мнению, страдали "односторонностью", так как их авторы не были "специально этнологами". Остроумов считал твердо установленными следующие утверждения: 1) сарты – это древнее название; 2) в "этимологическом отношении" этот термин означает вообще "оседлого жителя Туркестана, в отличие от кочевников"; 3) в "этнографическом отношении" "сарты представляют смешанный, но определенный тип", чертой которого является тюркский язык; 4) сартов нельзя путать с таджиками ("коренными иранцами", которые говорят на персидском языке); 5) "как тип смешанный, сарты и в характере своем имеют резкие и противоречивые черты, на что должны обратить внимание будущие этнографы края"; 6) ничего ругательного в слове "сарт" нет (хотя кочевники его используют с пренебрежительным оттенком). Закончил свои рассуждения Остроумов так: "Несомненно, что сарты отличаются как от персов, так и от тюрко-монголов... Задача современного этнографа Средней Азии по отношению к сартам в том и должна состоять, по нашему мнению, чтобы точно определить их физические особенности и объяснить противоречивые черты их характера"[66].

В 1890 г. Остроумов опубликовал книгу "Сарты. Этнографические материалы", которая развивала и детализировала идеи, высказанные в статье 1884 г. Он писал в ней: "Сартами называются оседлые туземцы преимущественно Сыр-Дарьинской и частию Ферганской областей и Аму-Дарьинского отдела. Правда, оседлые туземцы обыкновенно называют себя по месту жительства... но когда туземца спрашивают: кто он – киргиз или сарт? то сарт отвечает, что он – сарт, а не казак... равным образом Сыр-Дарьинские сарты отличают себя и от таджиков, оседлых туземцев Самаркандской области и некоторых местностей Ферганской"[67]. Автор отметил смешанный характер этой группы: "Туземные жители городов нынешней Сыр-Дарьинской и частью Ферганской областей, а также Кашгарии и Хивы представляют собой тип смешанный, тюрко-иранский, каким и являются нынешние сарты, говорящие по-тюркски и в то же время по своему телосложению и характеру напоминающие иранское племя"[68]. Он также настаивал, что "сартов не должно смешивать с таджиками, как представителями иранского племени"[69]. Остроумов задавал вопрос: "Можно ли современный тип сарта считать типом в этнографическом смысле? Если да, то о названии спорить бесполезно"[70]. И отвечал на него подробным описанием особенностей культуры сартов, стремясь доказать, что они имеют общее "физическое строение, умственные способности и характер" (глава "Общая характеристика сартов"[71]). Автор считал, что сарты имеют собственный, в основе своей тюркский, язык.

Проблема сартов оказалась в центре спора между чиновником-переводчиком Серали Лапиным и востоковедом В.В. Бартольдом. Чем знаменателен их спор? Во-первых, это наиболее известное столкновение двух точек зрения на сартов, и хотя Бартольд не очень настойчиво защищал самостоятельность "сартской народности", именно этот спор показал и впервые публично выявил все болевые точки и методологические неясности "проблемы сартов". Во-вторых, впервые в дискуссии о сартах появилась прямая речь самих "туземцев". Правда, от имени среднеазиатских "туземцев" говорил русский чиновник, пусть и "киргизского" (т.е. казахского, по современной терминологии) происхождения, но тем не менее он представлял себя как "другую" сторону в споре. До этого "голос" местных жителей не был слышен, их мнением никто не интересовался, а они сами не интересовались "проблемой сартов".

Дискуссия началась со статьи "Сарты и их язык" самаркандца С. Лапина в газете "Оренбургский листок", где он написал, что

"нет ни сартов как народа, ни сартовского языка", сарты – это обидная кличка таджиков и узбеков, данная им "киргизами". Этот последний тезис и возмутил российского востоковеда.

В статье "О преподавании туземных наречий в Самарканде" в газете "Окраина" (1894) Бартольд отреагировал на высказывания Лапина в довольно грубой форме: "Мы можем только удивляться, как г-н Лапин решается говорить с таким апломбом о вещах, о которых, по-видимому, не имеет ни малейшего понятия"[72]. Бартольд отверг версию о "киргизском" происхождении слова "сарт" и предложил свою версию, при этом указав, что «каково бы ни было происхождение слова сарт, нельзя не согласиться с мнением Н.П.Остроумова, что исключить его из нашего этнографического словаря нет никаких оснований. Этимология слова "немец" известна каждому, и все-таки мы употребляем его как этнографический термин. Подобно этому и слово "сарт", хотя бы оно первоначально не имело этнографического значения, теперь употребляется для обозначения народа, представляющего как по типу, так и по языку особую этнографическую единицу»[73].

Лапин ответил Бартольду статьей «О значении и происхождении слова "сарт" (По поводу заметки г. В. Бартольда)», опубликованной в том же году в "Туркестанских ведомостях"[74]. Он писал: "Над разрешением сартского вопроса (если так можно выразиться) трудились многие лица, но, к сожалению, он и доныне не может считаться решенным". Лапин говорил о смешении узбеков и таджиков: оно «способствовало образованию узбекско-таджикской помеси, у которой не осталось почти ничего национального, кроме родного узбекского языка... слово "сарт" на языках киргиз и первобытных узбеков приняло более широкое применение, обозначая собою понятие как о таджиках, так и об осевших узбеках и других тюркских народностях (кипчаках, мангытах и пр.), принявших таджикскую культуру, т.е. о всем оседлом населении, в каком смысле оно употребляется и доныне... Слово "сарт" никогда не употреблялось и не употребляется туземцами в смысле названия особой народности». Лапин продолжал настаивать на том, что название "сарт" дали оседлому населению кочевники-киргизы и означало оно оскорбительное "сары-ит" (желтая собака).

Лапин писал, что "узбекско-таджикская помесь не присвоила себе особого имени", члены этой общности попадают в затруднительное положение при ответе на вопрос "назвать себя по происхождению" и выходят из него тем, что называют себя сартами, тем самым отличая себя от таджиков и узбеков. Именно этим автор объяснял появление мнения Остроумова, что сарт есть

название особой народности. Лапин подчеркивал, что в народном языке "сартами" называют все оседлое население Туркестана (включая таджиков и узбекско-таджикскую помесь), а в Бухаре и Самарканде таджики не употребляют слова "сарт" для самоназвания, но считают сартами себя (а узбекско-таджикскую помесь зовут узбеками). Лапин присоединился к мнению Миддендорфа, что слово "сарт" неудачно и его надо вычеркнуть из "этнографического словаря": «Не было и нет у нас особой народности сартов, как равно нет особого сартского языка... Если уже необходимо для науки назвать узбекско-таджикскую помесь особым именем, отличающим ее от других народностей (что, пожалуй, и справедливо), то следует установить для этого какое-либо другое название: "чала-узбек", "чала-таджик" ("чала" означает "не совсем", "полу". – *С.А.*) или что-нибудь в этом роде, а слово "сарт" всего менее пригодно для этой цели». Эту мысль Лапин завершил неожиданным образом. Он писал: "Я говорю, что это нужно, пожалуй, для науки, как условный знак, а сама эта помесь во вновь выдуманном названии вовсе не нуждается". Что имел в данном случае в виду Лапин, говоря о том, что "узбекско-таджикская помесь" не нуждается в "выдуманном названии"? Отсутствие у местного населения потребности в национальном самосознании? Или – этого Лапин не мог сказать открыто – существование общетюркской идентичности, которая должна была стать основой единства всех среднеазиатских "племен"?

В этой статье Лапина впервые было четко и ясно сформулировано совершенно новое предложение: язык сартов автор предложил называть "новоузбекским". Хотя о нечто подобном писал Наливкин, можно сказать, что впервые прозвучала идея объединить сартов с узбеками, а не таджиками. И хотя это предложение было принято очень отрицательно, оно, благодаря Лапину, оказалось предметом осмысления и обсуждения, а позднее приобрело популярность. С этого момента споры в отношении сартов получили новое направление.

Бартольд незамедлительно опубликовал в "Туркестанских ведомостях" статью "Вместо ответа г-ну Лапину" (1894), в которой взял обратно свои слова из предыдущей статьи об "абсолютном невежестве" оппонента[75], в целом сменил тон и уже не оспаривал наблюдений Лапина о современных сартах. Бартольд лишь изложил свою позицию об этимологии слова "сарт", которая выглядела намного более научной и реалистичной по сравнению с позицией Лапина.

В 1895 г. Бартольд выступил в "Туркестанских ведомостях" с отдельной статьей «Еще о слове "сарт"», в которой уже не спо-

рил с Лапиным, а уточнял свою позицию по поводу проблемы "сартов". Бартольд вновь попытался проследить эволюцию слова "сарт". Он, в частности, писал, что первоначально монголы и тюрки называли сартами оседлое население (в основном таджиков), потом "под влиянием завоевателей (узбеки XVI в. – *С.А.*) сами горожане-туземцы стали называть себя сартами; но племенное различие между тюрками и таджиками так велико, что представители обоих народов не могли называть себя одним и тем же именем. Так как большинство оседлого населения теперь говорило по-тюркски, то сартами стали называться только горожане-тюрки, в противоположность не только кочевникам, но и таджикам... Таким образом, установилась разница между терминами сарт и таджик, которые некогда были синонимами"[76]. В примечании к этой фразе он писал: "Установилось ли различие между сартами и таджиками только при русском владычестве или еще при узбеках, мы не знаем; первое кажется нам очень невероятным, но прямых свидетельств в пользу второго мы не имеем"[77]. Здесь же, в подстрочнике, Бартольд отметил: «мы не имеем основания отказываться от употребления слова "сарт" в качестве этнографического названия»[78].

Свою попытку разобраться с тем, кто такие сарты, в работе "Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности" (1896) предпринял другой ученый – Н.А. Аристов[79]. Эта работа важна потому, что в ней основное внимание уделяется вопросу о том, чем сарты отличаются от узбеков, тогда как во всех предыдущих исследованиях главным был вопрос об отличии сартов от таджиков. Аристов отметил противоречия в литературе по поводу того, как отделить узбеков от сартов. Он, в частности, обратил внимание на то, что по данным Костенко (1880) в Самаркандской области было более 130 тыс. сартов, тогда как в последующих статистических справочниках сарты вовсе здесь не фигурировали, зато число узбеков резко возросло по сравнению с данными Костенко. И напротив, сведения о числе узбеков в Фергане Аристов считал явно заниженными. По этому поводу Аристов писал: "Как статистика Самаркандской области не признает существования сартов, так сведения по Ферганской области игнорируют узбеков"[80]. Чтобы получить хотя бы какую-то общую для Средней Азии цифру, Аристов даже вынужден был пойти на весьма спорную комбинацию: "За неимением достоверных современных цифр узбеков в Ферганской области и сартов в Самаркандской области остается предположить, что число узбеков, показываемых в Ферганской области сартами, и количество сартов, значащихся в Самаркандской области узбеками, приблизительно одинаково, и на этом

основании удовольствоваться теми новейшими цифрами узбеков и сартов, какие есть"[81]. Такими "новейшими цифрами" по Фергане Аристов считал данные ("весьма проблематичного достоинства"), указанные Яворским.

Аристов не обошел вниманием тот факт, что термин "сарт" обычно используется в широком смысле и охватывает разные племена и народности. Из этого он сделал такой вывод: «Так как употребление термина "сарт" в таком значении, смешивающем различные народности, говорящие совершенно разными языками, влечет за собой нежелательную и напрасную путаницу и недоразумения, то в нашем местном образованном обществе и в литературе начинает утверждаться такое значение этого слова, что под именем сартов разумеются только оседлые туземцы тюркского языка. Чтобы слово "сарт" получило точный и необходимый для правильного этнографического употребления смысл, следовало бы добавить, что сартами должны быть именуемы те оседлые тюрки и отуреченные туземцы, которые утратили уже свой родовой быт и связанные с ним родовые деления»[82]. Только в этом случае, по мнению автора, их можно отличить от таджиков, с одной стороны, и узбеков, туркмен и "киргиз-казаков", переходящих к оседлости, с другой.

Как полагал Аристов, тот факт, что сарты – это "помесь" разных племен (в том числе тюрков с таджиками, тюрков между собой, с афганцами, арабами), а также просто тюрки, "обратившиеся в оседлость"[83], "не помешает сартам быть или сделаться (!!! – *С.А.*) довольно однородной и обособленной народностью, так как единство языка, религии, занятий и быта неизбежно повлечет за собою и антропологическое слитие путем браков и метисации"[84]. Заметив, что жители Самаркандской области и Бухары, носители точно такой же культуры, "предпочитали называться узбеками"[85], Аристов предположил, что "этнографическое будущее" самаркандских и бухарских узбеков состоит в "этническом объединении" с сартами[86], но не наоборот.

Этнографическая номенклатура в Фергане по переписи 1897 года

Как уже говорилось, в практике этнографического классифицирования населения Средней Азии отсутствовали ясные критерии. Сначала этнографическую модель пытались построить сразу на нескольких признаках – язык (персидский / тюркский), внешний вид (европеоидный / монголоидный), образ жизни (оседлый / кочевой), психологические черты (скрытый /

открытый). Считалось, что все они коррелируют между собой: узбеки говорят по-тюркски, ведут кочевой образ жизни и имеют монголоидный облик, тогда как таджики говорят по-персидски, живут оседло и внешне выглядят как европейцы. Но постепенно стало ясно, что названные признаки вовсе не совпадают между собой. Те же сарты говорили, скорее, по-тюркски, но при этом чаще имели европеоидную внешность и являлись оседлым населением. В этом случае следующим шагом должен был стать выбор главного признака, который указывает на существование самостоятельного народа. В результате обсуждения таким признаком решено было считать язык. Однако попытка применить данный подход на практике оказалась неуспешной.

В 1897 г. была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи, в том числе и Туркестанского генерал-губернаторства. В ходе переписи задавали вопрос не о "национальности" или "народности" человека, а о его "родном языке" (12-й вопрос опросного листка). В вопросе не конкретизировалось, какой язык следует считать "родным", поэтому ответ воспринимался как признак "этнографической принадлежности". В итоге были получены данные, отличные от той классификации, которой придерживались туркестанские ученые и статистики (см. табл. 2).

Вот как характеризовал данные переписи 1897 г. С.К. Патканов, который анализировал результаты, полученные при ответе на вопрос о "родном языке": "Родной язык, к тому же не всеми опрашиваемыми одинаково понимаемый, далеко не всегда дает правильное понятие о национальности той или другой группы населения"[87]. Говоря об основных национальностях Туркестана – сартах, узбеках и таджиках (тоже знающих тюркский язык), – Патканов писал, что "провести между этими тремя народностями грань представляется делом весьма затруднительным, если вообще возможным"[88], а "различие между сартами и узбеками несущественное, зиждется оно не на ином племенном составе, а, главным образом, на разных исторических судьбах обоих народов"[89].

Наряду с сартами в итоговых отчетах, полностью опубликованных, кстати говоря, только в 1904 г., в Ферганской области были переписаны узбеки, каракиргизы, каракалпаки, кипчаки, кашгарцы, таджики и некие "тюрко-татары", т.е. всего восемь групп[90]. Причем численность этих групп в переписи отличалась от тех цифр, которые были отражены в текущей статистике. Правда, перепись обнаружила общее увеличение населения Ферганы по сравнению с концом 1880-х гг. приблизительно в 1,5 раза.

Примерно в таких же размерах выросла только численность сартов. Однако число таджиков выросло в два раза по сравнению с данными Яворского и почти в три раза – с данными "Обзора" за 1888 г. (и чуть ли не на порядок по сравнению с аналогичными цифрами у Костенко и Кауфмана). Число каракиргизов выросло в два раза, а узбеков – в 30 раз по сравнению с данными Яворского. Число кипчаков, напротив, уменьшилось на порядок по сравнению с данными Костенко и Кауфмана и примерно соответствовало той цифре, которая названа в упомянутом "Обзоре". Вновь появились в этнографическом списке каракалпаки, число которых было сопоставимо с тем, которое назвал Костенко, а также кашгарцы, по численности сопоставимые с дунганами (по данным "Обзора").

Самой загадочной в этнографическом перечне переписи 1897 г. была группа "тюрко-татар", которая по численности стояла на втором месте после сартов. Вот как объяснил ее появление Патканов: «Более существенные препятствия для правильного распределения жителей по национальностям встретились в значительной части Туркестана, где в целых уездах язык местных тюркских племен (сартов, узбеков, каракиргизов, таранчей и т.д.), вследствие малограмотности и небрежности местных счетчиков, был заменен то более общим, но мало определенным выражением "тюркский", то просто знаками "тур., тюр., тат., та." или буквами "т., к., с.,". А такие обозначения, особенно при неразборчивости письма, могли дать повод к самым разнообразным толкованиям: например, "тюр. и тур." могут обозначать: язык "тюркский" и "туркменский", "тат., та. и т." – "татарский", "таджикский" и "таранчинский", а буква "к." может относиться к целому ряду наречий края: "киргизский, киргиз-кайсацкий, кураминский, кипчакский, кашгарский, кара-калпакский" и т.д. ("с." означает "сартский" язык)»[91]. В результате «из подобных частей туземного населения Средней Азии, принадлежащих по большей части к тюркскому племени (отчасти и к таджикам), пришлось, при составлении сводных таблиц, образовать одну сборную группу "тюркского языка без распределения по наречиям"»[92].

Очевидно, что в эту категорию включили всех тех, "племенная" принадлежность которых вызывала вопросы. По-видимому, туда попали также цыгане, арабы, юзы, "авганцы", монголы (калмыки), индийцы, поскольку все они говорили на каком-либо из тюркских языков. Возможно, туда же попала та часть сартов, каракиргизов, кипчаков, кашгарцев и т.д., которая не смогла четко определить свой "родной язык" или свое самоназвание.

Любопытно сравнить данные переписи 1897 г. с данными за тот же год из материалов местной, текущей статистики, которые

были опубликованы в работе Н.В. Турчанинова "Население Азиатской России. Статистический очерк" (1914)[93] (см. табл. 2). Число сартов и киргизов вместе с каракиргизами (замечу, что местные статистики разделяли киргизов и каракиргизов) в местной номенклатуре было на 120% больше, чем в переписи, число каракалпаков – больше примерно на 160%, кашгарцев – больше почти в 2,5 раза, а кипчаков – примерно в 8 раз. Число узбеков, по тем же сведениям, было в текущей статистике меньше почти на порядок, число таджиков (вместе с иранцами и индусами) – меньше на 20%. Никаких "тюрко-татар" в местном списке не было, но вместо них присутствовали тюрки, которых Турчанинов называл "прочими", и их численность была меньше в 400 раз. Имелись в списке Турчанинова также монголы. Ясно, что принципы классификации в переписи и в текущей статистике различались: если номенклатура переписи строго следовала признаку "языка", то местные статистики пытались дифференцировать признаки и учитывали, кроме языка, и другие характеристики населения.

Перепись способствовала возникновению своего рода "двойной бухгалтерии" ферганских "народов". Одни авторы, которые писали об этнографическом составе народонаселения Ферганы после 1897 г., предпочитали опираться на материалы текущей статистики и те способы классификации, которые отработали местные чиновники и ученые (как упомянутый уже Турчанинов). Другие авторы (особенно те, кто не относился к "туркестанцам") использовали результаты переписи 1897 г., опираясь, видимо, на более высокий административный статус и легитимность принятого этой переписью способа классификации.

Кроме того, появился своеобразный жанр коррекции данных переписи 1897 г. Так, в 1911 г. в приложении к "Отчету" глава очередной ревизии Туркестанского края К.К. Пален писал о недостатках переписи по "языку": "Вообще нужно заметить, что в Туркестане родной язык не всегда может служить признаком для выяснения этнографического состава населения"[94]. Пален посчитал спорным выделение группы "тюрко-татарских языков" и предложил распределить ее (следуя "консультациям специалистов") по тем группам, которые сомнения не вызывали. "Тюрко-татар" городов Наманган, Чуст и Ош автор включил в группу "сарты", а всех остальных – в группу "каракиргизы" и в результате получил новые данные по Ферганской области на 1897 г. (см. табл. 2).

Итак, в результате проведения первой переписи единая точка зрения на этнографическую карту Ферганской области

так и не сложилась. Продолжали существовать несколько версий, которые отличались друг от друга характером легитимности, принципами определения категорий, их номенклатурой и численностью. Впрочем, имелись некие общие черты в этих версиях: наличие основных групп – сарты, таджики, каракиргизы (или киргизы), а также явное преобладание группы "сарт", в которой все исследователи по-прежнему видели основную народность Ферганы.

Этнографическая номенклатура в Фергане в 1900–1910-е годы

В начале XX в. Статистический комитет Ферганской области регулярно публиковал текущие данные об этнографическом составе населения региона. Они ежегодно публиковались: за 1898–1900 гг. – в "Обзоре Ферганской области", за 1901–1903 гг. – в "Ежегоднике Ферганской области", за 1904–1914 гг. – в "Статистическом обзоре Ферганской области"[95]. В 1909 г. появился "Список населенных мест Ферганской области", авторы которого – члены Областного статистического комитета – попытались уточнить численность и состав населения (цифры оказались в сумме примерно на 1% ниже текущих данных)[96]. Правда, национальный состав в этом "Списке" был указан условно: по преобладающей "народности" в каждом отдельном селении, причем "преобладающей" могла быть группа, которая составляла 30–40% жителей.

В "Обзоре" за 1899 г. было отмечено, что в 90-е гг. завершилась работа по исследованию этнографического состава населения Ферганской области Областным статистическим комитетом. Однако при этом были опубликованы данные только по Маргеланскому уезду, процентные соотношения в котором экстраполировались на всю Ферганскую область[97]. Составители "Обзора" писали: "При подсчете, конечно, принимались во внимание не этнографические признаки, а то, к какому племени причисляют себя сами жители. Если предположить, что вся область даст такое же процентное распределение племен, то из числа 1 641 000 населения Ферганы окажется: Сартов около 821 000, Каракиргизов около 300 000, Таджиков около 168 000, Кашгарцев около 165 000"[98]. Зачем было использовать такой ненадежный метод подсчета, если сведения по этнографическому составу Ферганы уже были собраны (что подтверждается и более поздней их публикацией Турчаниновым), – непонятно. В первом выпуске "Ежегодника Ферганской области" за 1901 г. экстраполированные данные 1899 г. об этнографическом составе населения были по-

вторены: 50% – сарты, 11% – таджики, 300 тыс. – каракиргизы, 170 тыс. – кашгарцы[99].

Начиная с 1904 г. сведения о составе населения публиковались в специальных приложениях к "Статистическому обзору Ферганской области" (см. табл. 3). Характерно, что в сборниках за 1905–1906 гг. эти приложения назывались "этнографическим делением", а в последующих сборниках – "национальным делением". Это изменение слов говорит о сдвиге в осмыслении проблемы: укреплялось представление о том, что публикуемые данные отражают не просто взгляды ученых и чиновников, а являются отражением реальной национальной картины.

Этнографические списки 1904–1914 гг. продолжали традиции местной классификации, которая была в Туркестане в 1880-е гг. В них выделяли дунган, индийцев, юзов, арабов, "авганцев" и цыган, т.е. те группы, которые в переписи 1897 г. отсутствовали. Сохранялась путаница между киргизами и каракиргизами, которую перепись 1897 г. не допустила, использовав только название "каракиргизы". Кроме того, появились новые категории – кашгарцы, тюрки, персы и иранцы. Самое маленькое число национальностей – 13 – было в 1907 г., самое большое – 17 – в 1910 г., а всего за эти годы было названо 18 категорий.

В самом перечислении категорий не было каких-то моделей, поскольку таблица, в отличие от описаний, в принципе не может содержать в себе какие-либо оппозиции и уравнивает все компоненты между собой. Однако фиксируя численность той или иной категории, авторы статистической классификации указывали и на ее "вес". 2/3 населения составляли сарты, после них самую большую группу составляли киргизы, потом каракиргизы, потом таджики и узбеки. Все остальные группы были меньше 100 тыс. человек. В 1913–1914 гг. узбеки были вычеркнуты из списков – видимо, их причислили к сартам – и бывшая оппозиция "узбеки / таджики" приобрела окончательный вид "сарты / таджики". В Фергане к этой модели была добавлена категория "киргизы" (вместе с каракиргизами), которая противостояла как сартам, так и таджикам своим полукочевым образом жизни.

В количественном отношении большинство групп также переживали интересные метаморфозы. Например, численность сартов с 1904 по 1905 г. увеличилась почти на 100 тыс. человек (на 9%), в 1906 г. по отношению к 1905 г. – почти на 80 тыс. человек (на 8%), а в 1907 г. упала по сравнению с предыдущим годом на 55 тыс. (на 4%). В 1908 г. численность сартов опять увеличилась – на 75 тыс. человек, в следующем выросла на 20 тыс. и далее ежегодно росла на 20–40 тыс.

Численность узбеков в 1905 г. по сравнению с 1904 г. уменьшилась на 50 тыс. человек (на 30%), в 1906 г. – еще на 80 тыс. человек (почти 80%). До 1909 г. число узбеков понемногу уменьшалось, а затем вновь стало расти: в 1910 – на 3 тыс. (около 17%), в 1911 г. – на 13 тыс. (около 50%). В 1913 и 1914 гг. узбеки, как уже отмечалось, вовсе исчезли из переписи.

Группа "тюрк" сохранялась примерно на одном уровне – около 20 тыс., хотя в 1904–1907 гг. ее численность колебалась то вверх, то вниз на 2–3 тыс. К 1914 г. численность тюрков возросла до 24 тыс. человек. Напомню, что об особенностях этой группы писал еще В.П. Наливкин, который отмечал ее отличительные черты: европеоидный внешний вид, стойкое самосознание, полукочевой образ жизни. Напомню, что Наливкин не считал все это препятствием для включения тюрков в число узбекских подразделений. Однако эксперты Областного статистического комитета, видимо, думали иначе и рассматривали тюрков как отдельную национальность.

Численность таджиков в целом стабильно росла: чуть падала только в 1905 и 1908 гг., а в 1914 г. – увеличилась на 24 тыс. человек (почти на 20%). Этот рост говорит, конечно, не о том, что вдруг около 20 тыс. таджиков в 1914 г. пришли в Фергану, а, скорее, о том, что часть какой-то другой группы (видимо, сартов) назвала себя таджиками или какой-нибудь чиновник вдруг обнаружил, что те, кого он считал сартами, имеют еще название "таджик". И напротив, уменьшение таджиков до того (при общем росте населения) было связано, скорее всего, с их "сартизацией".

Численность кипчаков оставалась стабильной – 60–70 тыс., только немного колебалась. Особенно сильно она упала в 1908 г. – на 10 тыс. человек (почти на 17%). Примерно то же самое произошло с каракалпаками: численность их колебалась в пределах 20–30 тыс., но в 1908 г. упала на 10 тыс. человек (на 30%). То же самое – с кашгарцами, число которых сохранялось в пределах 50–60 тыс., но в 1908 г. уменьшилось на 7 тыс. человек (на 11%). Опять же это не говорит о том, что именно в 1908 г. значительная часть кипчаков, каракалпаков и кашгарцев вымерла или уехала из Ферганы. Трудно также поверить в то, что именно в 1908 г. такая значительная часть этих групп вдруг решила изменить свое самоназвание. Подобного рода цифровые метаморфозы были связаны, и об этом можно сказать достаточно уверенно, со способом подсчета, мнением чиновников и статистиков, которые решали, в зависимости от множества конкретных причин, считать или не считать жителей того или иного селения "кашгарцами" или "сартами", различать в массе "сартов" одиноких представителей "кипчаков" или не различать.

Отдельно следует сказать несколько слов о "проблеме киргизов". В "Статистическом обзоре" фигурировали две группы – киргизы и карагиргизы, для каждой из которых приводилась своя численность, причем первых в 1904 г. было на порядок больше, чем вторых (соответственно около 295 тыс. и 23 тыс. человек). Численность киргизов с 1904 по 1907 гг. постепенно уменьшилась почти на 90 тыс. человек (на 28%), а за следующие два года опять возросла до уровня 1904 г., к 1913 г. опять уменьшилась на 55 тыс. человек (почти на 17%), а на следующий год возросла на 80 тыс. Численность каракиргизов в 1905 г. выросла в три раза (!), затем снизилась на 20 тыс. человек (почти на 25%), в 1907 г. снова в три раза увеличилась (!), к 1909 г. уменьшилась на 60%, а к 1913 г. опять выросла, в два раза, и уже на следующий год упала почти в три раза. Увеличение киргизов в принципе совпадало с уменьшением каракиргизов, что дает основание предполагать, что представители этих групп перетекали одна в другую. Однако это не безусловный факт, так как эти совпадения были не вполне точными, а значит, киргизы и каракиргизы могли в какие-то годы становиться сартами, узбеками, кипчаками или кем-то еще. Тем не менее почему вместо одной группы существовало две и как статистики различали их между собой – остается загадкой.

Большая путаница происходила с мелкими группами. Численность дунган в 1904–1908 гг. оставалась на уровне 600–700 человек, затем упала и колебалась в пределах 200–300 человек. Количество персов с 1904 по 1906 г. возросло в три раза, потом был резкий взлет в 1910 г. (на 65%) и 1913 г. (на 50% по сравнению с 1911 г.). В 1908 г. отдельно от персов появилась группа "иранцы" численностью 1200 человек, потом она опять исчезла и появилась в 1913 г. в ничтожном количестве. Чем отличались персы от иранцев – непонятно. В 1908 г. появилась группа "авган" (афганцы), числом чуть менее 200 человек, и далее она присутствовала во всех сборниках и постепенно росла. Группа "калмык" появилась в 1909 г. и насчитывала 300 человек, в следующем году она сохранялась, а в 1911 г. исчезла и вновь появилась в 1914 г. в количестве 550 человек. Число арабов в 1906 г. достигло 300 человек, что на 100 меньше, чем в 1904 г., в 1907–1908 гг. они совсем пропали, а в 1909 г. опять появились – уже числом 1700 человек (почти в шесть раз больше, чем в 1906 г.); к 1911 г. эта группа выросла до 2000 человек, а в 1913 г. уменьшилась на 800 человек и в 1914 г. опять достигла численности 1200 человек. Наконец упомяну цыган: их число с 1904 по 1907 г. упало на 80%, в 1908 г. возросло и уже на следующий год опять упало, а затем постепенно увеличивалось.

В переписях фигурирует группа "юз". Их число в 1904 г. было 4 тыс. человек, а уже в 1905 г. – всего 500 человек, в 1909 г. их

количество возросло, и очень резко – до 3800 человек, а к 1914 г. достигло 4500 человек. Чем юзы, собственно говоря, отличались от узбеков? Этот вопрос требует специального изучения. Можно лишь отметить, что современные этнографические полевые исследования показывают довольно высокую степень устойчивости самосознания юзов, их стремление противопоставить себя другим группам. Возможно, что именно самосознание, а не какие-то "объективные" признаки, было учтено при включении их в число самостоятельных национальностей.

Таким образом, обусловливать все эти нелепые численные колебания какими-то демографическими (рост населения, миграция и т.д.) или "этническими" (ассимиляция, интеграция и т.д.) процессами нет никаких оснований. Во всяком случае, общая численность ферганского населения в эти годы изменялась, по-видимому, достаточно равномерно в сторону увеличения (по 2% в год) и никаких резких скачков не испытывала. Более точным было бы рассматривать эти колебания как результат неопределенности классификации (кого считать сартами, кого – узбеками, таджиками и т.д.), отсутствия ясных признаков у каждой группы, а также отсутствия у самих опрашиваемых и описываемых жителей Ферганы четкого представления – кто же они такие.

Этот вывод подтверждается и следующим примером. В упомянутом уже статистическом очерке Н.В. Турчанинова "Население Азиатской России", в котором были приведены некие официальные статистические данные об этнографическом составе народонаселения Ферганы за 1897 г., опубликованы также аналогичные данные на 1911 г.[100] Эти сведения довольно заметно отличаются от того, что было опубликовано за тот же год в "Статистическом обзоре Ферганской области" (см. табл. 3). Какие-то поправки явно уже сделаны самим Турчаниновым: можно предположить, что именно он объединил, как и в 1897 г., таджиков вместе с персами и индусами, а к категории "тюрки" добавил зачем-то определение "прочие". Однако ясно, что в целом этот список – его номенклатура и численность разных групп – восходит к данным того же Статистического комитета Ферганской области, хотя бы потому, что основные пропорции в обоих случаях совпадают, да и в принципе никакой другой орган власти таким подробным изучением состава ферганского народонаселения заниматься не мог.

Почему тогда списки Турчанинова и "Статистического обзора" не совпали полностью? Этому есть два объяснения: первое – Турчанинов использовал подготовительные, черновые материалы Статистического комитета, которые сам же комитет потом пересмотрел и уточнил; второе – Турчанинов использовал материалы Статистического комитета, которые были пересмотрены

и уточнены каким-то другим органом (тем же комитетом, но в более позднее время, либо, что вероятнее, какими-то вышестоящими структурами Туркестанского края или Военного министерства). Так или иначе, эти расхождения показывают, что статистические данные и классификации были объектом манипуляций со стороны разного рода органов и институтов.

Наконец, еще одно доказательство искусственной природы списков национальностей – существенное отличие их от списков соседних областей – Самаркандской и Сыр-Дарьинской. Об этом писали Аристов и Бартольд, когда указывали, например, что Статистический комитет Самаркандской области где-то в начале 1890-х годов в принципе отказался фиксировать сартов как отдельную категорию, заменив ее узбеками. Не вдаваясь в дальнейшие сопоставления, скажу лишь, что разные областные статистические комитеты вырабатывали свои собственные критерии определения "национальностей" и нисколько не стремились при этом согласовывать свои воззрения с воззрениями и принципами своих же коллег из соседних областей Туркестанского края. Таким образом, многообразие центров выработки этнографической номенклатуры – как по горизонтали, так и по вертикали – было едва ли не главной чертой колониального знания.

В заключение можно отметить, что собственные разработки Ферганского областного статистического комитета о национальном составе ферганского населения очень редко использовались исследователями, которые больше доверяли данным переписи 1897 г., хотя последние и подвергались критике. Этому уже давалось объяснение: данные переписи имели более высокий административный статус. Исключение составили данные текущей статистики за 1907 г., которые попали в книгу полковника Генерального штаба князя Стокасимова "Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа" (1912) и в отчет графа Палена, который писал, что материалы административной статистики базировались "на приблизительных процентных прибавках, основанных на вероятности повсеместной непрерывной прибыли населения, путем естественного прироста и иммиграции"[101].

Проблема сартов в начале XX века

В начале XX в., как и в конце XIX в., основной проблемой статистики и описания этнографического состава населения в Фергане оставались сарты. Как и в предыдущие годы, вопрос заключался в том, кто такие сарты. Единого мнения на этот счет по-прежнему не было.

Особый интерес представляют работы П.Е. Кузнецова. В одной из них – "О таджиках Ташкентского уезда (краткий отчет)" (1900) – он рассказал, что на заседании правления Туркестанского отдела Императорского русского географического общества 13 января 1900 г. Н.Г. Маллицкий предложил исследовать таджикские селения Ташкентского уезда "как форпост иранского племени на северо-востоке": «По личным наблюдениям Н.Г. Маллицкого, в настоящее время таджики, живущие в предгорьях Ташкентского уезда, быстро сартизуются, и в то время как более консервативные элементы населения, женщины и старики, еще сохраняют таджикский язык, молодежь большею частью говорит по-тюркски. "Может быть," – высказался Маллицкий, – "изучение таджикских поселений Ташкентского уезда будет способствовать разрешению вопроса о происхождении сартовской народности"»[102]. После этого собрания в уезд послали Кузнецова, который представил свой отчет. В нем он отметил, что таджики говорят на наречии "персидского языка", но также свободно владеют "сартовским (тюркским) языком", более того, "ташкентские таджики пользуются сартовским языком в жизни больше, чем своим родным. Это обстоятельство служит лучшим признаком сартизации между ними, которая страшно сильна и идет гигантскими шагами вперед. Можно с уверенностью сказать, что в близком будущем таджики забудут родной язык и окончательно сольются с сартами"[103]. Автор задавал вопрос: "Какие же факторы играют главную роль в тюркизации таджиков, кроме общей с сартами религии?" – и отвечал: географическое положение (таджикские селения являются "ничтожными островками среди моря тюркского населения"), язык ("самое могущественное средство сартизации таджиков")[104] и смешанные браки ("при смешанном браке, возьмет ли таджик, положим, сартянку за себя, или таджичка выйдет за сарта, господствующим языком в семье делается, конечно, сартовский", их дети таджикского уже не знают[105]).

Кузнецов также обратил внимание, что "насадителями сартовского языка" были переводчики русских властей, обычно из тюрков (татары и башкиры). Он отмечал роль государства в этом процессе: "До прихода русских официальным языком у туземцев в крае был персидский... Переводчики же русского правительства, не зная в большинстве случаев этого языка, требовали и теперь требуют не только от сартов, но и от таджиков, чтобы они вели деловую переписку с властями на сартовском языке. Таким-то путем сартовский язык постепенно сделался официальным языком у туземцев и теперь мирзы-таджики самым усерд-

ным образом пишут по-сартовски даже те документы, которые не поступают в русские канцелярии"[106]. Кузнецов отмечал: «К своему превращению в сартов таджики относятся совершенно равнодушно, мне сдается, даже охотно, потому что, сделавшись сартами, они избавляются от позорной клички "раба" ... (кул), данной им тюрками»[107]. Автор свидетельствовал: многие таджики "не хотели сознаться мне в своем таджикском происхождении"[108].

Работы Кузнецова показывают, что взамен прежней модели, где главной была оппозиция между "узбеками" и "таджиками" или "узбеками" и "сартами", сформировалась новая модель, в основе которой лежала оппозиция "сарты / таджики". Изменение модели было первым шагом на пути установления прямой связи между сартами и узбеками. Однако следующий шаг к их отождествлению был сделан не сразу.

В 1908 г. появилось третье (и последнее), дополненное издание книги Н.П. Остроумова "Сарты". Эта книга в основном повторяла содержание первого издания. Остроумов расширил главу "Общая характеристика сартов", поместив в ее начало подробные данные о внешнем облике сартов (раньше глава начиналась с описания их психологии)[109]. Кроме того, автор добавил в новое издание историю о споре Бартольда и Лапина, обильно процитировав обоих[110]. Сам Остроумов подробно не разбирал доводы того и другого, но явно был на стороне Бартольда. Правда, автор вынужден был признать близость сартов и узбеков, что следует из такой цитаты: "сартовское население города Ташкента насыщено кровью тюркских племен, особенно узбеков"[111]. Тем не менее Остроумов позволил себе едкую критику Лапина: "Невозможно вновь установить предлагаемое г. Лапиным выражение ново-узбекский язык, вместо сартский язык, так как по прихоти одного человека такие названия не прививаются в народе и науке"[112]. Будущее показало, как Остроумов был не прав.

В 1910 г. в авторитетной "центральной прессе" (журнале "Живая старина") появилась статья известного востоковеда А.Н. Самойловича "К вопросу о сартах" – рецензия на третье издание книги Остроумова[113]. Он характеризовал книгу как труд "государственного деятеля", а не "этнографа"[114]. Самойлович не проводил собственного исследования, а анализировал те сведения о сартах, которые были известны из литературы и которые подробно изложены у Остроумова, и пытался выявить некий общий для всех результат и "примирить" разные точки зрения. Он поставил три разных вопроса и по каждому дал свой ответ. На первый вопрос – "о первоначальной народности и первоначальном языке сартов (историческая точка зрения)" – он ответил, что "предки современных сартов были по крови и языку иранцами"[115]. На второй вопрос – о "народности и языке нынешних сартов (современная точка зрения)" – он ответил так: "Иранцы-сарты (таджики тоже) постепенно смешались, но не все, с пришельцами-турками и изменили свой тип и язык, хотя не утратили совершенно ни в том, ни в другом следов своего не-турецкого происхождения"[116]. На третий вопрос – об «употреблении слова "сарт" в других значениях, помимо этнического» – Самойлович ответил следующим образом: сегодня термин "сарт" часто используется в бытовом значении и так называется нередко "горожанин и поселянин независимо от языка, на котором говорит названное так лицо"[117]. Из всего сказанного Самойлович сделал вывод: «Нового общего решения предвидеть нельзя, а имеющееся решение не дает права, как уже указал В.В. Бартольд, совершенно отказаться от употребления слова "сарт" в качестве этнического и лингвистического соб. имени, хотя и требует осторожного с ним обращения»[118]. Вместе с тем он подчеркнул, что "не всякий среднеазиатец, называющий себя или называемый другими сартом, есть действительно сарт в этническом значении этого слова, не сартами могут оказаться и многие из тех, кого сопричисляют к сартам официальные документы, русские и туземные"[119]. В конце своей рецензии автор привел личные наблюдения из поездки по Средней Азии. Он, в частности, "сильно усомнился" в том, что слово "сарт" в Ташкенте, Самарканде и Бухаре употребляется ныне "для обозначения племени и языка" (и выразил согласие в этом с Лапиным), но категорически посчитал "себя вправе" отстаивать этническое значение этого слова в Хивинском ханстве[120].

Наконец, в своей последней книге "Туземцы раньше и теперь" В.П. Наливкин еще раз повторил попытку создать этнографическую классификацию, комбинируя признаки "образ жизни" и "язык". Если раньше он писал просто о делении туземного населения в "бытовом отношении" на оседлую и кочевую части, никак не называя их, то в "Туземцах" население делилось уже на три группы: оседлых жителей (сартов), кочевников (киргизов) и полукочевников. При этом основной "антагонизм", по мнению Наливкина, был между "двумя главнейшими" фракциями, или группами, – сартами и киргизами[121]. В "Туземцах" автор построил ясную иерархию, которая в его ранних книгах была менее четкой. Теперь у него сарты, т.е. оседлые жители, подразделялись на осевших тюрков (или узбеков) и таджиков. Замечу здесь, что раньше Наливкин в том же контексте писал "узбеки (или тюрки)" – таким образом, статус термина "узбек" в новой книге по-

низился. Похожие изменения произошли и в наименовании кочевников, которых автор прежде скопом называл узбеками, а на этот раз стал называть "киргизами" и "тюрко-монголами" (соответственно, в "киргизские" и "тюрко-монгольские" превратились у Наливкина 92 рода: тюрк, багыш, кипчак, киргиз, туркмен, юз, минг, каракалпак, могол, кенегес и другие, которые раньше были "узбекскими")[122].

В состав "этнографического конгломерата, именуемого ныне общим именем сартов", Наливкин включил также часть арабов, принявших ислам евреев и цыган, осартившихся татар (ногаев) и персов[123]. Ясно, что теперь Наливкин отказался от того, чтобы ставить знак равенства между сартами и узбеками (как он фактически делал в критике книги Миддендорфа). Более того, можно сказать, что автор, пусть и с оговорками (не случайно он написал "этнографический конгломерат", а не "народность"), признал сартов как самостоятельную общность.

В "Туземцах" появилась новая группа – полукочевники, "посредствующее звено между оседлыми и кочевниками". Это курама в Ташкенте, узбеки в Самарканде (те и другие состоят из "полуосевшего сброда разных киргизских (тюрко-монгольских) родов" – юз, кырк и т.д.), а также кипчаки и каракалпаки в Фергане[124].

Проблема сартов глазами "туземцев"

Очень интересна небольшая дискуссия в "Туркестанских ведомостях" в 1912 г. В заметке «Происхождение слова "сарт"», представитель нового поколения российских ученых – М.В. Гаврилов – опубликовал перевод письма кокандского жителя Мухаммад-Амина Мухаммадджанова в "туземную" газету "Вакт" (Время) от 8 октября 1912 г., где говорилось в виде обращения к татарам – издателям газеты: «Да будет известно, что слово "сарт" не является названием нации, оно дано нам русскими и лишено всякого основания»[125]. "Туземец" предложил называть свой народ не словом "сарт", а словом "турк", так как термин "сарт" оскорбителен. Гаврилов к этому добавил: "Поистине письмо, не лишенное всестороннего интереса".

На эту заметку тут же откликнулся Остроумов[126]. Он повторил собственные выводы, уже неоднократно опубликованные, что "на самом деле это слово ничего обидного для туземцев не заключает в себе, так как означает горожанина... или торговца", а значит, "русские не выдумывали этого названия, а нашли его готовым при занятии Туркестанского края". Остроумов резко выступил против названия "турк", увещевая "туземцев", что им

надо подчеркивать свою индивидуальность и отличие от османских турков.

В этой дискуссии второй раз – после спора Бартольда и Лапина – "прямая речь" самих "туземцев" была представлена в спорах русских этнографов и востоковедов. Разумеется, и раньше русские ученые и чиновники постоянно находились в личном контакте с "туземцами"-интеллектуалами и обменивались с ними мнениями по самым разным вопросам. Однако равноправными соучастниками публичных научных дискуссий "туземцы" не являлись. Постепенное изменение ситуации на рубеже столетий указывает на то, что "туземная" элита поставила перед собой вопрос о "национальном самоназвании".

В 1914 г. в самаркандской газете "Ойна" (Зеркало) редактор Махмудходжа Бехбуди, один из самых влиятельных людей в джадидском движении Средней Азии, опубликовал статью «Слово "сарт" неизвестно»[127]. В ней он утверждал, что слово "сарт" известно только на "севере Туркестана" (в Ташкенте), где его употребляют казахи, татары и русские, на "юге Туркестана" (в Самарканде) и в Бухаре это название не используется: «"Сарт" не говорят, сартов не знают, о племени "сарт" не слышали»[128]. Сравнивая разные точки зрения европейских и русских ученых (Вамбери, Остроумова и Логофета), ссылаясь на мнение Лапина и татарского (в будущем башкирского) ученого Заки Валиди, Бехбуди, по сути дела, заимствовал споры о слове "сарт" из русской литературы и переносил их в "туземный" дискурс. В других публикациях "туземные" авторы выдвигали аргументы в пользу самоназвания "сарт".

Таким образом, дискуссия о "сартах" стала частью – негативной или позитивной – самосознания местного населения, что указывает на процесс становления национальной (или этнической) самоидентификации, который, несомненно, уже имел место в среднеазиатском обществе в то время. Однако тогда это было только понимание потребности в национальном самосознании и не привело еще к кристаллизации этой потребности в какую-либо точную формулу "этничности".

Этнографическая номенклатура в Фергане по переписи 1917 года

В начале данной работы уже говорилось о том, что при выяснении этнографического состава народонаселения Средней Азии (в том числе Ферганы) русские ученые и чиновники пользовались определенными моделями, а не произвольными

схемами, как можно было бы подумать, сравнивая совершенно различные, на первый взгляд, точки зрения. Центральным элементом в этих моделях была "бинарная" оппозиция между двумя "крайними" этнографическими категориями – узбеками и таджиками, узбеками и сартами, сартами и таджиками, сартами и киргизами, которым приписывались абсолютно противоположные качества.

При этом, наряду со стремлением упростить этнографическую картину, имела место и другая тенденция – к дроблению категорий, увеличению их числа, выделению из состава больших сообществ все новых и новых маленьких групп, которые в той или иной степени отличались от "идеального типа" основных категорий. Причиной этого было отсутствие точных и ясных критериев, которые могли быть применены при проведении "границ" между различными общностями. Поэтому все, кто так или иначе (по языку, образу жизни и какому-либо другому, пусть незначительному, признаку) не соответствовали "двухполюсной" картине, попадали в число "исключений", т.е., по сути дела, самостоятельных категорий. Вместе с тем всегда предпринимались попытки вновь сгруппировать все эти маленькие части в большие общности, но уже на основе какого-то одного признака. Таким образом, создавалась иерархичная структура народов, одни из которых были "главными", другие же – "меньшинства" – то выделялись в качестве отдельных групп, то вновь, под тем или иным предлогом, возвращались обратно в состав "главных" народов. Эта противоречивость развития этнографических моделей особенно проявилась в начале 1920-х годов, когда имперскую власть в Средней Азии сменила власть советская.

Первая советская перепись была задумана в 1920 г., когда большевиками была поставлена задача привести в порядок информацию о доставшемся им государстве. Однако в Фергане не было возможности провести такую перепись из-за продолжавшейся борьбы с басмачеством. Статистики, которые в начале 1920-х годов обрабатывали материалы переписи 1920 г. и пытались составить себе впечатление об этнографическом составе ферганского населения, решили использовать для этого материалы 2-й Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., наиболее близкой по времени.

Основным формуляром во время переписи 1917 г. была подворная карточка, в которой каждому члену семьи посвящалась отдельная строка. Строки "национальность" в этом формуляре не было. Одновременно с подворной карточкой велся поселенный список, в котором была строка о национальности домохозяина. Вполне возможно, что опроса глав домохозяйств по поводу их национальности в 1917 г. вовсе не было, а общие данные брались из поволостных сводок местной администрации.

Из-за того что перепись 1917 г. была а) не полной, б) не точной, в) частично устаревшей, любые попытки использовать ее данные превращались в авторскую интерпретацию. Два варианта такой интерпретации представили И.П. Магидович и И.И. Зарубин.

В "Статистическом ежегоднике 1917–1923 гг.", который был издан Центральным статистическим управлением Туркестанской республики в 1924 г., зам. зав. отделом демографической статистики И.П. Магидович в специальном разделе "Национальный состав" (в главе "Население ТССР в 1920 г.") составил список национальностей Ферганской области[129]. Он указал, что численность населения области рассчитывалась им на основе данных 1917 г., а также – по тем районам, которые не были охвачены этой переписью – на основе более ранних данных (кочевые волости Андижанского и Наманганского уездов – по материалам переселенческого управления 1911 и 1913 гг., весь Ошский уезд – по списку населенных мест 1909 г., данные по городам взяты из "последнего по времени" "Статистического обзора Ферганской области" за 1914 г.)[130] (см. табл. 4, графу "Магидович-1").

Магидович привел свою национальную классификацию. По его мнению, "тюркское племя" включало: 1) узбеков ("преобладающей народностью являются узбеки и почти слившиеся с ними сарты"[131]); 2) киргиз-казаков (казаки) (казахи. – *С.А.*); 3) каракиргизов (киргиз); 4) туркмен; 5) каракалпаков; 6) кураму; 7) кипчаков; 8) таранчи ("тюркская народность, родственная узбекам"[132]). Таджики отнесены к "народностям арийского (иранского) происхождения". Магидович пояснил, что «узбеки объединены с сартами, так как по материалам переписей 1917 и 1920 гг. нет возможности отделить их, тем более, что язык у них общий. К ним причислены также мелкие группы, говорящие по-узбекски (например, кашгарские сарты или "кашгарлыки") и т.п. Так называемые "ходжа" и "арабы" причислены к тем народностям, среди которых они живут и на чьем языке говорят»[133]. Эту фразу можно понять так, что узбеков и сартов в 1920 г. Магидович объединил потому, что так было удобно рассчитывать "национальности" при соединении цифр, взятых из разных источников.

Более подробно автор обосновал свои расчеты в "Материалах Всероссийских переписей" (см. табл. 4, графу "Магидович-2").

В специальном комментарии "Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года" Магидович писал, что "в сельскохозяйственных переписях регистрируется не язык, а национальность домохозяев"[134]. Упомянув, что в 1917 г. в подворных данных обозначалась только национальность домохозяина, автор подчеркивал: "Членов семьи и рабочих мы относили к той же национальности, что и главу семьи. Полученные таким способом цифровые данные не вполне точны, но погрешность не может быть значительна"[135]. Кроме того, по Ошскому уезду данные были из "Списка населенных мест" за 1909 г., в котором указывалась только "преобладающая национальность" в селении; соответственно, всех жителей того или иного кишлака Ошского уезда Магидович условно причислял к этой национальности.

Он произвел разного рода манипуляции над данными 1917 г., в частности, присоединил мелкие группы к большим. Так, при описании внешнего вида селений к "узбекам и сартам" он отнес "родственные им народы, почти ассимилировавшиеся с ними" – кашгарцев, кураминцев, кипчаков и каракалпаков, а также "тюрков"[136], а селения, где живут эти группы, предложил "условно" называть "узбекскими"[137]. Правда, автор тем не менее привел соответствующие данные по этим более мелким группам как в тексте, так и в таблице, но исключил их из общих списков.

В другом случае, говоря уже о численности разных национальностей в Фергане, ее "основными национальными группами" Магидович посчитал "узбеков и сартов" (которые образуют одну "национальную группу"[138]), каракиргизов, таджиков, кипчаков и каракалпаков[139]. О кашгарцах он писал, что они "ничем не отличаются от остальных ферганских узбеков", тюрки и юзы – это "узбекские роды", курама, кипчаки и каракалпаки "почти слились с местными узбеками", арабы – "те же узбеки", ходжа – "не племя, а сословие", представители которого в Фергане говорят по-узбекски[140]. Исходя из языкового признака, Магидович предложил включить значительную часть этих мелких групп в число узбеков: «В дальнейшем мы будем называть все племенные группы, говорящие по-узбекски, просто "узбеками"»[141]. Правда, Магидович опять-таки привел как общие данные по группе "узбеки и сарты", так и отдельные цифры по узбекам, сартам, кашгарцам, тюркам, кураме, арабам, ходжам и юзам (кстати, все мои попытки сплюсовать цифры по отдельным группам давали другой результат, нежели тот, который указан у Магидовича: возникала разница в 8002 человека. Видимо, автор в число "узбеков и сартов" включил

еще какую-то группу, помимо названных. Судя по таблицам, это были кашгарцы и тюрки Ошского уезда, которых Магидович забыл упомянуть в тексте. Другими словами, попытки объединить все группы в одну большую национальность пока еще были непоследовательными и противоречивыми).

О каракиргизах (или просто "киргизах") Магидович писал, что они сохранили, благодаря изолированному проживанию в горах, "сравнительную чистоту своей крови"[142]. Он привел также данные о родовом делении каракиргизов, в частности указал, что они делятся на две группы: 1) "Оту-огуль" (тридцать братьев), или "коренное ядро" (эта группа имеет, в свою очередь, правое и левое подразделения) и 2) "ветвь Ичкилик" ("посторонняя, имеющая чуждое происхождение"). Автор также попытался подсчитать численность разных родов: из 155 990 подсчитанных каракиргизов (он не объяснил, куда делись остальные) 20 960 оказались "ичкилик", 135 030 – "оту-огуль" (в том числе "он" – 93 220 и "сол" – 41 810 человек)[143].

Говоря о таджиках, Магидович упомянул персов (подчеркнув как их родство с таджиками, так и некоторое отличие от них), а также в число таджиков включил всех "горных таджиков" ("измаелитов" – шугнанцев и прочих), которые живут на Памире и говорят на своих особых "наречиях"[144]. Он также назвал отдельно кипчаков (которых нельзя смешивать с "киргиз-кипчаками")[145] и каракалпаков[146]. По его мнению, кипчаки – это "остатки одного из могущественных тюркских племен", они "входят в состав почти всех тюркских народностей Европейской России и Туркестана. Но только в Фергане оседлые кипчаки еще противопоставляют себя другим народам, отрицая свое тождество с узбеками или киргизами"[147]. Последнее обстоятельство Магидович объяснил особой ролью кипчаков в середине XIX в.[148], когда их лидеры занимали ведущие политические позиции в Кокандском ханстве, в результате чего кипчаки "избежали смешения с остальными узбекскими племенами и потому значительно отличаются от последних своим внешним обликом. Но язык и уклад жизни у них почти общий с узбеками"[149]. Что касается каракалпаков, то их, как указал Магидович, "часто смешивают с узбеками или киргизами", что верно для ферганских и самаркандских каракалпаков[150], "здесь они почти растворились в узбекской массе". Но "некоторые из них все-таки отделяют себя от узбеков и продолжают называться каракалпаками" (речь идет об амударьинских каракалпаках)[151].

Среди совсем мелких групп (в числе "прочих") Магидович упомянул цыган ("мазанчи" или "люли") и калмыков (автор допустил, что речь идет о племени "калмык" в составе каракиргизов)[152].

В работе "Список народностей Туркестанского края" (1925) И.И. Зарубин предложил свою версию номенклатуры национальностей Ферганы и их численности (см. табл. 4, графу "Зарубин-1"). Сначала он "лингвистически" разделил все население на "иранскую" и "турецкую" группы[153]. О таджиках Зарубин писал, что "с точки зрения культурной они ничем не отличаются от турецкой оседлой части населения края, лишенной родовых пережитков, известной в литературе под именем сартов, и ныне составляющей основное ядро узбецкой народности"[154]. Автор специально отметил, что "обычно термином таджик преимущественно подчеркивается языковая принадлежность субъекта" (хотя есть исключения, когда таджиками называют тюркоговорящее население)[155]. В иранской группе Зарубин отдельно выделил: 1) "припамирских иранцев"[156]; 2) "горных таджиков" (население Дарваза, Каратегина и Зеравшанских гор)[157]; 3) "равнинных таджиков" или просто "таджиков"[158]; 4) "ирани" (шиитов, язык которых немного отличается от таджикского, но быт тот же) и "персов" (шиитов, быт которых совершенно отличается от таджикского)[159]; 5) цыган (говорят по-таджикски, но ведут бродячий образ жизни и постоянных жилищ не имеют)[160]. Наиболее сложный вопрос – как различить первые три группы. По мнению Зарубина, "горные таджики" являются "промежуточным звеном" между "припамирскими иранцами" и "равнинными таджиками" (так как от первых отличаются языком и религией, но имеют общий с ними бытовой уклад, а со вторыми имеют общий язык и религию, но разный уклад)[161], у равнинных же таджиков уклад жизни ничем не отличается от уклада тюркоязычных сартов[162].

Об "узбецкой народности" Зарубин писал, что она "образовалась на глазах истории"[163]. В число узбеков он включил и сартов, дав развернутое объяснение такому решению (см. ниже).

Зарубин различал "казаков" и "кыргызов", между которыми в Семиречье, по его наблюдениям, существовал даже "некоторый антагонизм" и каждый из которых "чувствует свое национальное единство"[164]. О киргизах Зарубин писал, что у них "национальное самосознание очень прочно"[165]. О кураминцах он писал, что они "представляют собою продукт не только кровного, но, пожалуй, еще в большей степени социального смешения частей различных казацких и узбецких родов, как между собою, так и с иными племенными элементами"; это "особая, хотя и расплывчатая, этническая группа", а "с этнографической точки зрения" – это "переходное образование" между "казаками" и "массою остального оседлого

турецкого населения". Правда, резюмировал автор, "сознания своей национальности у кураминцев, по-видимому, не имеется"[166].

Как писал Зарубин, "отдельно от узбеков называются каракалпаки, кипчаки и турки"[167]. Что касается первых, то хивинские каракалпаки "представляют, по-видимому, отличную от узбеков народность" с "развитым самосознанием"; впрочем, как подчеркнул исследователь, трудно сказать, насколько они "обособлены" в Фергане[168]. Кипчаки "имели очень большое значение в истории Кокандского ханства. Этим объясняется, что они выделяются в особую группу в Ферганской области"[169] (правда, в примечании автор заметил: "Вопрос об отделении кипчаков от узбеков требует еще разъяснения"[170]). Любопытно, что в данном случае, чтобы оправдать включение кипчаков в число отдельных групп, Зарубин ссылался на некое "сообщение" А.Н. Самойловича о том, что "ими (кипчаками. – *С.А.*) или частью их было выражено желание о выделении их вместе с кыргызами и казаками в особую автономную единицу"[171]. О турках Зарубин писал, что их "можно считать остатком до-узбецких турецких племен"[172]. В целом об этих группах исследователь говорил, что часть тюркских племен (ферганские кипчаки и "турки") находилась "в более благоприятных для сохранения и развития своей самобытности условиях" и развилась "до сознания себя, как отдельного национального целого", тогда как другая часть "растворилась в общеузбецкой массе"[173].

Отдельно Зарубин писал о кашгарцах и таранчах – выходцах из "восточного Туркестана". Первые – отуреченное иранское население, которое представляет собой "более или менее однообразную по языку и быту оседлую массу... оно не создало для себя единого национального обозначения" и от узбеков-сартов отличается "лишь незначительными диалектическими особенностями"[174]. Вторые – таранчи – держатся, по словам автора, "обособленно", себя называют сартами, "ныне вместе с кашгарцами приняли имя уйгуров"[175].

Зарубин упомянул также отдельно арабов, которые по языку схожи с теми народностями, среди которых живут. При этом он заметил, что они "сохранили национальное самосознание"[176]. Отдельно же упомянул автор сарт-калмыков и дунган, которые не относятся "ни к иранцам, ни к туркам"[177].

Завершил свою работу Зарубин утверждением, что "самая национальная терминология не является вполне установленной"[178]. Согласившись с Магидовичем объединить узбеков и сартов в одну национальность, он не решился включить в число

узбеков многие мелкие группы, такие как тюрки и кашгарцы, заметив, что последние могут войти в отдельную национальность "уйгуры". Ничего не сказал Зарубин о ходжах и юзах, видимо, автоматически включив их в число узбеков.

Надо сказать, что не только номенклатура этнографических категорий у Зарубина отличается от предложенной Магидовичем, но и цифры. Во-первых, Зарубин в некоторых случаях неправильно привел цифры из "Материалов": не упомянул число таджиков в Ошской области, ошибочно назвал число каракиргизов Ошского уезда – вместо 125 689 дал цифру 126 689[179], ошибочно же назвал число кипчаков Наманганского уезда – дал неверную цифру 11 475 (которая есть в тексте Магидовича) вместо правильной 11 415[180], из-за чего цифры Зарубина, якобы взятые из "Материалов", расходятся с самими "Материалами" (см. табл. 4). Цитируя Магидовича, Зарубин не пояснил, что данные по Ошскому уезду (а также несколько цифр по кочевым волостям Наманганского и Андижанского уездов) тот взял не из переписи 1917 г., а из более ранних источников (точнее говоря, Зарубин указал на этот факт, но мимоходом, совершенно не упоминая Ошского уезда).

Одновременно с подсчетами Магидовича из "Материалов Всероссийских переписей" Зарубин привел в своей работе "непосредственные подсчеты" поволостных сводок сельскохозяйственной переписи 1917 г., которые оказались у него после поездки в Туркестан[181] (см. табл. 4, графу "Зарубин-2"). Правда, автор не пояснил, где он взял эти поволостные сводки и как подсчитывал эти материалы. Между тем сравнение двух рядов показывает определенное (порой даже на тысячи человек) расхождение между цифрами Зарубина и цифрами из "Материалов Всероссийских переписей" по Фергане, которые в основе своей имели те же самые сельскохозяйственные переписи. Это означает, что материалы данной переписи на стадии обработки подвергались коррекции. Но по-разному подсчитывалась не только перепись 1917 г. Не совсем понятно, например, почему число узбеков-сартов Ошского уезда у Магидовича – 71 465, а у Зарубина – 70 953, что могло быть результатом разного подсчета данных 1909 г. Зарубин вслед за Магидовичем почему-то проигнорировал сведения "Списка" за 1909 г. о кашгарцах и тюрках Ошского уезда.

Рассуждения Зарубина на тему состава населения Туркестана интересны еще и тем, что их изложил член Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, которая была создана в Санкт-Петербурге в 1917 г. и продолжила свою работу в начале 1920-х годов при Академии наук. Комиссия эта фактически была одним из ведущих органов, который готовил список "народов" к переписи 1926 г. и предпринял первую попытку создать единую и "централизованную", т.е. обязательную, номенклатуру народов и таким образом избавиться от многоголосицы и путаницы по этому вопросу.

Этнографическая номенклатура в Фергане по переписи 1926 года

Попытки начала 1920-х гг. создать новую классификацию народностей (или национальностей) теперь уже "советской" Средней Азии, как до этого было сказано, отражали те противоречия в самом этнографическом "ви́дении", которые были и в имперской России. В этом смысле советская власть, на словах отрицая "наследие" предыдущего периода, являлась вполне "законным" преемником прежней власти, используя все институты и дискурсы последней. Вместе с тем нельзя ставить и знак равенства между двумя периодами. Реформы 20-х гг. прошлого столетия привели к тому, что национальные классификации из умозрительных конструкций превратились в один из основных инструментов управления новым государством.

Имперская модель этнографического описания была "колонизирующей", поэтому она видоизменялась по мере продвижения русских в Среднюю Азию и ее освоения. Для "колонизирующей" модели были важны "типы", точнее – "типажи", которые представляли ту или иную категорию. Вопрос о том, к какому "типажу" каждый конкретный человек относится, был вопросом несущественным, второстепенным. В 1920-е гг., после большевистской революции, постепенно сформировалась новая модель "власти и знания" – "государствообразующая", которая должна была превратить научные категории в социально-административные. Основным стал вопрос, как "прикрепить" ту или иную категорию к каждому отдельному человеку. При этом номенклатура национальностей значительно видоизменилась – появилось окончательное деление на основные категории и дополнительные, были постепенно введены более ясные критерии для учета, некоторые категории исчезли, а некоторые возникли вновь и т.д. Изменился и механизм формирования списков национальностей. Если прежняя модель характеризовалась множественностью центров выработки номенклатуры (центр, местные статистические органы, отдельные ученые), то теперь эта процедура становилась все более централизованной. Причем "центр" обладал не

просто более высоким авторитетом, но исключительным правом на окончательное решение, которое уже не могло подвергаться сомнению.

Переписи и этнографические списки 1920-х гг. отражали переходное состояние от имперского – "колонизирующего" – способа классифицировать народы к советской – "государствообразующей" – модели. При этом сами переписи стали играть едва ли не ключевую роль в выработке этой модели. Из механизма создания знания об этнографическом составе населения они превратились в механизм политического обустройства того пространства, где это население проживает. Более того, перепись, которая сама по себе является технологией подсчета, т.е. подразумевает соотнесение человека с той или иной категорией, стала выполнять, наряду с другими институтами, и еще одну важную функцию: донесение утвержденной классификации до каждого отдельного члена общества, т.е. превращение умозрительных конструкций в реальное самосознание людей.

В 1926 г. состоялась Всесоюзная перепись населения, которая была проведена сразу вслед за национально-государственным размежеванием в Средней Азии и в какой-то мере отражала как принципы самого размежевания, так и его результаты. Перепись впервые задала самому населению Ферганы, кроме прежнего вопроса о "родном языке", новый – о "национальности" (в остальном Туркестане этот вопрос был задан в первый раз во время переписи 1920 г.). Точнее, спрашивали о "народности", поскольку считалось, что термин "национальность" мог быть воспринят как указание на принадлежность к национальным республикам и областям. Проводилась перепись по системе личных листков, в которые были включены вопросы о народности (строка 4) и родном языке. При этом в случае споров о национальной принадлежности ребенка записывалась "народность" матери. Разработка материалов переписи по вопросу о народности производилась на основании "Перечня народностей", подготовленного Комиссией Академии наук по изучению племенного состава населения СССР.

Предварительные итоги переписи были опубликованы очень быстро – уже в 1927 г. Дело в том, что, кроме личного листка, счетчики заполняли вспомогательные формуляры, в частности, поселенный список сельских домохозяев, где указывалась народность домохозяина (а не всех членов домохозяйства), что позволяло быстрее получить хотя бы приблизительные итоги национального состава населения. Именно эти материалы были частично опубликованы в 1927 г. в виде списка населенных мест[182].

Комментарии к предварительным итогам по Узбекистану подготовил зав. отделом демографии (или зав. сектором социальной статистики) Центрального статистического управления Узбекской ССР Б.Ф. Морозов. Об узбеках, составляющих "преобладающую народность Узбекистана", он писал: они "утвердились на территории Средней Азии в XVI в. после Р.Х. Некогда кочевники, занимавшиеся скотоводством и кочевавшие по северным степям и пескам Средней Азии, они в настоящее время совершенно осели и занимаются, главным образом, земледелием"[183]. О сартах Морозов не сказал ни слова, но упомянул таджиков, которые "с незапамятных времен населяют Среднюю Азию и некогда составляли в ней основную массу оседлого земледельческого населения и лишь позднее были оттеснены в горы надвигающимися из степей кочевниками"[184]. В числе "основных коренных народностей" он также упомянул казаков (казахов), киргизов, кураму, арабов (потомков "арабов-завоевателей", которые «в настоящее время... настолько ассимилировались узбеками и таджиками, что многие уже совершенно утратили свой родной язык, называя себя таджиками или узбеками рода "араб"»). За пределами этого списка Морозов назвал также кипчаков, каракалпаков, туркмен и ирани[185]. В числе "пришлых народностей" Морозов назвал уйгуров, "выходцев из Кашгарии"[186].

Окончательные результаты переписи 1926 г. были опубликованы в 1928 г. Неудобство, правда, создает тот факт, что эти данные были скомпонованы в соответствии с вновь образованными республиками. Фергана же в ходе национально-государственного размежевания была разделена на три части: "узбекскую", "таджикскую" и "киргизскую". Бывшей Ферганской области почти на 100% соответствовали следующие административные образования: Андижанский и Ферганский округа Узбекской ССР, города Исфара и Канибадам, а также Аштский, Исфаринский, Канибадамский районы Ходжентского округа Таджикской АССР, которая была частью Узбекской ССР, Джалалабадский и Ошский кантоны Киргизской АССР, которая тогда была частью РСФСР.

Перепись 1926 г. была самой детальной из всех переписей применительно к Фергане (см. табл. 5). В ней фигурировало 22 народности, которые условно можно было бы отнести к числу "коренных" и "мусульманских" (им, напомню, посвящена настоящая статья). Перепись отражала противоречивые тенденции своего времени. С одной стороны, некоторые народы, бывшие в предыдущих переписях, исчезли. Среди них сарты, которые окончательно были объединены с узбеками, а

также цыгане, юзы и ходжи, которых, видимо, тоже решили отнести к узбекам. Исчезли каракиргизы – остались одни киргизы, при этом смысл последнего термина стал более определенным, поскольку бывшие "киргизы", иначе называвшиеся "киргиз-казаки" и "киргиз-кайсаки", превратились в "казахов". С другой стороны, появились новые группы, в частности, из "других" республик: казахи и туркмены, которые раньше тоже жили в Фергане, но причислялись к другим категориям и не выделялись в самостоятельные группы. Теперь, когда они приобрели официальный статус, автоматическое слияние стало невозможным. Таким же образом, видимо, появилась самостоятельная группа "турко-османов", которая в прошлом также была бы (и была) зачислена в какие-нибудь "туземные" категории.

Интересно, что из двух прежних категорий – тюрков и кашгарцев – было сформировано целых пять групп. Отдельно от тюрков была выделена небольшая группа "ферганских и самаркандских тюрков". Чем они отличались друг от друга, что означало таинственное словосочетание "ферганские и самаркандские", в чем тут была логика – непонятно. Можно было бы как-то объяснить появление "самаркандских тюрков" – тех, что недавно мигрировали из окрестностей Самарканда в Фергану (на самом деле они в основном проживают в районе Ура-Тюбе, который до размежевания принадлежал к Самаркандской области). Но ведь в переписи говорится о "самаркандских и (!!!) ферганских" тюрках!

Более понятным было появление наряду с кашгарцами двух других групп – уйгуров и таранчей. Таранчи – это, как и кашгарцы, жители Восточного Туркестана (китайского Синьцзяна), которые еще в XVIII в. были переселены китайцами в Кульджу, а оттуда в конце XIX в. перебрались в российское Семиречье (районы нынешнего Казахстана и Кыргызстана), где регистрировалась под именем "таранчи". В 1921 г. в Ташкенте был проведен курултай, который постановил дать выходцам из китайского Восточного Туркестана имя "уйгуры". Любопытно, что на съезде присутствовали не только тюркоязычные группы, т.е. кашгарцы и таранчи, но и, например, дунгане, родным языком которых был один из китайских диалектов. Перепись 1926 г. зафиксировала ситуацию, в которой различие между "кашгарцами" и "таранчами" приобрело статусный (межреспубликанский) характер, как и в случае с тюрками, казахами и туркменами, при этом появился пока еще не очень ясный термин "уйгуры", который позже привился в качестве внешнего названия, а может быть, и самоназвания.

Из числа калмыков была выделена группа (или категория) сарт-калмыков. Точнее говоря, большую часть калмыков, оставшихся после присоединения к киргизам и узбекам, перевели в категорию "сарт-калмыков".

Как уже говорилось, все эти изменения в номенклатуре народов возникали на фоне только что проведенного (в 1924 г.) национально-государственного размежевания в Средней Азии. Так, например, "тюркский вопрос" стал "предметом острых трений" между Киргизией и Узбекистаном[187]. Киргизская сторона настаивала, что селения, где живут тюрки, "родственные киргизам по образу жизни и не имеющие никакой связи с узбеками", должны войти в состав Киргизии"[188]. При этом чиновники ссылались на то, что тюрки, как и киргизы, являются кочевниками и совместно с киргизами пользуются летними пастбищами и зимними стойбищами. Точно так же киргизская сторона настаивала на том, что кипчаки являются "родственниками киргизов"[189]. Киргизская сторона всячески отстаивала "интересы" таджиков и кашгарцев, подчеркивая их отличие от узбеков, что позволяло "изменить" статистику в селениях со смешанным населением в пользу киргизов. Кстати говоря, те таджики и кашгарцы (уйгуры), которые остались на территории Киргизии, избежали участи своих соплеменников в Узбекистане, быстро "превратившихся" в узбеков. Похожие процессы, по-видимому, происходили на узбекско-таджикской границе.

Все сказанное говорит о том, что выделение новых групп и дробление народностей отражало не только и не столько реальное культурное многообразие, сколько путаницу между разными системами номенклатур, классификациями, сохранившимися от прошлого и возникшими вновь, а также столкновение политических интересов и личных амбиций.

Проблема сартов в 1920-е годы

Из сказанного о переписях 1917 и 1926 гг. ясно, что главное изменение этого времени – отказ от термина "сарт" и замена его термином "узбек", а также попытки включить в число узбеков мелкие тюркоговорящие группы Ферганы. Тем не менее вопрос о том, кто и как принимал решения о таких изменениях, пока остается недостаточно изученным.

Можно упомянуть точку зрения В.В. Бартольда на проблему "сартов" в 1920-е гг. В статье "Сарт" для "Энциклопедии ислама" Бартольд повторил тезисы своих предыдущих статей, написанных по ходу и по результатам спора с Лапиным, но уже

не так категорично: "После завоевания Туркестана узбеками противоположность между узбеками и покоренным оседлым населением, по-видимому, иногда должна была ощущаться сильнее, чем противоположность между тюрками и таджиками (или сартами)... Менее отчетливым было это противопоставление в Бухаре и Коканде... Для казака (казаха. – *С.А.*) каждый оседлый житель был сартом, независимо от того, говорил ли он на тюркском или иранском языке; в официальном языке словом "сарт", по-видимому, обозначалось тюркизированное оседлое население в противоположность таджикам, которые сохранили свой иранский язык... То же самое словоупотребление было принято европейскими учеными, несмотря на то, что было трудно определить различие между сартом и узбеком"[190]. Далее Бартольд писал, выступая, видимо, в роли критика политики национального размежевания: «Оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения. Лишь в новейшее время под влиянием европейской культуры (через посредство России) возникло стремление к национальному единству. Слово "сарт"... ныне изгнано из употребления; сейчас признается только узбекская национальность в противоположность казакской, туркменской и таджикской национальностям»[191]. Точная дата написания этой статьи не известна, но, судя по упоминанию "изгнания" слова "сарт", это было в 1920-е гг.

В статье "Таджики" в сборнике "Таджикистан" (1925) Бартольд, который оставался действующим экспертом Академии наук и Комиссии по изучению племенного состава, повторял о сартах, но в несколько иной редакции: «В XIX в. слово "сарт" употреблялось часто кокандскими историками, причем неоднократно упоминаются вместе "узбеки, таджики и сарты"; сарты, следовательно, отличались от таджиков, но понимали ли под словом "сарт" исключительно отюреченную часть местного оседлого населения (такое значение стремились присвоить слову "сарт" представители европейской и русской науки), из слов историков не видно. Часто и в Фергане в смысле "все население" употреблялось выражение "узбеки и сарты", т.е. сарты более определенно отличались от узбеков, чем от таджиков». Далее, сославшись на Наливкина, Бартольд повторил точку зрения последнего о том, что сартами называют оседлых узбеков и таджиков, но поскольку в Фергане сарты-узбеки преобладают над сартами-таджиками, то "сартовским" надо называть преимущественно "тюркский" язык: «Вообще по мере перехода узбеков к оседлости сартам стали противополагать уже не узбеков, как прежде, а казаков. В новейшее время слово "сарт" признано оскорбительным для туземцев и исключено из употребления»[192]. В этих высказываниях заметно завуалированное несогласие с отождествлением сартов с узбеками.

Другой известный туркестанский деятель, Н.Г. Маллицкий, в неоконченной и неопубликованной статье «О взаимоотношении названий "сарт" и "узбек"» (1925) писал, что в науке установилось называть сартами "оседлых тюрков и тюркизированных туземцев, которые совершенно утратили родовой быт", тогда как в быту этим термином называли всех "жителей городов и больших селений вообще, без различия того, на каком языке они говорят"[193]. Маллицкий отмечал, что у населения Ферганы и Ташкентского уезда слово "сарт" "не заключало в себе никакого презрительного оттенка, и тюркизированное население не отвергало этого старинного наименования, хотя само чаще всего называло себя по имени того или другого города", а в Ходженте, Самарканде и Бухаре «слово "сарт", прилагавшееся ко всей массе покоренного узбеками оседлого населения, получило несколько презрительное значение»[194].

Маллицкий в своей статье утверждал, что инициатива распространения термина "узбеки" на все оседлое "сартовское население" принадлежала "известному Самаркандскому деятелю, интеллигентному киргизу" С. Лапину, под влиянием которого еще в 1890-е гг. в русских официальных документах Самаркандской области слово "сарт" стало исчезать. "Особенно широко стало распространяться новое национальное имя с первых дней революции как символ политического освобождения"[195]. По мнению автора, "невыгода нового национального имени" состоит в том, что жители-сарты Кашгара, Яркенда и Хотана (городов Восточного Туркестана, или китайского Синьцзяна), на которых никак нельзя ("ненаучно") распространять термин "узбеки" (так как узбеки в этих землях никогда не правили), в результате переименований окажутся оторванными от жителей Ташкента и Ферганы, с которыми они схожи "с этнологической точки зрения". Правда, Маллицкий тут же изложил более оптимистическую позицию: "Нет сомнений, что единство языка, невзирая на диалектологические различия, в связи с единообразием духовной и материальной культуры, рано или поздно поведет к объединению всего говорящего по-тюркски оседлого населения, как в Западном, так и в Восточном Туркестане, и нет ничего невероятного в том, что общим национальным именем сделается имя узбеков"[196].

И.П. Магидович (кстати, статистик-демограф, т.е. чиновник и ученый одновременно), напротив, однозначно приветствовал политический выбор новых "туземных" лидеров: «Сартами теперь называют издревле оседлый народ тюрко-иранского происхождения, говорящий на узбекском языке. По происхождению они, следовательно, отличаются от узбеков... Оседлые тюрки Самаркандской обл. давно уже начали называть себя узбеками. Такое же явление наблюдается теперь в Фергане и Сыр-Дарьинской обл. Сотни тысяч сартов именуют себя узбеками и свой язык узбекским. Они уже не сознают себя отдельной народностью и вопреки мнению ученых утверждают свое единство с узбеками. Противоположное явление нигде не отмечалось: не было случая, чтобы подлинные самаркандские, бухарские, хивинские или аму-дарьинские узбеки называли себя сартами. Понятно, почему именно название "сарт" исчезает, уступая понятию "узбек". Повсюду, где сарты раньше сталкивались с узбеками, последние занимали господствующее положение и захватывали в свои руки политическую власть... Кочевники-узбеки презирали оседлых земледельцев-сартов... Слово "сарт" в устах узбеков (так же, как и киргиз) было бранным. Естественно, что многие из сартов сами начали считать недостойным для себя носить такое название, тем более что не видели никакого отличия между собой и узбеками. Вот почему в последние годы было отмечено так много узбеков в тех местностях, которые всегда считались населенными одними только сартами. Это явление носит слишком массовый характер, чтобы можно было его объяснять недостатками регистрации переписи 17 года»[197]. Из этого текста не ясно, была ли "массовая" запись сартов "узбеками" инициативой самого ферганского населения, либо это был результат административного решения статистиков, произошла ли эта смена названия уже в 1917 г. или же только в 1920 г. Правда, стоит подчеркнуть, что перепись 1917 г. была сельскохозяйственной и вряд ли ставила своей специальной целью решать "национальный вопрос".

В другой работе, "Материалы по районированию Средней Азии" (1926), посвященной населению Бухары, Магидович вновь обратился к теме сартов и их отношения к узбекам. Он писал, что "наиболее спорный вопрос о взаимоотношениях узбеков с т.н. сартами... уже ликвидирован самой жизнью"[198]. Далее он утверждал, что «нет решительно никаких оснований утверждать, что под термином "сарт" в различное время подразумевалась одна и та же национальность или вообще какая-либо определенная национальность»[199], при этом автор благожелательно ссылался на Лапина и его точку зрения, что сартов

как народа и сартовского языка нет[200]. Магидович почти цитировал Лапина: "Материалы статистических переписей и обследований, начиная с 1897 г., подтверждают это заявление миллионами показаний самого населения. Смысл этих показаний был совершенно ясен: *нет особого народа сарт, отличного от узбеков, и нет особого сартовского языка, отличного от узбекского* (выделение самого Магидовича. – *С.А.*)"[201]. Он писал, что "при каждой новой переписи или административном опросе в городах и селениях Ферганы и Ташкентского уезда, т.е. в "центрах сартовской оседлости", получалась совершенно иная пропорция "сартов" и узбеков, причем количество сартов катастрофически убывало. Несомненно, что во многих случаях применение того или иного термина зависело от предвзятой точки зрения регистраторов, действовавших иногда под влиянием "интересовавшихся этнографией" инструкторов или уездных начальников. Но очевидно также, что подобная неустойчивость в названиях могла существовать лишь потому, что само опрашиваемое оседлое тюркское население не видело никакого различия между словами "узбек" и "сарт", но охотнее называло себя первым именем. Особенно наглядно это проявилось при сопоставлении итогов всероссийских переписей 1897, 1917 и 1920 гг. по юго-восточной части Туркестана (т.е. по Фергане. – *С.А.*). Немедленно после обработки данных переписи 1920 г. о национальном составе населения стало ясно, что "отличить сартов от узбеков и подсчитывать, сколько зарегистрировано тех и других, – значило бы фиксировать такое деление, которого в действительности не существует", что «жизнь стирает ту грань, которая была раньше (если была) между этими двумя "народностями" и полное слияние их окажется вопросом не очень отдаленного будущего и что, наконец, название "сарт" совершенно исчезнет, поглощенное понятием "узбек"»[202]. Далее Магидович писал, что вопрос, "уже взвешенный судьбою", об отказе от слова "сарт" был окончательно разрешен историей через два года, когда была образована Узбекская республика, а само именование "сарт" продолжало встречаться очень редко и только потому, что местные жители прибегали к нему, "применяясь к пониманию русских регистраторов"[203].

Итак, уже в 1922 г. руководство Туркестанской республики склонялось к мысли о смене названия "сарт" на "узбек". А что было в 1917 году? Эту проблему отчасти разъяснил И.И. Зарубин в работе "Список народностей Туркестанского края", написанной, по его словам, еще в 1922 г.: "Это – уже до узбеков турецкое по языку, иранское по происхождению – население, называвшее-

ся и называемое и поныне узбеками и казаками (казахами. – *С.А.*) именем сартов, нигде не создало для себя особого этнического определения"[204]. Зарубин полагал, что "когда с ростом национального самосознания понадобилось особое определение для развивающейся национальности, передовые слои сартского общества предпочли отбросить неприятный для них термин и принять исторически несвойственное им имя узбеков"[205]. После чего добавил потрясающую деталь: «Уже во время работ (по подготовке переписи 1917 г. – *С.А.*) руководителями было разъяснено сотрудникам, что особого народа "сарт" не существует и что этот термин всюду должен быть заменен словом "узбек"»[206]. Завершил Зарубин так: «При существующем ныне стремлении передовых кругов Туркестана к объединению вполне или почти оседлого турецкого населения края под именем узбеков, вполне основательным представляется мнение турколога А.Н. Самойловича о желательности устранения термина "сарт" из статистической терминологии и замены его именем "узбек". В практическом отношении это может лишь ускорить сформирование нарождающейся национальности, которой, несомненно, предстоит большое будущее»[207].

Итак, по словам Зарубина, решение о смене названия "сарты" на "узбеки" было принято "передовыми слоями сартского общества" и "передовыми кругами Туркестана". Напомню, что в результате национального размежевания в состав нового государства – Узбекистана – вошли, кроме Ферганы, Ташкента и Самарканда, большие части бывших Бухарского и Хивинского ханств. Во главе нового государства встали младобухарцы, или джадиды из Бухары. Напомню, что в Бухаре термин "сарт" не был популярен, а местная элита нередко предпочитала называться "узбеками". До образования Узбекистана в Туркестанской автономной советской социалистической республике в руководстве были широко представлены джадиды из Самарканда, где ситуация была такой же, как и в Бухаре. Таким образом, местная элита, особенно самаркандская и бухарская группы, вполне могла принять активное участие в решении о смене названия (кстати, с 1924 по 1930 г. столицей вновь образованного Узбекистана был город Самарканд).

Но, по словам Зарубина, уже в 1917 г. местные статистики приняли решение заменить название "сарт" на "узбек". О том, что это было вовсе не массовое желание самих жителей Ферганы, говорит хотя бы тот факт, что "распоряжение" было выполнено "частично". Кто дал такое распоряжение? На этот вопрос нет ответа. Можно лишь сказать, что вряд ли эти изменения были инициированы учеными. В тех же материалах 1920 г.

говорится недвусмысленно о том, что смена названия произошла вопреки мнению ученых. Значит, это был политический шаг, продиктованный изменившейся после февраля 1917 г. ситуацией и предпринятый в русле отрицания всего того, что могло указать на великодержавный характер управления. К сожалению, вопрос о персоналиях, которые были инициаторами таких решений, пока остается открытым. Следует лишь напомнить тот факт, что в 1917 г. исключительно важную роль в политических дебатах играли два персонажа, о которых говорилось выше. Во-первых, во главе Туркестанского комитета Временного правительства с июля по сентябрь 1917 г. стоял В.П. Наливкин, который как ученый был склонен в своих ранних работах ставить знак равенства между сартами и узбеками, а политически был настроен искать компромисс с местной интеллигенцией. Во-вторых, одним из влиятельных лиц "туземного" движения за автономию был лидер партии "Шурои Уламо" (Совет богословов) С. Лапин, который, как известно, категорически выступал за замену названия "сарт" на "узбек" (к слову, в формировании новой национальной идеологии Туркестана одну из основных ролей играли татары и казахи). Возможно, усилиями, как минимум, этих двух людей появилось на свет распоряжение статистикам переписывать всех сартов "узбеками".

Известный специалист по узбекскому языку Е.Д. Поливанов в работе "Этнографическая характеристика узбеков" (1926) подвел итоги всех смысловых изменений названия "сарт" в начале XX в.: «Термин "сарт" – это единственный более или менее общеизвестный термин этнического значения, распространенный среди оседлых узбеков. И значит, смысловую эволюцию – в виде перехода значения слова "сарт" от социально-экономического... к этническому... надо считать осуществившейся... Тут вполне законен вопрос: почему же революционная интеллигенция Узбекистана не взяла слово "сарт" для обозначения узбекской национальности? Почему, следовательно, мы имеем сейчас не "Сартскую", а "Узбекскую" С.С.Республику? По-моему, тут нужно учитывать два обстоятельства: во-первых, – именно турецкую (тюркскую) окраску узбекского национализма... а термин "узбек" именно и связан с историческими традициями турецкого племени... чего нельзя сказать о термине "сарт"... Во-вторых, – термин "сарт" ассоциируется с недоброй памяти эпохой русской царистской колонизации... и потому есть слово осужденное. К тому же надо прибавить еще презрительную... народную этимологию... производящую "сарт" от "сары ит"... что значит "желтая собака"»[208].

* * *

Подводя итог, можно спросить себя еще раз: знаем ли мы сегодня, что собой представляет этнографический состав населения Ферганской долины? С одной стороны, отрицательный ответ, который, на первый взгляд, соответствует разнообразию мнений, существовавших и продолжающих существовать в науке, тем не менее, противоречил бы сформированным убеждениям миллионов людей. С другой стороны, положительный ответ, более адекватный нынешней ситуации, превращал бы совсем недавно сконструированные категории в некие извечные реальности, продолжая усугублять противоречия между различными группами, населяющими Фергану, и запутывать исследователей. По-видимому, ответ должен быть компромиссным и двойственным. Можно было бы сказать так: современные среднеазиатские нации ("грамматика национализмов", по выражению Б. Андерсона) были исторически сформированы во многом искусственно, усилиями ученых, статистиков, чиновников и политиков, и процесс их формирования сегодня далеко не закончился и вряд ли закончится в обозримом будущем. В споре различных сил – особенно во время национально-государственного размежевания в середине 1920-х гг. – могли быть приняты самые разные решения и "профиль узбекской национальности (как и других среднеазиатских национальностей. – *С.А.*) в рамках иной государственно-политической конфигурации был бы иным"[209]. Но приложенные усилия были не напрасны: научные конструкции превратились в политические инструменты и институты, которые в свою очередь, будучи имплантированы в ткань экономической, социальной, культурной жизни людей, стали осознаваться в качестве древних и врожденных. Из этого следует, что современные жители Ферганы в большинстве своем и чаще всего думают и ведут себя так, словно нации действительно существуют.

Таблица 1

Этнографический состав населения Ферганской области в 1880-е годы

	Костенко, 1880	Кауфман*, 1881	"Обзор"**, 1888	Яворский***, 1889
Сарты	344 023	[470 000]	594 460	475 000
Узбеки	19 852	–	–	5000
Киргизы	126 006	150 000	112 170	110 000
Кипчаки	70 107	70 000	5931	–
Каракалпаки	7060	–	–	–
Дунгане	343	–	11 435	–
Таджики	11 580	30 000	44 788	61 000
Индийцы	370	–	123	–
Монголо-манджуры	182	–	353	–
Юзы	–	–	319	–
Арабы	–	–	1466	–
Афганцы	–	–	19	2000
Цыгане	–	–	1211	–

* Кауфман объединяет киргизов и каракиргизов; число 470 000 сартов – расчетное, так как Кауфман приводит общую численность населения Ферганы и численность отдельных групп.

** "Обзор" объединяет узбеков и сартов; в графе "таджики" указана общая численность таджиков и группы "каратегин" (61 человек); индийцев "Обзор" называет "индусами", монголо-манджуров – "калмыками", арабов – "ходжами (арабского происхождения)".

*** В графе "киргизы" приведено число каракиргизов, о которых писал Яворский; таджиков Яворский объединяет с иранцами, а афганцев – с семитами.

Таблица составлена по: *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. СПб., 1880. Т. 1. С. 326; Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 22, 26; Обзор Ферганской области за 1888 год. Нов. Маргелан (без даты). С. 13; *Яворский И.Л.* Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. СПб., 1889. С. 320. Табл. 2.

Таблица 2

Этнографический состав населения Ферганской области в 1897 году

	Перепись	Пален*	Турчанинов**
Сарты	788 989	828 080	1 072 964
Узбеки	153 780	153 780	20 479
Тюрко-татары	261 234	–	815
Каракиргизы	201 579	423 639	259 721
Кипчаки	7584	–	45 353
Каракалпаки	11 056	25 971	18 584
Кашгарцы	14 915	–	41 312
Таджики	114 081	114 081	96 856
Монголы	–	–	45

* Пален называет также киргизов, объединяя их с каракиргизами.

** Турчанинов пишет о "прочих тюрках", которых я условно включил в графу "тюрко-татары", хотя, конечно же, автор имел в виду совсем другую группу, нежели в переписи 1897 г.; вместо термина "каракиргизы" Турчанинов использует термин "киргизы"; в графу "таджики" Турчанинов объединил таджиков, персов и индусов.

Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Скобелев, 1904. Т. 89. Ферганская область. С. 2–3; Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. СПб., 1911. Ч. 1. Отд. 1. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. С. 64–65; *Турчанинов Н.В.* Население Азиатской России. Статистический очерк // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. С. 82, 83, 84, 85.

Таблица 3

Этнографический состав населения Ферганской области в 1904–1914 годах

	1904	1905	1906	1907
Сарты	1 085 639	1 184 287	1 275 656	1 220 562
Узбеки	158 926	108 942	28 457	27 393
Тюрки	18 644	20 811	14 934	20 671
Киргизы	294 859	250 799	266 549	208 553
Каракиргизы	22 982	75 411	55 374	173 758
Кипчаки	57 140	57 877	63 511	69 252
Каракалпаки	19 323	25 558	26 215	31200*
Кашгарцы	47 388	48 651	50 238	56 857
Дунгане	605	569	688	690
Таджики	107 050	102 191	105 742	108 065
Персы	246	394	906	885
Цыгане	1814	1639	1436	1000
Юзы	3969	478	499	308
Арабы	387	260	291	–
Индусы	212	222	–	–
Иранцы	–	–	–	–
Авганцы	–	–	–	–
Калмыки	–	–	–	–

	1908	1909	1910	1911
Сарты	1 295 348	1 278 946	1 293 356	1 310 267
Узбеки	25 745	24 949	28 125	51 395
Тюрки	22 607	21 670	22 749	22 890
Киргизы	264 054	316 360	295 506	322 783
Каракиргизы	121 233	77 042	117 418	81 669
Кипчаки	59 853	60 123	64 856	64 333
Каракалпаки	21 789	22 638	18 234	19 571
Кашгарцы	49 517	53 981	55 008	55 761
Дунгане	585	117	227	234
Таджики	94 912	111 245	114 481	126 466
Персы	898	1137	1792	2178
Цыгане	1849	1496	1695	1841
Юзы	414	3800	4010	4014
Арабы	–	1669	1888	1981
Индусы	–	–	–	193
Иранцы	1217	–	1	–
Авганцы	177	49	169	164
Калмыки	–	330	350	–

Таблица 3 (окончание)

	1911**	1912	1913	1914
Сарты	1 392 167	?	1 348 134	1 371 139
Узбеки	25 223	?	–	–
Тюрки	860	?	23 938	24 117
Киргизы	319 881	?	261 556	345 581
Каракиргизы		?	143 896	66 157
Кипчаки	60 785	?	71 931	68 193
Каракалпаки	22 888	?	18 250	22 531
Кашгарцы	54 576	?	52 094	57 106
Дунгане	–	?	353	198
Таджики	117 778	?	131 006	155 473
Персы	–	?	3337	3370
Цыгане	–	?	1761	2109
Юзы	–	?	4178	4554
Арабы	–	?	799	1218
Индусы	–	?	–	200
Иранцы	–	?	360*	–
Авганцы	–	?	189	296
Калмыки	347	?	–	549

* К сожалению, сохранность текста не позволила точно расшифровать последнее число этой цифры.

** По данным Н.В. Турчанинова (*Турчанинов Н.В.* Население Азиатской России. С. 82, 83, 84); в графе "таджики" Турчанинов привел сводные цифры по таджикам, персам и индусам, а "калмыков" он назвал монголами.

Таблица составлена по: Статистический обзор Ферганской области за 1904 г. Нов. Маргелан, 1905. Прил. 2. Народонаселение в 1904 г.; Статистический обзор Ферганской области за 1905 г.. Скобелев, 1908. Прил. 5. Сведения об естественном приросте населения Ферганской области за 1905 г. и о делении его в этнографическом отношении; Статистический обзор Ферганской области за 1906 г. Скобелев, 1908. Прил. 4. Этнографическое деление населения Ферганской области в 1906 г.; Статистический обзор Ферганской области за 1907 г. Скобелев, 1909. Прил. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям в 1907 г.; Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. Скобелев, 1909. Прил. 5. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям за 1908 г.; Статистический обзор Ферганской области за 1909 г. Скобелев, 1911. Прил. 3. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям за 1909 г.; Статистический обзор Ферганской области за 1910 г. Скобелев, 1912. Прил. 3. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям за 1910 г.; Статистический обзор Ферганской области за 1911 г. Скобелев, 1914. Прил. 3. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям за 1911 г.; Статистический обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1915. Прил. 3. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям за 1913 г.; Статистический обзор Ферганской области за 1914 г. Скобелев, 1917. Прил. 3. Ведомость о населении Ферганской области по национальностям за 1914 г.

Таблица 4

Этнографический состав сельского населения Ферганской области в 1917 году *

	Магидович-1**	Магидович-2***	Зарубин-1****	Зарубин-2*****
Узбеки-сарты	1 104 350	1 104 350	1 104 350	1 002 407
Сарты	–	188 397	–	–
Узбеки	–	861 316	–	–
Тюрки	–	7163	–	21 188
Каракиргизы	358 470	358 470	359 470	324 827
Кипчаки	42 449	42 449	40 882	42 114
Каракалпаки	10 735	10 735	–	10 298
Кашгарцы	–	35 992	–	37 690
Таджики	148 011	148 011	147 249	143 867
Цыгане	–	429	–	1000
Юзы	–	86	–	–
Ходжа	–	1101	–	–
Арабы	–	969	–	–
Калмыки	–	253	–	–
Курама	–	1324	–	–

* Мною везде были исключены данные по Памиру, которые указаны в "Материалах Всероссийской переписи".

** По данным "Статистического ежегодника". Отдельно Магидович дает общие цифры, включая городское население: узбеки вместе с сартами – 1 440 168, каракиргизы – 362 851, кипчаки и каракалпаки – то же, таджики – 187 244, персы – 2363; в тексте Магидович приводит еще и округленные цифры по каждой народности, причем в случае с таджиками они оказались существенно отличными – 167 800 человек (*Магидович И.П.* Население ТАССР в 1920 г. С. 45–46); в графу "узбеки+сарты" Магидович включил другие группы – кашгарцев, тюрков, кураму, арабов, ходжей, юзов.

*** По данным "Материалов Всероссийских переписей". В графу "узбеки+сарты" Магидович включил другие группы – кашгарцев, тюрков, кураму, арабов, ходжей, юзов; здесь же Магидович отдельно приводит цифры по сартам, узбекам и другим мелким группам, причем в тексте, говоря о сартах, упоминает цифру 116 932, не включив сюда "сартов" Ошского уезда; число тюрков на самом деле должно быть, судя по "Материалам", не менее 13 тыс. человек, поскольку Магидович не внес в список тюрков Ошского уезда, которые тем не менее присутствуют в его таблицах, хотя и без указания их точного количества; Магидович в тексте приводит ошибочно цифру кипчаков в Наманганском уезде – не 11 415 (как в таблице), а 11 475 (Материалы Всероссийских переписей. С. 42); число кашгарцев на самом деле должно быть, судя по "Материалам", не менее 37,5 тыс. человек, поскольку Магидович не внес в список кашгарцев Ошского уезда, которые тем не менее присутствуют в его таблицах, хотя и без указания их точного количества.

**** По данным "Списка народностей Туркестанского края" (взятым из "Материалов Всероссийских переписей"). Хотя в графу "узбеки+сарты" Магидович включил другие группы – кашгарцев, тюрков, кураму, арабов,

ходжей и юзов, – Зарубин пишет только о тюрках и кашгарцах; каракиргизов Зарубин называет "кыргызами".

***** По данным "Списка народностей Туркестанского края" (по собственным расчетам Зарубина). Зарубин называет тюрков "турками", каракиргизов – "кыргызами"; в цифры, характеризующие численность кипчаков и каракалпаков, включены, согласно Зарубину, также данные по "Ташкентскому уезду"; о цыганах Зарубин пишет "свыше 1000".

Таблица составлена по: Статистический ежегодник 1917–1923 гг. Ташкент, 1924. Т. 1. С. 44; Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской Республике. Ташкент, 1924. Вып. 4. С. 42, 43, 44, 57, 114–115; *Зарубин И.И.* Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С. 8, 9, 11, 16, 17, 18.

Таблица 5

Этнографический состав населения Ферганской области в 1926 году

Узбеки	1 265 395	таранчи	1
Тюрки	23 808	уйгуры	31 198
Киргизы	396 459	сарт-калмыки	233
Кипчаки	32 974	персы	652
Каракалпаки	18 520	ирани	43
Кашгарцы	7919	туркмены	199
Дунгане	166	турки османские	128
Таджики	161 267	казахи	639
Арабы	2130	афганцы	10
Калмыки	3	индусы	2
Курама	2640		
Тюрки ферганские и Самаркандские	533		

Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. XV. Узбекская ССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Табл. 6. С. 13–14, 38–40; Табл. 10. С. 152–153; Т. VIII. Казахская АССР. Киргизская АССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Табл. 10. С. 216–219.

[1] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 181.

[2] Там же. С. 183.

[3] Там же. С. 186–187.

[4] Отчасти этот вопрос затронут в моей статье "Археология среднеазиатских национализмов: Les Mots et les Choses" (Ab Imperio. Казань, 2003. № 1).

[5] См.: *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.

[6] *Южаков Ю.Д.* Сарты, или таджики, главное оседлое население Туркестанской области // Отечественные записки. 1867. Кн. 2. № 13. С. 398.

[7] Там же. С. 399.

[8] *Хорошхин А.* Народы Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края (далее – МСТК). СПб., 1874. Вып. 3.

[9] *Гребенкин А.Д.* Узбеки. Таджики // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. М., 1872. Вып. 2.

[10] Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки П.И. Пашино. СПб., 1868. С. 167.

[11] Там же. С. 168–169.

[12] Там же. С. 169.

[13] *Соболев Л.Н.* Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе // Зап. Императорского русского географического общества (далее – ИРГО) по отделению статистики. СПб., 1874. Т. 4. С. 299, примеч. 1.

[14] *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. С. 78.

[15] Там же. С. 79.

[16] Там же. С. 79.

[17] Там же. С. 79–80.

[18] Там же. С. 80.

[19] *Он же.* Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. СПб., 1880. Т. 1. С. 352.

[20] *Буняковский А.В.* О пространстве и населении Туркестанского края // МСТК. СПб., 1872. Вып. 1. С. 128.

[21] Там же. С. 129.

[22] *Терентьев М.А.* Статистические очерки Среднеазиатской России // Зап. ИРГО по отделению статистики. СПб., 1874. Т. 4. С. 72.

[23] Там же. С. 73.

[24] Там же. С. 76.

[25] Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса Переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821.

[26] Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Зап. ИРГО. СПб., 1849. Т. 3. С. 206.

[27] Там же. С. 202.

[28] *Вельяминов-Зернов В.В.* Исторические сведения о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана // Тр. Вост. отд. Рус. археол. об-ва. СПб., 1856. Ч. 2. С. 2, примеч. 3.

[29] Коканское ханство по новейшим известиям // Воен. сб. Год 12-й. 1869. № 5. С. 70 (см. также: История Средней Азии. М., 2003. С. 423).

[30] История Средней Азии. С. 423–424.

[31] Сборник статей, касающихся до Туркестанского края А.П. Хорошхина. СПб., 1876. С. 42.

[32] Там же. С. 97.

[33] *Кун А.* Очерки Коканского ханства // Изв. ИРГО. СПб., 1876. Т. 12, вып. 1. С. 62–63.

[34] Там же. С. 63.

[35] *Федченко А.П.* Первый отчет туркестанской ученой экспедиции // Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 65–66.

[36] *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 395.

[37] Там же. С. 395.

[38] Там же. С. 409.

[39] *Наливкин В.* По поводу книги А.Ф. Миддендорфа "Очерки Ферганской долины" // Туркестанские ведомости (далее – ТВ). 1883. № 37.

[40] Там же. № 38.

[41] Там же.

[42] *Наливкин В., Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 15.

[43] Там же. С. 16.

[44] Там же. С. 15.

[45] *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 1–39 (см. также: История Средней Азии. С. 250–281).

[46] *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. С. 3.

[47] Там же. С. 6–7, 10.

[48] Там же. С. 22.

[49] Там же. С. 19.

[50] Там же. С. 39.

[51] Там же. С. 32–33.

[52] Там же. С. 12.

[53] *Иванов Д.* Библиографические заметки Expidition scientifique français en Russie, en Siberie et dans le Turkestan. I v. le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja; II v. Le Syr-Darya, le Zerafchane, le pays des Sept-rivieres et la Siberie-occidentale; par Ch.E. de Ujfalvy de Mezo-Kovesd. 1878–1879 // ТВ. 1881. № 11.

[54] *Иванов Д.* Библиографические заметки // ТВ. 1881. № 14.

[55] *Костенко Л.Ф.* Туркестанский край. С. 326.

[56] Проект всеподданнешего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 22, 26.

[57] Там же. С. 46.

[58] *Яворский И.Л.* Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. СПб., 1889. Ч. 1. С. 320. Табл. 2.

[59] Обзор Ферганской области за 1888 год. Нов. Маргелан (без даты). С. 13.

[60] *Яворский И.Л.* Указ. соч. С. 332.

[61] Там же. С. 333.

[62] Там же. С. 333.

[63] Обзор Ферганской области за 1890 год. Нов. Маргелан, 1893. С. 44.

[64] Там же. С. 44.

[65] Обзор Ферганской области за 1894 год. Нов. Маргелан, 1896. С. 6–7.

[66] *Остроумов Н.* Значение названия "сарт" // ТВ. 1884. № 28–31.

[67] *Остроумов Н.П.* Сарты: Этнографические материалы. Ташкент, 1890. Вып. 1. С. 1.

[68] Там же. С. 9.

[69] Там же. С. 32.

[70] Там же. С. 33.

[71] Там же. С. 35–59.

[72] *Бартольд В.В.* О преподавании туземных наречий в Самарканде // Бартольд В.В. Соч. М., 1964. Т. 2, ч. 2. С. 304.

[73] Там же. С. 305.

[74] *Лапин С.* О значении и происхождении слова "сарт" (По поводу заметки г. В. Бартольда) // ТВ. 1894. № 36, 38, 39.

[75] *Бартольд В.В.* Вместо ответа г-ну Лапину // Бартольд В.В. Соч. Т. 2, ч. 2. С. 308.

[76] *Он же.* Еще о слове "сарт" // Бартольд В.В. Соч. Т. 2, ч. 2. С. 313.

[77] Там же. С. 313, примеч. 19.

[78] Там же. С. 314.

[79] *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Издание Отделения этнографии ИРГО. Год 6-й. Вып. 3–4. СПб., 1896. С. 277–456.

[80] Там же. С. 426.

[81] Там же. С. 427.

[82] Там же. С. 429.

[83] Там же. С. 429.

[84] Там же. С. 429–430.

[85] Там же. С. 431.

[86] Там же. С. 431.

[87] Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 2. С. I.

[88] Там же. С. XIV.

[89] Там же. С. XXVI.

[90] Первая всеобщая перепись населения 1897 г. СПб., 1904. Т. 89. Ферганская область. С. 2–3.

[91] Общий свод по империи... С. I–II.

[92] Там же. С. II.

[93] *Турчанинов Н.В.* Население Азиатской России. Статистический очерк // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. С. 82, 83, 84, 85.

[94] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. СПб., 1911. Ч. 1. Отд. 1. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. С. 62.

[95] К сожалению, сборник за 1912 г. оказался мне недоступен.

[96] Список населенных мест Ферганской области. Скобелев, 1909. С. I.

[97] Обзор Ферганской области за 1899 год. Нов. Маргелан, 1901. С. 73.

[98] Там же. С. 74.

[99] Ежегодник Ферганской области. Т. 1. Нов. Маргелан, 1902. С. 5.

[100] *Турчанинов Н.В.* Указ. соч. С. 82, 83, 84.

[101] См.: Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ферганский район. Составил Ген. штаба полковник князь Стокасимов. Ташкент, 1912; Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. С. 46, 48.

[102] *Кузнецов П.Е.* О таджиках Ташкентского уезда (краткий отчет) // Изв. Туркестанского отдела ИРГО. Ташкент, 1900. Т. 2, вып. 2. С. 31.

[103] Там же. С. 41.

[104] Там же. С. 45.

[105] Там же. С. 46.

[106] Там же. С. 46–47.

[107] Там же. С. 47.

[108] Там же. С. 48.

[109] *Остроумов Н.П.* Сарты: Этнографические материалы (общий очерк.). Ташкент, 1908. С. 53–91.

[110] Там же. С. 38–44.

[111] Там же. С. 56.

[112] Там же. С. 51.

[113] *Самойлович А.* К вопросу о сартах // Живая старина. СПб., 1910. Вып. 3 (Отд. отт).

[114] Там же. С. 1.

[115] Там же. С. 3.

[116] Там же. С. 3.

[117] Там же. С. 4.

[118] Там же. С. 5.

[119] Там же. С. 5.

[120] Там же. С. 5.

Bibliothek/Library
Halle (Saale)
Germany

[121] *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 9 (см.: Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. М., 2004. С. 23–29).
[122] Там же. С. 7.
[123] Там же. С. 5–6.
[124] Там же. С. 9.
[125] *Гаврилов М.* Происхождение слова "сарт" // ТВ. 1912. № 236.
[126] *Остроумов Н.* Русские не выдумывали слова "сарт" // ТВ. 1912. № 241.
[127] *Махмуд-ходжа Бехбуди.* Избр. соч. Ташкент, 1999. С. 193–199 (на узб. языке).
[128] Там же. С. 195. Подробнее см.: *Baldauf J.* Some thoughts on the making of the Uzbek Nation // Cahiers du monde Russe et Sovetique. Vol. XXXII (1). P., janvier-mars 1991; *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkley, Los Angeles. Z.: University of California Press, 1988.
[129] *Магидович И.П.* Население ТАССР в 1920 г. // Статист. ежегодник 1917–1923 гг. Ташкент, 1924. Т. 1. С. 43–45.
[130] Там же. С. 83.
[131] Там же. С. 45.
[132] Там же. С. 46.
[133] Там же. С. 84.
[134] Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской Республике. Ташкент, 1924. Вып. 4. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года. С. 22.
[135] Там же. С. 42.
[136] Там же. С. 22.
[137] Там же. С. 23.
[138] Там же. С. 43.
[139] Там же. С. 42.
[140] Там же. С. 43.
[141] Там же. С. 43.
[142] Там же. С. 46.
[143] Там же. С. 51.
[144] Там же. С. 53–54.
[145] Там же. С. 54–55.
[146] Там же. С. 55–56.
[147] Там же. С. 54.
[148] Там же. С. 54–55.
[149] Там же. С. 55.
[150] Там же. С. 55.
[151] Там же. С. 55.
[152] Там же. С. 57.
[153] *Зарубин И.И.* Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С. 5.
[154] Там же. С. 6–7.
[155] Там же. С. 7.
[156] Там же. С. 5–6.
[157] Там же. С. 6.
[158] Там же. С. 6–7.
[159] Там же. С. 8.
[160] Там же. С. 9.
[161] Там же. С. 6.
[162] Там же. С. 7.
[163] Там же. С. 14.
[164] Там же. С. 10.
[165] Там же. С. 10.

[166] Там же. С. 12.
[167] Там же. С. 17.
[168] Там же. С. 17.
[169] Там же. С. 17.
[170] Там же. С. 24, примеч. 23.
[171] Там же. С. 17.
[172] Там же. С. 17.
[173] Там же. С. 14.
[174] Там же. С. 18.
[175] Там же. С. 18.
[176] Там же. С. 18.
[177] Там же. С. 19–20.
[178] Там же. С. 20.
[179] Там же. С. 11.
[180] Там же. С. 17.
[181] Там же. С. 3, 8, 9, 10, 16, 17, 18; см. также: С. 22–24, примеч. 8, 16, 21, 24.
[182] См.: Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. Самарканд, 1927. Вып. 1. Поселенные итоги.
[183] *Морозов Б.Ф.* Население Узбекистана (без Таджикистана) по материалам Всесоюзной переписи 1926 года // Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. С. XX.
[184] Там же. С. XXI.
[185] Там же. С. XXIII.
[186] Там же. С. XXIV.
[187] *Койчиев А.* Национально-территориальное размежевание в Ферганской долине (1924–1927 гг.). Бишкек, 2001. С. 49.
[188] Там же. С. 50.
[189] Там же. С. 56.
[190] *Бартольд В.В.* Сарт // Бартольд В.В. Соч. Т. 2, ч. 2. С. 528.
[191] Там же. С. 528–529.
[192] *Он же.* Таджики. Исторический очерк // Там же. Т. 2, ч. 1. С. 462.
[193] *Маллицкий Н.Г.* О взаимоотношении названий "сарт" и "узбек" // Центр. гос. архив Республики Узбекистан. Ф. 2231. Оп. 1. Д. 46. Л. 29–30.
[194] Там же. Л. 32.
[195] Там же. Л. 33.
[196] Там же. Л. 34.
[197] Материалы Всероссийских переписей. С. 43.
[198] *Магидович И.П.* Население // Материалы по районированию Средней Азии. Ташкент, 1926. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. С. 169.
[199] Там же. С. 173.
[200] Там же. С. 173–174.
[201] Там же. С. 174.
[202] Там же. С. 174.
[203] Там же. С. 174.
[204] *Зарубин И.И.* Указ. соч. С. 14–15.
[205] Там же. С. 15.
[206] Там же. С. 15–16.
[207] Там же. С. 21.
[208] *Поливанов Е.Д.* Этнографическая характеристика узбеков. Ташкент, 1926. Вып. 1. Происхождение и наименование узбеков. С. 17–18.
[209] *Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. С. 289.

В.И. Бушков

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

(на примере Исфаринского района Согдийской области Республики Таджикистан)*

Важной составляющей общей характеристики поселений в историко-хронологическом аспекте могут стать сведения о динамике численности его населения, особенно если есть возможность отделения естественного движения населения от механического. Однако такие данные, как правило, отсутствуют для периода ранее второй половины XIX столетия. Следовательно, возникает необходимость в использовании как альтернативных источников, позволяющих в принципе реконструировать отдельные характеристики населения, так и, естественно, определенные методические приемы, позволяющие выполнить эту задачу.

Говоря об особенностях состава населения определенных историко-этнографических, или, скорее, историко-культурных областей (к которым, несомненно, относится и Ферганская долина), приходим к убеждению, что существенную помощь в их понимании могут оказать и достаточно конкретные сведения, связанные с образованием и развитием отдельных населенных пунктов и формированием их населения. В связи с этим рассмотрим проблему на примере крупного таджикского селения Ворух, история которого позволяет видеть в нем некую модель более широких процессов формирования местного населения.

Селение расположено вдоль правого берега одного из истоков реки Исфары – Кшемыша (в местном произношении Кшембыш – от названия горы Кшембыш-баши) – на территории Исфаринского района Согдийской области Таджикистана, протянувшись вдоль него более чем на пять километров. Название селения восходит к восточноиранскому понятию "вара", что означает

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты № 00-01-00217а и № 01-01-00290а) и программы "Евразия" (проект "Этнокультурные процессы и межкультурное взаимодействие в Средней Азии").

"крепость", "огороженное место" и определяется, возможно, спецификой самого расположения кишлака на ограниченном равнинном пространстве, со всех сторон окруженном горами.

Основными группами источников, позволяющими провести такое исследование, являются результаты археологических работ на Ворухском и ряде других могильников, случайные археологические находки жителей селения, статистические данные о населении более чем за 100 лет, антропологические и этнографические обследования местного населения, а также некоторые исторические сведения, позволяющие трактовать их в конкретном или широком историческом контексте.

Представляется, что в ранний период обживания этой местности население группировалось в нижней части современного кишлака, в наше время лишь с 1970-х гг. интенсивно осваиваемой жителями под жилую и хозяйственную застройку, поскольку именно здесь располагался первоначальный могильник и отсюда же происходят случайные находки предметов материальной культуры, синхронных могильнику. Кроме того, здесь же в Кшемыш впадает практически пересыхающее летом русло сая Булак-баши, в прошлом многоводного, воду которого можно было использовать в питьевых и хозяйственных целях. Основным занятием местного населения было отгонное скотоводство, возможно, дополнявшееся какими-то формами земледелия. Однако последнее по гидрологическим условиям не могло в тот период получить широкого развития из-за необходимости большого объема ирригационных работ.

Вся история кишлака делится нами на несколько относительно самостоятельных этапов, каждый из которых обосновывается и восстанавливается собственным кругом источников и особыми методическими приемами.

Для раннего этапа жизни селения важнейшие сведения дают раскопки знаменитого Ворухского могильника, осуществленные в 1950-х гг. археологом Б.А. Литвинским. В результате анализа результатов этих раскопок Б.А. Литвинский пришел к выводу, что здесь со II по VII в. н.э.[1] проживали скотоводческие группы.

Наиболее важным для нашего анализа представляется определение численности первоначального населения, или группировки жителей, оставивших могильник, а также обстоятельств, связанных с временным прекращением здесь жизни. Для определения первоначальной группировки пользуемся уже предлагавшейся нами формулой[2]. Эта формула учитывает оба основных цикла человека – цикл общей продолжительности жизни и цикл смены поколений – и позволяет, на наш взгляд, до допустимых пределов снизить значение неизбежных для таких расчетов оши-

бок. Учитывая продолжительность существования могильника (500 лет) и число погребенных в нем (1000 человек), подсчитываем, что группа, пришедшая на место будущего кишлака, во II в. н.э. насчитывала примерно 100–120 человек. Таким образом, ее можно охарактеризовать как родо-племенную, где все члены группы связаны между собой кровнородственными связями. И в XIX столетии, и сейчас, как показывают исследования, подобные кровнородственные образования у таджиков (авлод, хейш и др.) насчитывают по 100–200 человек[3].

Обратимся к историческим сведениям, в которых содержатся данные об арабских походах на Мавераннахр. Здесь мы находим упоминание о долине (или перевале) Исама бен Абдаллаха ал-Бахили. По ряду признаков указанную долину мы локализуем в районе Воруха или к востоку от него[4]. С этой долиной связаны события первой четверти VIII в., когда ферганским царем Алутаром было выселено местное население с тем, чтобы поселить несколько тысяч согдийцев, уходивших от арабов. Именно с этим событием мы связываем завершение первого этапа заселения местности непосредственно на территории современного Воруха. Считая, что естественный прирост населения в течение всего средневековья достигал 0,2–0,3% в год, подсчитываем, что к концу первого этапа в селении жило 500–700 человек.

Продолжая построение модели, обратимся сразу к третьему этапу, для конца которого мы имеем первые достоверные статистические данные. В 1870 г. в селении было 1000 жителей, что для того времени было довольно много. Отталкиваясь от этой цифры, подсчитываем численность населения на предыдущие столетия. При темпах ежегодного прироста населения 0,2–0,3% его численность плавно сходит на нет примерно к X–XII вв., а при очень высоких для средневековья темпах в 0,5% эта дата практически совпадает с концом первой четверти XIII в., когда, как мы знаем, местное население, как скотоводческое, так и земледельческое, сильно пострадало от монгольского нашествия. При значении темпов естественного прироста в 0,1% кривая практически явится продолжением кривой первого этапа.

Эти расчеты позволяют предположить, что, во-первых, наиболее вероятными значениями темпов прироста населения будут 0,2–0,3% ежегодно и, во-вторых, подтверждаются периоды замирания жизни в селении, приходящиеся на арабское завоевание и монгольское нашествие.

У нас остается период VIII – XII вв., для которого нет никаких статистических расчетов, касающихся местного населения, так как все средневековые кладбища оказались застроенными в результате расширения кишлака. Тем не менее мы можем утверждать, что селение в этот период существовало, так как сохранился довольно значительный комплекс случайных находок керамики, происходящий преимущественно с территории исторического центра селения, предварительно датируемый специалистами X–XI вв. Кроме того, в 1985 г. одним из жителей селения был обнаружен клад из более чем 200 караханидских монет X–XI вв., который почти полностью удалось собрать экспедиции С.П. Полякова и таким образом сохранить для науки. Этот факт свидетельствует о заселенности селения перед монгольским нашествием и достаточно благоприятной экономической ситуации в тот период.

Предполагаем также, что в начале второго периода, во второй половине VIII в., жителей в селении было существенно меньше, чем в конце первого периода, а в конце второго периода – меньше, чем в конце третьего. Таким образом, складывается достаточно цельная и непротиворечивая картина развития селения с момента его возникновения и вплоть до последней трети XX столетия. Эта картина хорошо согласуется с известными историческими событиями и принятыми в целом демографическими показателями развития средневекового среднеазиатского общества. Археологами также доказано, что заселение этих территорий происходило с северо-востока на юго-запад родственными по культуре группами скотоводов в процессе освоения ими высокогорных территорий и пастбищ. Предполагаем также, что уже в развитом средневековье вектор основных миграционных потоков населения сменился на противоположный, каким он и оставался вплоть до новейшего времени. Иными словами, часть населения Воруха могла переместиться южнее, в бассейн верхнего Зеравшана или даже Каратегин, откуда в дальнейшем могла возвращаться в свое селение. Во всяком случае, начиная со второй половины XVIII в., документированно устанавливаются несколько разновременных потоков переселенцев в долину реки Исфары именно из этих южных районов, часть которых оседала в Ворухе, и под давлением которых часть ворухцев переместилась на север.

С 1870-х гг. начинается качественно новый этап в развитии местного населения. Основным его отличием стали невиданные ранее темпы естественного прироста, в результате чего за 120 лет население возросло в 19 раз. Напомним, что за предыдущие 17–18 столетий численность населения возросла "всего лишь" в восемь–девять раз.

Такой прирост привел к тому, что за последнее столетие коренным образом изменилась и усложнилась внутренняя структура селения. Именно в этот период возникли новые кварталы вне

территории исторического центра, началось их дальнейшее дробление. К северу от исторических кварталов Гузар и Сари-курум в конце XIX в. образовался квартал Тиидон, а с рубежа XIX–XX вв. в нем началось строительство мечетей, завершивших процесс разделения этой части кишлака на маленькие кварталы (см. табл.).

С 1900-х гг. начинают заселяться территории к югу от Гузара и Сари-курума, где возникает квартал Майдон, в свою очередь разделившийся на несколько маленьких кварталов. В этих кварталах строительство мечетей началось в 1920-х гг. В настоящее время продолжается расселение ворухцев вниз по реке, где их земли фактически сомкнулись с землями киргизского селения Капчагай (или Танги-Ворух).

Численность населения кишлака к 1990 г. достигала почти 20 тыс., а территория кишлака заняла всю пригодную для заселения предгорную котловину. Однако и эти цифры не дают полного представления о реальных темпах прироста населения, так как из-за относительной перенаселенности и под давлением пришельцев с юга часть жителей кишлака переселилась в более северные районы. Так, ворухцами было основано одноименное селение в округе г. Коканда, они поселились в ряде селений Исфаринского района (Ляккане, Пирдеваке, Зардхоке и др.), Кураминского хребта, в Ходженте. Значительная часть ворухцев переселилась в г. Исфару и ее окрестности в 1980–1990-х гг.

Что же касается этнической принадлежности ворухцев, то мы относим их к так называемым "горным таджикам". В их образовании участвовало восточноиранское по языку население, на рубеже нашей эры называемое "ферганцами". Известно, что "ферганцы" имели свой язык, близкий к согдийскому. По сообщению З. Бабура (начало XVI в.), местное население называлось "гальча" ("горцы"), как, впрочем, и население других горных селений Западной Ферганы и всего горного Таджикистана.

Антропологически население Воруха сближается с населением лежащих ниже по течению реки селений Чорку и Сурх, а также с населением правобережного присырдарьинского селения Ашт, для жителей которых характерны "большие диаметры головы и лица, среднее с тенденцией к сильному развитие надбровья, более, чем в других группах, наклонный лоб, более сильная пигментация"[5]. К этой группе близки таджики – жители селений Метк и Росровут, вместе с которыми их можно объединить в одну высокогорную группу[6]. Автор этих антропологических исследований Н. Дубова считает, что эта группа таджиков по антропологическим показателям близка к древнему населению Средней Азии (восточно-средиземноморский тип)[7].

Что же касается материальной культуры ворухцев, то в ней ясно прослеживается южнотаджикский пласт, на который наслоились некоторые особенности культуры населения равнинной Ферганы.

Таким образом, специфика формирования населения кишлака и его структуры определялась рядом достаточно противоречивых факторов. Здесь можно выделить относительную изолированность селения, что благоприятствовало сохранению древнего антропологического облика и особенностей культуры, и в то же время его расположение на сравнительно удобном пути, связывавшем в прошлом южные горные районы с Ферганской долиной, ставило его на пути миграционных потоков с юга. Сюда же можно отнести и заметный недостаток поливных земель, что приводило к периодическим миграциям жителей.

Попытаемся проверить, насколько надежно можно пользоваться предложенной методикой применительно к восстановлению группировки населения территорий, а не локальных населенных пунктов.

На территории современного Исфаринского района зафиксировано 16 синхронных Ворухскому могильников. Они хорошо исследованы Б.А. Литвинским, раскопавшим 11 могильников (259 курганов). Им также была проведена глазомерная и инструментальная фиксация памятников и учтено около 2000 сохранившихся к началу раскопок курганов, причем в ряде случаев установлено уничтожение в процессе хозяйственной деятельности населения части памятников. Учитывая этот факт, а также то, что ряд курганов содержал множественные захоронения (преимущественно в Ворухском и Ворухского ущелья могильниках), можно с достаточной степенью уверенности считать, что в курганах Исфаринского района захоронено 2500–3000 человек.

В таком случае, рассчитывая численность первоначальной группировки населения по предложенной формуле, находим, что в I(II) в. н.э. на территории современного Исфаринского района* поселились группы скотоводов численностью 520–620 человек. Однако здесь есть дополнительные теоретические и методические трудности. Первая связана с тем, что ряду курганных могильников (Чильгазы, Кулькент, Исфара, Сурх, Чорку, Кех) соответствуют синхронные с ними поселения, между тем при других могильниках они отсутствуют. При

* На самом деле могильники карабулакско-ворухской археологической культуры занимают территорию, несколько превышающую границы современных Исфаринского района Таджикистана и Баткенского района Киргизии, и выделяются в иных границах условно, в целях корректности сопоставления.

этом как будто бы ясно, что общая культурная оценка могильников предполагает и одинаковый тип хозяйственной деятельности оставившего эти памятники населения. Кроме того, известно, что эти территории были заселены задолго до описываемого периода (за исключением горных районов). Поэтому, даже учитывая недостаточную археологическую разработку Исфаринского района, мы можем поставить вопрос: одними ли группами населения оставлены здесь поселения и курганные могильники первых веков н.э.? Тем более, что при поселениях не обнаружены пока могильники с погребальным обрядом, позволяющим однозначно интерпретировать их как относящиеся к местному более раннему земледельческому населению (за исключением единичных захоронений в хумах, по крайней мере одно из которых было вскрыто в кургане).

Можно подойти к этой проблеме и с другой стороны. Зная темпы прироста населения в течение всего средневековья и численность населения Исфары и Воруха в 1870 г., непосредственно к началу демографического взрыва, мы можем рассчитать теоретическую численность населения района в этот период. При темпах естественного прироста населения 0,1% ежегодно его численность должна была составить в 1870 г. 4800–5000 человек. В реальности, естественно, численность была больше – 13,5 тысяч[8]. Поэтому следует путем экспертной оценки скорректировать эти цифры с учетом того, что около 20% населения района в последней трети XIX в. составили узбеки без племенного деления – мигранты из Ферганы; около 10% жителей района – переселенцы с юга Таджикистана, основавшие здесь несколько селений; реальное население Исфары начала I тыс. н.э. было несколько бóльшим, чем восстанавливается по курганным могильникам. Если мы учтем все эти факты, то окажется, что разница между пятью и тринадцатью тысячами будет существенно снижена (с 6000–7000 чел. в начале I тыс. н.э. до 9000–9500 чел. к 1870 г.). Это будет означать *практически полное совпадение естественного движения населения* за последние два тысячелетия на территории конкретного региона, особенно учитывая факт уничтожения или неполной сохранности некоторых могильников.

Таким образом, разработка детальных методик развития населения локальных поселений при наличии опорных исторических данных, подкрепленных данными археологии, и возможном задействовании иных источников может существенно помочь при изучении сложения населения в тех или иных регионах. Рассмотрение изложенной модели сложения населения Воруха в общем контексте этнической истории населения

Юго-Западной (да и всей Западной) Ферганы может оказать определенную помощь в познании этих еще далеко не изученных процессов.

Современная структура селения Ворух

"Большие" кварталы	"Малые" кварталы	Приходы
Майдон	Калача	
	Таги-махалля	Таги-махалля
	Сари-канда	Дахма
		Кучи-так
		Сари-канда
	Майдон	Суфи-дехкон
Гузар	Кучи кози	Панчвахта Хасти мавлоно
	Гузар	
	Кучи боло	
Сари-курум	Кишлак	Сари-курум
	Сари-курум	
	Мачити-боло	
Тиидон	Кучи-шикори	
	Тиидон	Сурх (Килич Бурхонитдин)
	Кучи кози	Кучи кози
	Сари дашт	Сари дашт

[1] *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972. Т. 1. С. 133.

[2] *Бушков В.И.* О возможности восстановления конкретной поселенческой ситуации // Тез. докладов и сообщений научн. совещания: Комплексные методы в исторических исследованиях (Москва, 3–5 февр. 1988 г.). М., 1978. С. 54–55.

[3] *Бушков В.И.* Таджикский авлод тысячелетия спустя // Восток. 1991. № 3. С. 73 и д р. Там же см. библиографию.

[4] *Он же.* Население Северного Таджикистана (формирование и расселение). М., 1995. С. 189.

[5] *Дубова Н.А.* Распределение антропологических признаков в Северном Таджикистане // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976. С. 180.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 178.

[8] *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана... С. 213–214.

В.И.Бушков, Н.А.Зотова

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НАМАНГАНСКОГО УЕЗДА НА РУБЕЖЕ XIX–XX веков (по статистическим данным)*

Ферганская долина, бывшее ядро Кокандского ханства, была одним из самых густонаселенных оазисов Средней Азии. Такой она остается и в настоящее время. На протяжении столетий Фергана была своеобразным "перекрестком" Средней Азии, поскольку через нее проходили многие миграционные пути древности и средневековья, а для некоторых народов, вплоть до начала XX в., она была и конечной целью их передвижения.

В настоящей статье мы проанализируем этнические процессы в Ферганской долине на рубеже XIX–XX вв., когда была окончательно сформирована нынешняя национальная композиция рассматриваемого региона. Объектом исследования станет не вся Фергана, а только ее северная и северо-западная части. После присоединения региона к Российской империи (1876) эта территория входила в состав Наманганского уезда Ферганской области, который включал в себя современную Наманганскую область Республики Узбекистан, современный Аштский район Согдийской области Республики Таджикистан, а также часть Джалалабадской области Республики Кыргызстан.

Мы будем основываться на изучении имеющейся этнодемографической статистики по Наманганскому уезду (исключая городское население), поскольку она позволяет выявить или иллюстрировать и конкретизировать многие этносоциальные процессы, которые протекали в Ферганской долине в целом.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты № 00-01-00217а и № 01-01-00290а) и программы "Евразия" (проект "Этнокультурные процессы и межкультурное взаимодействие в Средней Азии").

Численность населения уезда

При анализе численности населения Наманганского уезда последней четверти XIX – первой четверти XX в. будут использованы данные различных статистических источников – обзоров и переписей, содержащих сведения об абсолютной величине сельского населения уезда. Самыми ранними статистическими сведениями являются неопубликованные данные из фондов Центрального государственного архива Республики Узбекистан за 1877–1879, 1881 и 1884 гг.[1] Изучаемая территория в данный период (до 1886 г.) входила в состав двух уездов Ферганской области – Наманганского и Чустского.

Местная администрация доставляла сведения о количестве домов и кибиток; при подсчете количества населения эта цифра, согласно принятой в то время методике, умножалась на 5 – предполагаемое среднее число членов домохозяйства. В 1877–1879 гг. подсчитанное таким образом сельское население изучаемой территории составляло около 140 тыс. человек. В 1881 г. этот показатель составил 124 тыс. человек, в 1884 г. – 195 тыс. человек. Таким образом, численные показатели этого периода значительно варьируют, что объясняется отсутствием надежных источников сбора информации о населении. Как правило, статистические данные о количестве населения сильно занижались местной низовой администрацией, состоящей из "туземцев". Местные жители опасались, что русские власти будут использовать эти сведения для увеличения налогообложения и военного призыва.

Постепенно, по мере совершенствования методики подсчета и предоставления местной администрацией более достоверных сведений, данные о численности населения становятся все более полными и точными. Так, если в 1887 г. в Наманганском уезде насчитывалось 134 тыс. человек, то в 1890 г. в уезде регистрируется уже 257 тыс. человек. В следующем, 1891 г., мы имеем сведения о 168 тыс. человек; в 1892 г. численность населения составляла примерно 168,5 тыс. человек, в 1894 – 189 тыс. человек, в 1895 – 209 тыс. человек, в 1896 – 238 тыс. человек, а в 1897 – 305 тыс. человек[2]. Такой резкий скачок численности населения, возможно, объясняется не только естественным приростом и механическим движением населения, но и совершенствованием статистического учета.

Для 1897 г., помимо данных местной администрации, представленных в "Обзоре Ферганской области за 1897 г.", существуют и сведения "Первой всеобщей переписи населения Российской империи за 1897 г.". Сведения обоих источников об общей численности населения Наманганского уезда практически совпадают, разница

составляет около 2,5 тыс. человек. Однако численность сельского населения по данным переписи значительно меньше. Это объясняется тем, что все "Обзоры Ферганской области" указывали только численность г. Намангана. Чуст, потерявший значение уездного города, отдельно в материалах текущей статистики не выделялся, тогда как в опубликованных результатах переписи 1897 г. численность его населения приводится[3].

В период между проведением переписи 1897 г. и составлением "Списка населенных мест Ферганской области" в 1909 г. статистические сведения публиковались в "Обзоре Ферганской области" и "Статистическом обзоре Ферганской области". В 1898 г. количество сельского населения уезда равнялось 291 тыс. человек; в 1899 г. – 311 тыс. человек; к 1900 г. оно увеличилось до 314 тыс. человек. По материалам "Ежегодника Ферганской области", общая численность населения уезда с городами в 1904 г. составляла 407,5 тыс. человек. Городское население в Намангане и Чусте насчитывало примерно 80 тыс. человек (данные 1902 г.), значит, количество сельского населения составляло 327,5 тыс. человек. В 1904 г., по данным "Статистического обзора Ферганской области", сельское население уезда составляло 325 тыс. человек, что в целом соответствует сведениям "Ежегодника"[4].

"Статистические обзоры Ферганской области" содержат данные о численности населения для 1905–1914 гг. (нам были доступны сведения за 1906, 1908, 1909, 1910, 1911 и 1913 гг.). Так, в 1906 г. сельское население уезда равнялось 333 тыс. человек, в 1908 г. – 351 тыс. человек, в 1909 г. – 355 тыс. человек. В том же 1909 г. вышел в свет "Список населенных мест Ферганской области", в котором сельское население Наманганского уезда исчисляется в 349 тыс. человек "Список" составлялся по сводным данным местной администрации за предыдущие годы, а также по сведениям переписи 1897 г., дополненным с учетом естественного прироста населения за истекший период. Именно этим объясняется некоторое расхождение численных сведений двух источников за 1909 г. К 1910 г. сельское население Наманганского уезда, согласно очередному "Статистическому обзору", увеличилось до 360 тыс. человек; в 1911 г. оно равнялось 375 тыс. человек, а в 1913 г. – 389 тыс. человек. К 1917 г. в силу нестабильной обстановки, связанной с восстанием 1916 г. и его последствиями, а также голодом 1917 г., численность населения уезда уменьшилась до уровня 1897 г. (около 287 тыс. человек)[5].

Если мы посмотрим на таблицу, то увидим, что большие темпы увеличения населения, вплоть до начала XX столетия достигавшие 30–65% ежегодно (даже при неизбежных погрешностях статистического учета), свидетельствуют, по-видимому, о значительном миграционном движении населения. В этих цифрах доля естественного прироста, которая не могла превысить нескольких процентов, будет крайне невелика. Лишь с 1900 г. ежегодное увеличение численности жителей Наманганского уезда примерно соответствовало естественному приросту (около 1–1,5%)[6]. Можно предположить, что в этот период миграционная активность снизилась.

Ежегодное движение численности населения Наманганского уезда (естественное и механическое) в 1887–1926 годах (в %)

Годы	1887		1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
%	30		–65,5	0,2	8,4	3,5	10,4	14,2	27,8	

Годы	1898	1899	1900		1904		1906		1908	1909
%	–4,5	6,9	1,1	0,83		1,3		2,7		1,4

Годы	1910	1911		1913		1917				
%	1,2	4,2	1,9		–6,5			–8,0		

Годы				1925	1926
%				43,2	

Относительно стабильное демографическое развитие населения до 1914 г. сменилось периодом резкого его уменьшения и этот процесс длился достаточно длительное время, когда население, спасаясь от нестабильности, войны и голода, бежало, преимущественно в пределы Восточной Бухары[7].

Административное деление Наманганского уезда в период с 1881 по 1917 г. оставалось практически неизменным. Количество волостей варьировалось от 26 до 28. Лишь некоторые волости, населенные киргизами-кочевниками, исключались из состава уезда, некоторые, наоборот, включались. После смены власти в Туркестане в 1917 г. в административном устройстве региона произошли резкие изменения. В результате проведения национально-государственного размежевания 1924 г.

были образованы национальные республики. Большая часть Наманганского уезда вошла в состав Узбекской ССР, часть территории была включена в состав Киргизской АО (будущей Киргизской ССР). Это девять волостей, шесть из которых являлись кочевыми, т.е. заселенными исключительно киргизами: Арымская, Багишская, Боястонская, Кутлуксеидская, Кизилджарская, Кыркугульская, Саруйская, Сусамырская и Чаткальская; три волости – Багишская, Боястонская и Кутлуксеидская – были оседлыми, но и в них большинство населения составляли киргизы.

К 1925 г. численность населения Наманганского уезда, по сравнению с данными 1917 г., уменьшилась на 100 тыс. человек и составила 185 тыс. человек[8]. Значительное уменьшение численности населения к 1925 г. объясняется, во-первых, изменением административного состава. В 1917 г. численность населения девяти волостей, вышедших в 1924 г. из состава уезда, составляла около 55 тыс. человек. Во-вторых, это уменьшение было связано с басмаческим движением, в результате которого численность всего населения Ферганской долины снизилась.

С 1926 г. на территории бывшего Наманганского уезда начался период роста численности населения. Схожие процессы характерны и для смежных территорий Ферганской долины. Активизируются миграционные процессы, значительное число жителей возвращается на старые места проживания, покинутые в разгар басмаческого движения. Перепись 1926 г. приводит данные в соответствии с новым административно-территориальным делением (по округам, районам и сельским советам), однако подсчет в прежних границах Наманганского уезда (по списку переписи 1925 г.) дает цифру в 265 тыс. человек[9]. Эта цифра еще далеко отстоит от максимального показателя 1913 г.

Итак, в рассматриваемый период с конца XIX в. до 1916 г. население уезда быстро и пропорционально увеличивалось, чему способствовала политическая и экономическая стабильность в регионе. В 1917 г. численность сельских жителей Наманганского уезда резко снижается и частично восстанавливается лишь к 1926 гг. Причиной такой демографической катастрофы были политические и экономические неурядицы, возникшие в Средней Азии на рубеже 1910–1920-х гг. За 30-летний период с конца XIX в. до 1926 г. максимальное количество жителей в уезде зафиксировано источниками в 1913 г. – 389 тыс. человек (для 1914–1916 г. в нашем распоряжении данных нет), минимальное в 1925 г. – 185 тыс. человек.

Этнический состав населения уезда

Этнический состав жителей Наманганского уезда не был однородным. Здесь, по данным статистических источников и переписей, проживали сарты, таджики, узбеки, киргизы, кипчаки, каракалпаки, тюрки, кашгарцы и курама, а также некоторое количество представителей других народов, включая русских. В конце XIX и первом десятилетии XX в. четырьмя крупнейшими этническими группами являлись сарты, киргизы, таджики и кипчаки. В материалах переписи 1897 г. значительная доля населения была обозначена сводным и не вполне ясным понятием "тюркско-татарские народности". Особого внимания заслуживает эволюция значения слова "сарт". Рассмотрим, как это повлияло на реальную этническую картину на рубеже XIX–XX вв. и в первой трети XX в.

Согласно данным "Первой всеобщей переписи населения Российской империи" 1897 г., в Наманганском уезде (сельские местности) сартский язык (тюркский язык оседлого населения) назвали родным 58,0% населения, таджикский – 15,79%, а узбекский – 0,02%. В уезде также проживали киргизы – 7,17%, "тюркско-татарские народности" – 18,55%, кипчаки и прочие – в сумме менее 1% населения[10].

При использовании сведений "Ежегодника Ферганской области" и "Статистического обзора Ферганской области" за разные годы, начиная с 1904 и заканчивая 1913 г., необходимо учитывать ряд особенностей. Составители этих обзоров большую часть оседлого населения относили к сартам, тогда как узбеки в таких сводках вообще не фигурировали. Это связано с тем, что под названием "узбек" они понимали кочевых узбеков, которых на территории Наманганского уезда в данный период было очень мало. Некоторая часть таджиков была также отнесена к сартам. Этому способствовал тот факт, что местные таджики были двуязычны, т.е. говорили на таджикском и "сартском" языках. Заметим, что именно в данный период мы наблюдаем резкий переход таджиков к использованию тюркского (сартского) языка. П.Е.Кузнецов, совершивший поездку по таджикским кишлакам Ташкентского уезда в 1900 г., а по таджикским кишлакам Наманганского уезда – в 1914 г., для обозначения данного процесса использовал термин "сартизация". Исследователь писал: "В настоящее время главным отличием таджиков Ташкентского уезда от сартов является их наречие персидского языка. Но и сартовским (тюркским) языком таджики владеют так же свободно, как и родным. То же самое нужно сказать и о таджиках Самарканда, Ходжента, Ура-Тюбе, Чуста и других местах Туркестанского края. По моим наблюдени-

ям, ташкентские таджики пользуются сартовским языком в жизни больше, чем своим родным. Это обстоятельство служит лучшим признаком "сартизации" между ними, которая страшно сильна и идет гигантскими шагами вперед. Можно с уверенностью сказать, что в ближайшем будущем таджики забудут родной язык и окончательно сольются с сартами"[11].

Такой прогноз полностью не подтвердился, но наличие данной тенденции хорошо просматривается при анализе национального состава сельского населения Наманганского уезда в период с 1904 по 1913 г.

В 1904 г. основными этническими группами, проживавшими в уезде, являлись сарты (63,38%), киргизы (21,46%), таджики (7,77%) и кипчаки (7,00%). Прочие группы (каракалпаки, кашгарцы, юзы, татары, индусы, цыгане, русские) составляли менее 1% каждая. Узбеки, как говорилось выше, текущей статистикой не фиксировались[12]. Отметим резкое увеличение количества киргизов – с 7,17% (по данным 1897 г.) до 21,46%. Абсолютная численность киргизов в период с 1897 по 1904 г. выросла на 59 тыс. человек. Это связано с тем, что в период между 1881 и 1899 г. в состав Наманганского уезда были включены три волости, населенные кочевниками-киргизами, – Арымская, Сусамырская и Чаткальская. По всей видимости, это произошло уже после проведения переписи 1897 г.

В последующие годы соотношение цифр для основных этнических групп уезда остается таким же за незначительными изменениями. В 1908 г. сарты составляли 60,91% сельского населения уезда, киргизы – 20,76%, таджики – 8,32%, кипчаки – 8,69%; на долю прочих групп приходилось по отдельности менее 1%[13].

Для 1909 г. существуют два источника с различными данными. Так, по сведениям "Статистического обзора Ферганской области" основные этнические группы уезда распределялись следующим образом: сарты – 63,23%, киргизы – 20,82%, таджики – 6,03%, кипчаки – 7,92%, каракалпаки (их численность резко возросла по сравнению с предыдущими годами) – 1,39%; прочие – менее 1%[14]. В "Списке населенных мест" за тот же год были представлены несколько иные цифры, которые для таджиков, сартов и кипчаков на 2–3% отличались от данных "Статистического обзора": 58,34% населения уезда были сартами, 8,03% – таджиками, 21,77% – киргизами, 3,14% – узбеками, 5,92% – кипчаками. Прочие народности составляли каждая менее 1% населения (каракалпаки, тюрки, кашгарцы, курама и русские)[15]. Разница в процентных показателях для различных этнических групп вызвана, по всей вероятности, различными методиками подсчета – "Список" 1909 г. приводил сведения о преобладающей этнической группе в селениях, в связи с этим процентные показатели могли незначительно отличаться от истинной доли той или иной группы.

Если сравнивать данные текущей статистики с переписью 1897 г., то обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что в 1897 г. в уезде регистрировалось 45,5 тыс. таджиков, а, например, в 1909 г. – только 28 тыс. Значительное число таджиков регистрировались, по-видимому, как сарты. Не случайно, численность сартов, согласно сведениям "Обзоров" (и "Списка"), была значительно выше, чем в подсчетах Первой общероссийской переписи.

Данные "Статистического обзора" за 1910 г. практически совпадают со сведениями за 1909 г.: сарты – 63,01%, киргизы – 21,41%, таджики – 6,05%, кипчаки – 8,26%, прочие – менее 1%[16]. В 1911 г. процентный показатель количества таджиков резко возрос, остальные цифры в связи с этим несколько уменьшились или остались приблизительно на том же уровне: сарты – 61,73%, киргизы – 20,64%, таджики – 9,47%, кипчаки – 7,06%; прочие – менее 1%[17]. В 1910 г. абсолютная численность таджиков достигала 22 тыс. человек, а в следующем, 1911 г. – уже 35 тыс. человек. Подобные колебания говорят об имевших место недостатках методики учета и подсчета этнического состава населения. Иных объяснений такого резкого увеличения (а потом и уменьшения) численности той или иной этнической группы – например, миграция или повышенная смертность-рождаемость – мы в источниках не находим.

В 1913 г. процент таджиков в сельском населении уезда снизился почти наполовину по сравнению с 1911 г. Общие показатели стали такими: сарты – 63,29%, киргизы – 20,08%, таджики – 5,17% (самый низкий показатель из всех статистических источников!), кипчаки – 10,15%, прочие – менее 1%. Абсолютная численность таджиков составила 20 тыс. человек[18].

Таким образом, при анализе статистических данных 1904, 1908, 1909, 1910, 1911 и 1913 гг., в которых указано деление жителей Наманганского уезда по национальностям, видны значительные колебания как абсолютных величин численности отдельных этнических групп, так и процентных показателей. В первую очередь это относится к таджикам и кипчакам. В частности, процентный показатель доли таджиков в этническом составе уезда колебался от 5 до 9,5%. Интересно сравнить этот показатель с данными переписи 1897 г., когда таджикский язык назвали родным 15,79% (!) сельского населения Наманганского уезда[19]. По-видимому, многие из тех, кто назвал свой язык таджикским, текущей переписью регистрировались как сарты (во вся-

ком случае, к какой-то другой группе от 5 до 9% населения отойти не могли из-за их малочисленности). Данный пример ярко показывает различие между самоназванием (сарты, в большинстве случаев) и языковым определением.

Итак, в статистических данных 1904–1913 гг. процентный показатель таджиков очень невысок. Однако последующие переписи населения Ферганы опять отмечают увеличение доли таджиков в составе местного населения. Это было связано с изменением значения слова "сарт". При подготовке переписи 1917 г. руководителями было разъяснено сотрудникам, что отдельной народности "сарт" не существует, поэтому данный термин не может быть использован при записи национальности. Таким образом, перепись 1917 г. регистрирует в Наманганском уезде всего 107 сартов. В предисловии к разработке данных переписи этот факт комментируется следующим образом: «Сартами называют издревле оседлый народ тюрко-иранского происхождения, говорящий на узбекском языке. Сотни тысяч сартов именуют себя узбеками и свой язык узбекским... Понятно, почему именно название "сарт" исчезает, уступая понятию "узбек"... Слово "сарт" в устах узбеков (так же, как и киргиз) было бранным. Естественно, что многие из сартов сами стали считать недостойным для себя носить такое название, тем более, что не видели никакого отличия между собой и узбеками. Вот почему в последние годы было отмечено так много узбеков в тех местностях, которые всегда считались населенными одними только сартами...»[20].

Ссылку на "недостойный" оттенок слова "сарт", хотя она и имела под собой некоторые основания (о чем говорят и современные наблюдения авторов данной статьи), все же нельзя признать точной. С.С. Губаева, основываясь на материалах собственных полевых исследований 1970-х годов, приводит примеры употребления информаторами слова "сарт" с различной эмоциональной окраской, в том числе и весьма позитивной[21]. Об этом говорят и многие письменные свидетельства, оставленные специалистами на рубеже XIX–XX вв.

Как уже отмечалось, организаторы переписи 1917 г. предложили записывать сартов узбеками, что привело к значительному увеличению численности узбеков в тех местностях, где традиционно проживало сартское население. Однако одновременно фиксируется резкое увеличение числа таджиков во многих местностях, традиционно населенных сартами. Следовательно, мы видим, как происходило резкое расслоение оседлого населения по этническому признаку. Тюркоязычные сарты теперь были записаны узбеками, тогда как ираноязычные (или таджикоязычные) сарты предпочли зарегистрироваться таджиками.

С 1909 по 1917 г. административный состав Наманганского уезда практически не менялся; в состав уезда вошла лишь одна волость – Кизилджарская, в ней проживало всего 4 тыс. киргизов. Таким образом, в 1917 г. этнический состав уезда стал таким: узбеки – 63,43%, таджики – 13,89%, киргизы – 17,87%, кипчаки – 3,44%. Прочие этнические группы составляли каждая менее 1%, как и было показано раньше для 1909 г. Мы видим, что сарты стали относить себя преимущественно к узбекам – в 1909 г. узбеков регистрировалось всего 3,14%, в 1917 г. их уже было 63,49%, т.е. две трети населения уезда. Абсолютная численность узбеков выросла с 11 до 184,5 тыс. человек, т.е. в 17 раз (!)[22].

Часть сартов стала относить себя к таджикам. Это дало увеличение абсолютной численности таджиков с 28 до 40 тыс. человек. Эта цифра близка к показателям 1897 г., когда таджикский язык назвали родным 45 тыс. человек. В процентном выражении доля таджиков в составе населения уезда увеличилась с 8,03% до 13,89%, также приблизившись к уровню 1897 г.

К моменту проведения переписи 1925 г. (которая была не всеобщей, а охватывала лишь 10% населения) численность населения изучаемой территории (т.е. бывшего Наманганского уезда) продолжала снижаться. Несмотря на то, что к 1925 г. национально-государственное размежевание уже было проведено, статистические источники продолжали оперировать старыми административными единицами. Таким образом, данные 10-процентной переписи 1925 г. приводятся для устаревшего деления Наманганского уезда по волостям. Административный же состав уезда сильно изменился, что нашло выражение в резком уменьшении численности киргизов. Как указывалось выше, из состава уезда было исключено девять волостей, из них шесть кочевых, т.е. заселенных исключительно киргизами. Тем не менее имевшее место изменение административно-территориального деления не мешает сделать выводы о динамике таджикской составляющей уезда, так как из девяти волостей, вышедших из состава уезда, таджики проживали только в одной, Боястонской. В 1917 г. на территории Боястонской волости проживала 1,4 тыс. таджиков. После исключения кочевых волостей из состава уезда количество киргизов резко сократилось с 48 тыс. человек в 1917 г. до 1,3 тыс. человек в 1925 г. В процентном выражении – с 17,87% до 0,73%.

Численность всех народов, проживавших на территории уезда заметно сократилась, что связано с общим уменьшением численности населения уезда. Количество таджиков сократилось с 40,3 до 27,4 тыс. человек; количество узбеков – с 184,4 до 144 тыс. человек. Однако процентные показатели доли узбеков и

таджиков в структуре этнического состава уезда выросли: узбеков до 77,97%, а таджиков до 14,83%. Такой заметный рост процентной доли этих народов связан с уменьшением доли киргизов, о чем уже говорилось выше. Также несколько выросла доля кипчаков и каракалпаков[23].

Следующий, 1926 г., явился первым годом относительной стабильности после басмаческих выступлений в Ферганской долине. Впервые перепись была проведена согласно новому административно-территориальному делению. Территория бывшего Наманганского уезда (за исключением девяти волостей, отошедших к Киргизии) была отнесена к трем разным административным единицам – округу Фергана, округу Андижан и округу Ходжент в составе Узбекской ССР. Тем не менее в статье приведены количественные данные, полученные путем подсчета населения в рамках старого деления – по бывшим сельским обществам, волостям и в целом по всей изучаемой территории.

Население изучаемой территории по сравнению с 1925 г. увеличилось почти в 1,5 раза и достигло 265 тыс. человек. За счет общего роста населения увеличилось число таджиков, узбеков, киргизов, кипчаков, каракалпаков и прочих народов. Количество таджиков возросло с 27,4 тыс. человек в 1925 г. до 33,6 тыс. человек.

При этом структура этнического состава практически не изменилась. Можно отметить лишь незначительное уменьшение доли таджиков – до 12,67% – и небольшое увеличение доли киргизов – до 2,13%. Снижение доли таджиков обусловлено несколькими факторами: ассимиляцией таджиков узбеками в некоторых кишлаках равнинных территорий, а также, по-видимому, некоторым искажением данных по этническому составу населения переписью, например, по бывшей Аштской волости[24].

Подводя итоги анализа этнического состава сельского населения Наманганского уезда на рубеже XIX–XX вв., отметим наиболее важные тенденции этнических процессов за этот период.

Во-первых, это резкий рост числа узбеков в период с 1897 по 1917 г., а затем стабилизация их количества. Показательно, что в 1897 г. из 228 тыс. человек сельского населения уезда лишь 71 человек (!) назвал родным узбекский язык[25]; начиная с 1917 г. (в том числе по причине негативного отношения власти и статистиков к слову "сарт") местные жители, бывшие сарты, перешли к самоназванию "узбек", и доля узбеков стала составлять около двух третей населения уезда.

Во-вторых, доля таджиков в структуре населения за изучаемый период колебалась в пределах 5–9,5% до 1917 г., 13–15% в период с 1917 по 1926 г. Резкое увеличение доли таджиков в

1917 г. можно объяснить тем, что одновременно с переменой названия тюркоязычных сартов на узбеков все ираноязычные сарты стали фиксироваться таджиками.

Интересно отметить, что кривая колебания процентной доли таджиков в Наманганском уезде зеркально отражает колебания численности населения, т.е. по мере роста численности населения процент таджиков снижается, по мере уменьшения численности – растет. Это связано со стабильностью системы таджикских поселений уезда. В то время, как вокруг имели место переселения людей в другие кишлаки, образование новых селений при оседании скотоводов на землю и тому подобные процессы, номенклатура старых поселений, где таджики составляли большинство или заметную долю населения, в период конца XIX – начала XX в. оставалась неизменной, а население – относительно стабильным. Тем не менее число селений, где таджики по-прежнему составляли большинство, постоянно уменьшалось. Данный процесс будет рассмотрен в конце настоящей статьи.

Этнический состав населения отдельных волостей

Проследим изменение доли таджиков в этническом составе отдельных волостей. При этом будут использованы статистические источники, оперирующие поселенными данными (1909, 1917, 1925 и 1926 гг.).

Согласно данным "Списка населенных мест" 1909 г., в Наманганском уезде насчитывалось 27 волостей. Большинство оседлого населения Наманганского уезда регистрировалось как сарты. Селения, в которых таджики составляли большинство населения, отмечены в девяти волостях уезда (Аштская, Бободархонская, Варзикская, Капинская, Тергаучинская, Тюракурганская, Чадакская, Чустская и Ханаватская). Всего в уезде в данный период существовало 29 селений, где преобладающей этнической группой являлись таджики. Кроме того, в 12 селениях были зарегистрированы сарты. Кроме селений в перечисленных волостях, в Пишкаранской волости в крупном кишлаке Пишкаран проживали, по сведениям "Списка", таджики и сарты, но, по-видимому, таджики не составляли здесь большинства. На территории уезда, таким образом, можно выделить несколько мест компактного проживания таджиков. Некоторое, но очень незначительное, число таджиков отмечалось и в других частях уезда.

Таджики являлись преобладающей этнической группой в Чустской (100%), Аштской (54,5%) и Бободархонской (53,0%) волостях. Значительную долю населения они составляли в Варзикской (30,3%) и Чадакской (26,8%) волостях; меньшее количество

проживало в Тергаучинской (12,3%), Ханаватской (10,8%), Тюракурганской (7,8%) и Капинской (2,7%).

Чустская волость включала в себя пригородные селения города Чуста, населенного таджиками. Чуст, где в 1909 г. насчитывалось около 18,5 тыс. жителей, единственный во всем уезде имел статус города, не считая центра уезда Намангана. Чустская волость была очень маленькой, по размеру и по числу жителей примерно в четыре раза отличалась от средних оседлых волостей уезда. Здесь во всех восьми поселениях повсеместно регистрировались таджики.

Аштская и Бободархонская волости являлись местом расположения древних поселений в предгорьях, где издавна проживали ираноязычные жители. Не столь значительный процент таджикского населения в данных волостях можно объяснить позднейшими миграциями сюда тюркоязычных групп, которые образовывали новые поселения на свободных землях, чаще всего, в долине Сырдарьи[26].

Варзикская и Чадакская волости имели своеобразное древнее ядро – это крупные селения Варзик и Чадак соответственно. Вокруг центрального поселения в прошлом концентрировались более мелкие таджикские кишлаки. Происходившие в течение длительного времени миграции тюркоязычных народов на удобные равнинные земли в Варзикской волости и предгорные в Чадакской изменили первоначальную этническую картину. В 1909 г. таджики в данных волостях составляли около трети населения. Две трети составляло тюркоязычное население – тюркоязычные сарты, узбеки и тюрки в Чадакской волости, сарты и кипчаки в Варзикской волости.

В Ханаватской, Тюракурганской и Капинской волостях существовало по одному изолированному таджикскому селению (Гальча, Кукумбай и Шамсикуль). В Тергаучинской волости зарегистрировано два селения (Куюкмазар и Ташджар). Численность населения данных кишлаков обусловила величину процентной доли таджиков по отношению ко всему населению волости. Изолированность этих селений сыграла важную роль в позднейших этнических процессах, как будет показано ниже.

Отметим тот факт, что этническая принадлежность жителей крупных ареалов оседлого населения указывалась, как сартская. Это, например, крупная Касанская волость (100% сартов), Варзикская волость (все поселения указаны сартовскими, кроме Варзика), Боястонская (47,8% сартов, остальная часть волости – место жительства киргизов)[27].

В 1917 г. в Наманганском уезде насчитывалось 28 волостей. Таджикские селения регистрировались в десяти волостях: к

прежнему списку 1909 г. добавились Боястонская и Касанская волости, а Ханаватская – выбыла. Всего в уезде, согласно данным переписи, насчитывалось 34 селения, где таджики составляли большинство населения.

Как уже отмечалось выше, в 1917 г. в Наманганском уезде процент таджикского населения возрос с 8,03% (1909) до 13,9%. В ряде волостей удельный вес таджиков вырос еще больше. Так, например, в Аштской волости этот показатель увеличился с 54,5% до 61,5%, Бободархонской – с 53% до 76,0%, Варзикской – с 30,3% до 43,5%, Тергаучинской – с 12,3% до 17,9%. В некоторых волостях этот показатель остался практически на прежнем уровне, немного увеличившись: в Чадакской волости – с 26,8% до 27,4%, Капинской – с 2,7% до 3,4%. Касанская, очень крупная волость, где ранее были зарегистрированы преимущественно сарты (93,9%), к 1917 г. оказалась заселенной таджиками на 97%. В Боястонской волости было отмечено 28,7% таджиков (в 1909 г. здесь было 48,7% сартов, остальные киргизы). В последних двух случаях произошло то, о чем мы уже говорили, – ираноязычные сарты стали записываться таджиками.

В некоторых волостях, где имелось только по одному достаточно крупному таджикскому селению, наблюдается обратный процесс. Данные кишлаки располагались на равнине, где происходили значительные миграции населения. Это приводило к размыванию таджикского ядра кишлака за счет большого количества новых, тюркоязычных переселенцев.

Так, в Пишкаранской волости, где крупный кишлак Пишкаран в 1909 г. был населен таджиками и сартами, в 1917 г. таджики вообще не были отмечены в поселенных итогах переписи. Однако в предисловии к переписи говорится, что небольшое число таджиков в Пишкаранской волости все же проживало (1,4%). Таджики, таким образом, здесь были, но не составляли большинства, поэтому и не были выделены в поселенных материалах переписи.

Та же картина наблюдается и в Ханаватской волости. Достаточно крупный кишлак Гальча, расположенный в непосредственной близости от Намангана, в 1909 г. был населен таджиками. К 1917 г. этнический состав жителей сменился, в качестве преобладающей этнической группы здесь записаны узбеки. Возможной причиной резкой смены этнического состава стал быстрый рост кишлака: в период с 1909 по 1917 г. количество жителей здесь выросло примерно в 1,5 раза, видимо, за счет тюркоязычных мигрантов. Эта цифра значительно превышает средние темпы прироста населения, тем более, если учесть, что в значительном количестве таджикских кишлаков уезда общая численность населе-

ния к 1917 г. уменьшилась. Тем не менее некоторое число таджикских хозяйств в кишлаке все же сохранилось, поэтому в предисловии к переписи указывается цифра в 2,2% таджиков в целом по волости.

В Тюракурганской волости в единственном кишлаке с таджикским населением – Кукумбае – численность населения резко снизилась с 1285 человек в 1909 г. до 541 человек в 1917 г. Таким образом, процент таджиков в целом по волости также снизился с 7,8% до 3,7%.

Еще одной волостью, где к 1917 г. произошло резкое уменьшение удельного веса таджиков, явилась Чустская. Эта небольшая по размеру волость в 1909 г. была населена, как мы уже говорили, только таджиками (всего 3447 человек). Здесь было всего восемь селений, и, если в 1909 г. все они являлись таджикскими, то в 1917 г. таких селений здесь указано всего три. Указать действительную причину такой резкой перемены достаточно сложно. По этнографическим данным, ядро г.Чуста составляли таджики, однако прибывающие в район переселенцы формировали кольцо селений вокруг города. Четыре из восьми кишлаков Чустской волости располагались к северо-востоку от Чуста, в окружении узбекских кишлаков. По данным 1909 г., данная группа состояла из кишлаков Каирма, Тепакурган, Шуркурган, Яркишлак; по данным 1917 г., сюда входили кишлаки Тепакурган, Шуркент, Шуркурган, Яркишлак. Таким образом, население этих кишлаков, несомненно, подвергалось тюркизации. Пятый из кишлаков Чустской волости, где произошла смена этнического состава, – Хисарак. П.Е. Кузнецов, анализируя изменения, происходившие в таджикских кишлаках Ташкентского уезда, приводит в качестве примера и некоторые поселения Наманганского уезда, в частности, Хисарак: "...Примеры превращения таджиков в сартов мы видим в кишлаках Карамазар, Паркент, Чанги, Хисарак, Сукак, Сангинак и Пскент. В Хисараке не осталось никаких следов таджиков; только помнят, что в старину эти селения были таджикскими..."[28]. Однако, сложно сказать, почему такая резкая перемена произошла именно в Хисараке, тогда как в трех селениях Чустской волости (Сарымсактепа, Дуоба и Садача) сохранилось таджикское население.

К 1925 г. численность населения изучаемых волостей сильно уменьшилась. На фоне снижения общей численности процентная доля таджиков в национальном составе в ряде случаев также уменьшилась, в ряде случаев, наоборот, возросла.

Так, процент таджикского населения уменьшился в Аштской (с 64 до 51%), Бободархонской (с 76 до 68,9%), Варзикской (с 43,5 до 39,4%), Тергаучинской (с 17,9 до 14,4%). В Ханаватской волости таджики вообще не были зарегистрированы. В Аштской и Бободархонской волостях причиной снижения удельного веса таджикского населения стало то, что абсолютная численность таджиков значительно сократилась. Помимо последствий голода, на снижение численности таджиков повлияло то, что часть жителей уходила из селений в разгар басмаческого движения. Численность узбеков, согласно цифровым данным, оставалась достаточно стабильной. В Варзикской и Тергаучинской волостях на фоне уменьшения общей численности населения численность таджиков уменьшилась больше, чем других этнических групп, в первую очередь узбеков.

В ряде волостей, напротив, доля таджикского населения возросла. Это Касанская (с 97 до 100%), Капинская (с 3,4 до 3,6%), Тюракурганская (с 3,7 до 6,6%) и Чустская (с 16,6 до 19,3%) волости. Такие изменения связаны, возможно, с большей подвижностью узбеков, в связи с чем их число резко уменьшилось; число таджиков оставалось стабильным. В Касанской волости два селения, где раньше жители были записаны кипчаками (Исфайрин и Шаванд), в 1925 г. стали таджикскими, т.е. произошла, видимо, ассимиляция кипчаков крупным массивом таджикского населения.

В Чадакской волости этнический состав остался практически без изменений, число таджиков оставалось стабильным[29].

Анализируя данные 1926 г. (подсчеты производились в тех селениях, которые входили прежде в бывший Наманганский уезд), можно отметить, что число таджиков в бывшей Аштской волости сильно занижено. В старых кишлаках предгорных территорий этнический состав населения не менялся, но, согласно материалам переписи, здесь проживало лишь 6,9% таджиков[30]. Уже в 1932 г. удельный вес таджиков на этой территории стал ближе к реальности (35,3%), хотя и эта величина является заниженной[31].

В бывшей Бободархонской волости удельный вес таджикского населения оставался практически на том же уровне – 68,5% в 1926 г., 70,2% в 1932 г. В бывших Касанской и Варзикской волостях процентная доля таджиков также оставалась на прежнем уровне – 100% в первой и 39,7% во второй. В бывшей Чустской волости этот показатель несколько вырос до 23,85%, незначительное увеличение доли таджиков произошло также в бывшей Капинской волости (до 3,7%). В бывшей Чадакской волости произошло уменьшение доли таджиков до 18,6%, что, правда, можно отнести за счет неверных данных переписи, где жители Куи-Чадака были названы узбеками.

В ряде бывших волостей, где существовали изолированные таджикские селения, процент таджикского населения продолжал

уменьшаться. Так, в Пишкаранской, Тюракурганской и Ханаватской волостях в 1926 г. таджики вообще не регистрируются. Недавние полевые этнографические исследования одного из авторов настоящей статьи говорят о том, что какое-то количество таджиков на этой территории по-прежнему проживало, но их число было очень незначительным. В бывшей Тергаучинской волости доля таджиков значительно уменьшилась по сравнению с 1917 г. (с 17,9% до 6%). Как свидетельствуют полевые данные, этот показатель продолжал уменьшаться и в дальнейшем, пока коренные таджики здесь окончательно не исчезли.

Рассмотрим теперь более детально демографические и этнические процессы, происходившие в каждой из изучаемых волостей отдельно. Анализ этнической структуры населения в каждой волости, включавшей в себя таджикские поселения, позволяет максимально детализировать картину межэтнических связей, проследить за процессом сохранения существовавших массивов таджикского населения или, напротив, ассимиляции таджиков узбеками в ряде селений.

В Аштской волости сеть таджикских селений была стабильной. Колебания абсолютной численности населения волости отражали процессы, схожие для всего уезда. Численность населения волости являлась максимальной в 1899 и 1909 гг. (около 12 тыс. человек), в дальнейшем этот показатель был превзойден только в 1932 г. (около 16 тыс. человек). В 1917 г. в волости проживало 6,6 тыс. человек; в 1925 г. – 5,6 тыс. человек (это минимальный показатель). После 1925 г. численность населения стала быстро увеличиваться, к 1926 г. достигнув 9,8 тыс. человек.

В 1909 г. здесь было 21 селение, из них шесть населены преимущественно таджиками – Ашт, Аштлик, Акджар, Пискокат, Пунук и Гудас. К 1917 г. номенклатура селений изменилась: небольшой по размеру кишлак Аштлик больше не регистрируется; в долине Сырдарьи поблизости от Акджара появляется новое поселение Джарбулак.

Закономерность изменения абсолютной численности таджиков в волости повторяла общую закономерность изменения численности населения всей волости. Максимальное количество таджиков регистрируется в 1909 г. (6,7 тыс. человек), в 1917 г. эта цифра уменьшается до 4,2 тыс. человек; к 1925 г. – до 2,9 тыс. человек. В 1926 г. значительное число таджиков было, видимо, записано узбеками, поэтому в сравнении с предыдущими статистическими показателями цифра численности таджиков в 700 человек не представляется достоверной. К 1932 г. в связи с общим ростом численности населения и более правильным учетом число таджиков увеличилось до 5,7 тыс. человек[32].

Таджики составляли порядка 51–60% общей численности населения волости; после 1925 г. эта цифра уменьшается в связи со значительным ростом численности узбеков и составляет 35,3% в 1932 г.

Кроме таджиков, по официальным данным, в Аштской волости проживали узбеки, киргизы, тюрки и кашгарцы. Наиболее динамичным этническим компонентом являлись узбеки. В период с 1909 по 1925 г. число узбеков оставалось примерно на одном уровне и не превышало численности таджиков. Удельный вес узбеков в этническом составе волости составлял 18,5% в 1909 г. и 24,4% в 1917 г. С началом быстрого роста численности населения после 1925 г. число узбеков начало стремительно расти. Стали появляться новые узбекские селения[33]. Узбеки быстро стали преобладающей этнической группой в волости. Число тюрков и кашгарцев было очень незначительным и постоянно снижалось в результате ассимиляции их узбеками. Перепись 1926 г. в составе населения волости тюрков и кашгарцев не выделяет.

В Бободархонской волости таджики составляли большинство, значительно превышая число узбеков. Закономерность изменения численности населения повторяла процессы, происходившие в Аштской волости и других волостях изучаемого региона. В 1899 и 1909 гг. здесь насчитывалось примерно 13 тыс. человек. Минимальное количество жителей отмечено переписью 1917 г. (6,7 тыс. человек), и оно продолжало снижаться, достигнув минимума в 1925 г. – 6,4 тыс. человек. В дальнейшем численность местного населения опять стала возрастать: уже к 1926 г. она увеличилась до 12 тыс. человек, почти достигнув уровня 1909 г., а к 1932 г. – до 16 тыс. человек[34].

Численность таджиков составляла 6,8 тыс. человек в 1909 г. и 5,1 тыс. человек в 1917 г., а к 1925 г. упала до 4,4 тыс. человек. В последующие годы наблюдался значительный рост численности таджикского населения: 8,2 тыс. человек в 1926 г. и 11,3 тыс. человек в 1932 г. Удельный вес таджикского населения на рассматриваемой территории являлся высоким и колебался от 53% (1909) до 69–76% (1917, 1925, 1926 и 1932 гг.). Таджикское население Бободархонской волости являлось более стабильным, чем узбекское, так как его численность в период 1917–1925 гг. снижалась медленнее, а впоследствии быстрее росла.

В 1909 г. здесь регистрировалось семь таджикских селений – Камышкурган, Шайдан, Курук, Бободархон, Мулламир, Кулиходжа и Пангаз. При определении национальности жителей мелких селений Бештал, Джуга, Ёртула, Коккурук и Рабат переписи дают значительные разночтения: иногда они именуются таджиками, иногда узбеками. Переписи 1917 и 1925 гг. представляют

их как таджиков, переписи 1909, 1926 и 1932 гг. – как узбеков. Перечисленные селения расположены поблизости от большого кишлака Камышкурган, который на рубеже веков стал центром притяжения скотоводческих групп, поэтому здесь формировались новые поселения на базе существующих зимовок и аулов скотоводческого населения. Жители этих поселений принадлежали к различным племенным и родо-племенным подразделениям – юзам (селение Бештал) и др. Селение Джуга было образовано таджиками. По всей видимости, в силу тяготения перечисленных селений к Камышкургану их население регистрировалось как таджикское переписями 1917 и 1925 гг. В действительности большинство населения там составляли различные группы тюрков.

В 1932 г. впервые регистрируется новое таджикское селение Хиштхона, прежде не имевшее самостоятельного статуса и считавшееся ремесленным пригородом Пангаза. Кроме того, тогда же впервые регистрируется кишлак Сарой, оформившийся как селение после 1930 г.[35]

Для Боястонской волости данные об этническом составе жителей имеются только для 1909 и 1917 гг. В 1899 и 1909 гг. численность населения была примерно одинаковой и равнялась 10 тыс. человек. К 1917 г. она уменьшилась почти в 2,5 раза, составив 4,7 тыс. человек[36].

В 1909 г. в волости насчитывалось 28 селений. В восьми селениях проживали сарты – Алабука, Боястон, Кашкалак, Хазрати-буво, Аккурган, Актам, Подак и Сафед-Булон. Удельный вес сартов в этническом составе составлял 47,8%. В остальных 20 селениях жили киргизы. К 1917 г. административный состав волости сильно изменился – значительные территории, населенные киргизами, были исключены из состава волости, в результате чего количество селений сократилось до 15. Из восьми кишлаков, прежде населенных сартами, в четырех теперь были зарегистрированы таджики (Боястон, Кашкалак, Аккурган и Хазрати-буво), в оставшихся четырех – узбеки. Численность киргизов, таджиков и узбеков в волости сравнялась. Таджики составили 28,7% населения. В дальнейшем процент таджиков в Боястонской волости снижался; по статистике они перестали быть преобладающей этнической группой в Аккургане, Кашкалаке и Подаке, хотя, видимо, в реальности продолжали составлять значительную часть их населения. В 1917 г. в волости насчитывалось 1,4 тыс. таджиков и 1,7 тыс. узбеков.

В Варзикской волости численность населения была максимальной в 1899 г. (13,1 тыс. человек) и 1909 г. (12,8 тыс. человек), к 1917 г. она уменьшилась до 9,7 тыс. человек, а к 1925 г. – до

7 тыс. человек. Впоследствии число жителей росло, достигнув 10,7 тыс. человек к 1926 г.[37]

В волости насчитывалось 11 селений (только в 1917 г. здесь было зарегистрировано 13). Из них в 1909 г. в одном селении жили таджики (Варзик), в шести – сарты, в четырех – кипчаки. В 1917 г. из шести бывших сартовских кишлаков в пяти (Каркидон, Каракурган, Баймак, Кызылтепе и Шаян) были зарегистрированы узбеки, в одном (Варзигон) – таджики. Некоторое количество таджиков проживало и в других селениях волости, например, в кишлаке Каракурган.

Абсолютная численность таджиков в волости равнялась 3,9 тыс. человек в 1909 г. Интересно заметить, что на фоне общего уменьшения численности населения Варзикской волости в 1917 г. число таджиков увеличилось до 4,2 тыс. человек. В 1925 г. данный показатель снизился до 2,8 тыс. человек, а в 1926 г. в связи с общим ростом числа жителей численность таджиков возросла до 4,3 тыс. человек. Удельный вес таджиков в составе населения волости возрос с 30,3% в 1909 г. до 43,5% в 1917 г., в дальнейшем оставаясь стабильным на уровне 39–40%. Данный факт позволяет говорить о большой устойчивости местного таджикского населения. Численность таджиков оставалась стабильной и даже несколько возросла к 1917 г. за счет регистрации таджиков как преобладающей этнической группы еще в одном селении – Варзигоне, который раньше считался населенным сартами. В 1917 и 1925 гг. число таджиков и узбеков было приблизительно одинаковым. Впоследствии численность узбеков стала расти более быстрыми темпами, но количество кипчаков снижалось, что обусловило сохранение той же доли таджикской составляющей в населении волости.

Касанская волость являлась самым крупным массивом таджикского населения в изучаемом регионе. В 1899 г. численность населения волости равнялась 20 тыс. человек, максимальное количество населения здесь зафиксировано в 1909 г. (22,9 тыс. человек). В 1917 г. в волости зафиксировано 19,6 тыс. человек, в 1925 г. здесь отмечено минимальное количество жителей – 12,2 тыс. человек. После 1925 г. начался рост численности населения, но к 1926 г. прежний максимальный уровень не был достигнут (18,7 тыс. человек)[38].

В 1909 г. здесь насчитывалось 11 селений. Сарты составляли 93,9% населения, кипчаки, которые проживали в четырех селениях (Исфайрин, Шаванд, Шерабад и Ходжа-курган), – 6,1%. В дальнейшем наблюдается, по-видимому, ассимиляция кипчаков таджиками: в 1917 г. в волости зарегистрировано 97% таджиков, кипчаков – 3% (кипчаки отмечены только в

двух селениях – Исфайрин и Шаванд). При этом наблюдается тенденция к укрупнению селений, число которых в 1917 г. сократилось до семи. В составе собственно Касана выделены три части – Куи-Касан, Юкары-Касан и Карасу-Касан, которые переписью 1909 г. выделялись как самостоятельные небольшие селения. Два селения – Юмалок-шайх и Китайсай – переписями 1917 и 1925 гг. по неясной причине вообще не регистрируются. Возможно, в этот сложный период они были вообще покинуты жителями.

В 1925 и 1926 гг. в бывшей Касанской волости насчитывается то же количество селений, что и в 1917 г., однако кипчаки здесь уже не регистрируются; кишлаки считаются таджикскими на 100%. Таким образом, здесь наблюдается единственный для всего изучаемого региона случай, когда очень крупный массив таджикского населения, сохраняя свое единство, влиял на направленность ассимиляционных процессов; тюркоязычные группы становились ираноязычными и превращались в таджиков. В других волостях сохранялись изолированные таджикские поселения, однако целостный ареал распадался, а местные таджики сначала записывались сартами, а потом и узбеками.

Капинская волость была достаточно крупной по размеру. Притяжение г.Намангана, вблизи которого она была расположена, заметно сказывалось на численности населения. В 1899 г. здесь проживало 11,4 тыс. человек, в 1909 г. – уже 12,2 тыс. человек. В 1917 г., когда в других волостях уезда повсеместно фиксируется снижение населения, численность жителей Капинской волости возросла до 13,5 тыс. человек. Минимальное число местных жителей отмечалось в 1925 г. – 10,6 тыс. человек, но и это снижение не было столь резким, как в прочих волостях. В 1926 г. численность населения бывшей волости значительно выросла и составила 14,3 тыс. чел.[39].

В этническом отношении население Капинской волости являлось смешанным: здесь жили узбеки, таджики, кипчаки, каракалпаки, а в 1909 г. был даже отмечен один населенный пункт, в котором проживала группа курама. Таджики населяли кишлак Шамсикуль, численность которого оставалась стабильной на протяжении всего изучаемого периода. Процент таджиков в этническом составе волости также был стабильным, колебания составили от 2,7% в 1909 г. до 3,7% в 1926 г. Абсолютная численность таджиков постепенно увеличивалась от 334 человек в 1909 г. до 527 человек в 1926 г.

В Тергаучинской волости в 1899 г. проживали всего 8,4 тыс. человек. В дальнейшем население быстро росло. Максимальное число жителей отмечено в 1909 г. (10,3 тыс. человек), в 1917 г.

оно уменьшилось до 9 тыс. человек, а минимума достигло к 1925 г. (5,7 тыс. человек). После этого численность населения стала возрастать, но к 1926 г. уровень 1909 г. не был достигнут, она (численность населения) сравнялась с показателем 1917 г.[40]

В Тергаучинской волости насчитывалось 12–13 кишлаков; здесь жили узбеки, таджики и кипчаки. Если в 1909 г. большую часть населения составляли сарты (57,8%, пять селений), то в 1917 г. сарты совсем не регистрируются, а узбеки стали составлять 69,9% общей численности. Таджики были преобладающей этнической группой в поселениях Куюкмазар и Ташджар. В 1909 г. общее число таджиков составляло около 1,3 тыс. человек, в 1917 г. отмечается некоторый рост их числа (до 1,6 тыс. человек), что, видимо, связано с переходом части ираноязычных сартов к самоназванию "таджик". В дальнейшем наблюдается постоянное уменьшение числа таджиков. В 1925 г. регистрируется 818, а в 1926 г. – 538 таджиков.

Доля таджиков в составе местного населения в 1909 г. равнялась 12,3%, в 1917 г. она увеличилась до 17,9%, в 1925 г. уменьшилась до 14,4%. Эти цифры позволяют говорить о стабильности населения таджикских кишлаков, так как с резким падением численности всего населения волости процентная доля таджиков росла. После 1925 г. начался обратный процесс – быстрое увеличение числа жителей бывшей Тергаучинской волости происходило в первую очередь за счет абсолютного и относительного роста узбекской части населения. В силу ассимиляции таджиков узбеками процентная доля таджиков к 1926 г. уменьшилась до 6%. Перепись 1926 г. отмечает, что преобладающей этнической группой в бывшем крупном таджикском селении Куюкмазар стали узбеки. Таджики остались только в одном селении Ташджар.

Схожие процессы ассимиляции отмечаются и у кипчаков, но они протекали значительно более быстрыми темпами. В 1909 г. численность кипчаков составляла около 3,1 тыс. человек. Они жили в основном в кишлаках Булакбаши, Адамтепе, Актепе и Рабат. Уже в 1917 г. кипчакскими считались только три селения (Адамтепе, Актепе и Карасу), а общая численность кипчаков уменьшилась до 1,1 тыс. человек. В 1926 г. в волости было зарегистрировано примерно одинаковое число кипчаков и таджиков (по 400–500 человек). По-видимому, большая часть кипчаков, которая жила в кишлаках Адамтепе, Актепе и Карасу, в 1926 г. была записана узбеками. Правда, кипчаки появились в кишлаке Гурмуран, где предыдущими переписями фиксировались узбеки, но, возможно, это была ошибка переписчиков.

Тюракурганская волость, соседняя с Тергаучинской, была значительно более крупной по размеру. Численность населения здесь постепенно выросла с 14,6 тыс. человек в 1899 г. до 16,5 тыс. человек в 1909 г. В 1925 г. на этой территории было минимальное число жителей – 10,5 тыс. человек, но уже к 1926 г. оно возросло до 14 тыс. человек[41].

В Тюракурганской волости находилось 17–19 кишлаков, в которых жили узбеки, таджики, кипчаки, киргизы и курама. Сложный этнический состав волости определил характер процессов, происходивших в ней. Так, в 1909 г. сарты проживали в десяти селениях, таджики – в одном (Кукумбай), киргизы – в трех, курама – в двух, кипчаки – в одном. В 1917 г. номенклатура этнических групп сокращается: из 19 селений 16 теперь населяют узбеки (сравним с количеством сартовских селений в 1909 г.), по одному – таджики, кипчаки и киргизы. Курама в материалах этой и последующих переписей отсутствуют. Некоторое увеличение числа киргизов отмечено снова только в 1926 г. В дальнейшем эти показатели не менялись.

Численность и доля таджиков в составе населения Тюракурганской волости постоянно уменьшалась. Так, в 1909 г. их насчитывалось 1,3 тыс. человек, что составляло 7,8% от общего числа жителей. Перепись 1917 г. отмечает резкое уменьшение численности населения – практически в 2,5 раза, удельный вес таджиков составил 3,7%. В 1925 г. численность населения в волости значительно уменьшилась за счет узбеков, число же таджиков оставалось практически неизменным, поэтому их процентная доля выросла до 6,6%. В дальнейшем, по мере быстрого роста местного населения, главным образом за счет узбеков, таджики постепенно ассимилировались. Перепись 1926 г. вообще не фиксирует здесь таджикских хозяйств. Однако эти данные не являются абсолютно достоверными, так как, согласно полевым материалам современных этнографических исследований, таджикский квартал в Кукумбае сохранился и продолжал существовать.

Число кипчаков на территории Тюракурганской волости оставалось стабильным, к 1926 г. немного увеличилось в связи с общим ростом численности населения.

В Ханаватской волости этнические и демографические процессы имели сходство с соседней Капинской волостью. Здесь также заметно влияние Намангана, уездного центра и крупного города. Интересно отметить, что минимальное число жителей в волости зафиксировано в 1899 и 1909 гг., тогда как в других волостях этот показатель являлся максимальным за изучаемый период. Так, в 1899 г. численность населения составляла 8,1 тыс. человек, в 1909 г. – 8,5 тыс. человек, а в 1917 г. произошел резкий рост

до 12,3 тыс. человек. В 1925 г. было отмечено некоторое снижение до 10 тыс. человек, но впоследствии местное население опять быстро росло и достигло показателя в 16 тыс. человек к 1926 г.[42].

Этнический состав волости был практически однородным. В 1909 г. из 13 селений в 11 преобладающей этнической группой являлись сарты, в одном – таджики (Гальча), в одном – кипчаки. В 1917 г. здесь регистрируются только узбекские селения. В кишлаках, где раньше преобладали кипчаки и таджики, произошла смена этнического состава.

В 1909 г. процент таджиков от общего населения волости был достаточно высоким, так как они населяли крупное селение Гальча. Число жителей здесь составляло чуть более 900 человек. В 1917 г., в связи с быстрым ростом численности населения Ханаватской волости и близлежащего Намангана, кишлак значительно увеличился в размерах (в 1,5 раза; 1345 человек), что привело к смене этнической характеристики населения, как за счет новых поселенцев-узбеков, так и за счет частичной ассимиляции таджиков узбеками. В этом году в кишлаке Гальча было зафиксировано лишь 269 таджиков.

В 1925 г. все 13 селений волости считались населенными исключительно узбеками. Перепись 1926 г. дает несколько более точные сведения об этническом составе: в бывшей волости было отмечено около 1,4 тыс. курамы, но ни таджиков, ни кипчаков в составе местного населения не осталось.

Численность населения Чадакской волости оставалась достаточно стабильной: происходили незначительные колебания от 12,6–12,8 тыс. человек в 1899, 1909 гг. до 10,6 тыс. человек в 1925 г.; в 1926 г. на этой территории проживали 11,6 тыс. человек[43].

В 1909 г. в 23 кишлаках жили сарты, таджики, узбеки, тюрки и "кочевники" (видимо, составители переписи в данном случае затруднились с определением этнической принадлежности). В 1917 г. здесь было зарегистрировано лишь 13 селений, при том что границы волости не менялись. Видимо, имело место объединение мелких селений в крупные населенные пункты. Начиная с 1917 г., в Чадакской волости регистрировались только узбеки, таджики и кипчаки (в 1909 г. кипчаки отсутствовали). Исчезли из материалов переписи тюрки: в Чаркесарском сельском обществе они стали именоваться кипчаками, а в Тепекурганском – узбеками. Таджики проживали в самом крупном селении волости – Чадаке. Общая численность и доля таджиков оставалась практически неизменной: от 3,4 до 2,8 тыс. человек – почти 27% общего населения волости. В 1926 г. было отмечено снижение доли таджиков до 18,6%, но это произошло за счет неверного указания этнической принадлежности жителей Куи-Чадака, которые были

названы узбеками. На фоне стабильности таджикского населения численность узбеков постоянно росла, а численность кипчаков снижалась.

Чустская волость была очень маленькой по размеру, а все ее селения, как уже говорилось, считались пригородами Чуста. Максимальное число жителей здесь было отмечено в 1899 г. – 3,5 тыс. человек. В дальнейшем оно колебалось от 3,4 тыс. человек в 1909 г. до 2,2 тыс. человек в 1925 г. В 1926 г. численность местного населения составляла 3,2 тыс. человек[44].

Процессы, происходившие в волости, были рассмотрены выше. Здесь можно добавить, что после 1917 г., когда в Чустской волости осталось только три таджикских кишлака (Сарымсактепа, Дуоба и Садача), доля таджиков в составе местного населения была стабильной и даже немного увеличилась с 16,6 (1917) до 23,85% (1926). Некоторое количество таджиков по-прежнему проживало в остальных пяти селениях, но они не составляли большинства.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что на рубеже XIX–XX вв. в северной и северо-западной части Ферганской долины наблюдается важнейшая тенденция к трансформации национального самосознания местных жителей, что фиксируется статистическими источниками как смена номенклатуры этнических групп и существенное изменение их абсолютной численности и относительной доли в общем составе населения. Некоторые этнические группы со временем и вовсе исчезают из материалов переписей. В частности, после 1925–1926 гг. на территории бывшего Наманганского уезда больше не упоминаются такие народности, как кипчаки, каракалпаки и курама.

Одним из главных последствий глубоких этнических и демографических трансформаций в указанный период было постепенное сокращение ареала проживания населения, осознающего себя или фиксируемого в переписях таджиками. Согласно данным "Списка населенных мест" в 1909 г. в Наманганском уезде насчитывалось 31 селение, где преобладающей этнической группой являлись таджики. В 1917 г. таких селений стало 33, причем в их списке произошли значительные изменения: уменьшилось число таджиков вокруг Чуста и в районе Намангана, в то же время их число увеличилось в Касанской волости; в предгорных селениях Аштской, Бободархонской, Чадакской, Варзикской волостей таджикское население оставалось стабильным. В 1925–1926 гг. территория расселения таджиков довольно заметно сократилась: в бывших Ханаватской, Тергаучинской, Тюракурганской волостях количество таджиков стало измеряться только одной-двумя сотнями человек; несколько селений в других бывших волостях перестали существовать, например, Садача (Чустская волость), Китайсай (Касанская волость) и др. Причинами сокращения таджиков в северной и северо-западной Фергане в начале 1920-х годов были как значительный приток тюркоязычного населения на равнинные территории, так и ассимиляция таджиков узбеками.

[1] Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 19. Оп. 1. Д. 28098. Л. 24об.–25об., 26об.; Д. 635. Л. 16–18об., 30–35; Д. 1178. Л. 32–38об., 50–52. Эти данные любезно предоставлены С.Н. Абашиным.

[2] Обзор Ферганской области за 1887 год. Нов. Маргелан, 1889. С. 15; Обзор Ферганской области за 1890 год. Нов. Маргелан, 1893. С. 45; Обзор Ферганской области за 1891 год. Нов. Маргелан, 1893. С. 25; Обзор Ферганской области за 1892 год. Нов. Маргелан, 1894. С. 29; Обзор Ферганской области за 1894 год. Нов. Маргелан, 1896. С. 7; Обзор Ферганской области за 1895 год. Нов. Маргелан, 1896. С. 8; Обзор Ферганской области за 1896 год. Нов. Маргелан, 1898. С. 58; Обзор Ферганской области за 1897 год. Нов. Маргелан, 1899. С. 1.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 89. Ферганская область. СПб., 1904. С. 1.

[4] Обзор Ферганской области за 1898 год. Нов. Маргелан, 1900. С. 14–15; Обзор Ферганской области за 1899 год. Нов. Маргелан, 1901. С. 84; Обзор Ферганской области за 1900 год. Нов. Маргелан, 1901. С. 126–127; Ежегодник Ферганской области. Нов. Маргелан, 1902. Т. 1. С. 6; Ежегодник Ферганской области. Нов. Маргелан, 1904. Т. 3. С. IV; Статистический обзор Ферганской области за 1904 год. Нов. Маргелан, 1905. С. 8.

[5] Статистический обзор Ферганской области за 1906 год. Скобелев, 1908. С. 9; Статистический обзор Ферганской области за 1908 год. Скобелев, 1909. С. 27–28; Статистический обзор Ферганской области за 1909 год. Скобелев, 1911. С. 12; Список населенных мест Ферганской области. Скобелев, 1909. С. 103–153; Статистический обзор Ферганской области за 1910 год. Скобелев, 1912. С. 2–3; Статистический обзор Ферганской области за 1911 год. Скобелев, 1914. С. 7–8; Статистический обзор Ферганской области за 1913 год. Скобелев, 1916. С. 9; Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской республике. Ташкент, 1924. Вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г. С. 56.

[6] *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. Рукопись канд. диссертации. М., 1988. Прил. Табл. 8.

[7] *Пославский Ю.И.* Экономический очерк Таджикистана // Таджикистан. Сб. статей. Ташкент, 1925. С. 194–195.

[8] Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. Самарканд, 1925. Вып. III. Ферганская область. С. 79–96.

[9] Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Самарканд, 1927. Вып. 1. С. 180–182, 198–200, 221–229.

[10] Первая всеобщая перепись. С. 60–61.

[11] *Кузнецов П.Е.* О таджиках Ташкентского уезда. Ташкент, 1901. С. 11.

[12] Статистический обзор Ферганской области за 1904 год. С. 8.

[13] Статистический обзор Ферганской области за 1908 год. С. 28.

[14] Статистический обзор Ферганской области за 1909 год. С. 12.

[15] Список населенных мест Ферганской области. С. 103–135.
[16] Статистический обзор Ферганской области за 1910 год. С. 2.
[17] Статистический обзор Ферганской области за 1911 год. С. 7.
[18] Статистический обзор Ферганской области за 1913 год. С. 10.
[19] Первая всеобщая перепись. С. 60–61.
[20] Материалы Всероссийских переписей. С. 42–56.
[21] *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX – начале XX вв. (по данным топонимии). Ташкент, 1983. С. 48–49.
[22] Материалы Всероссийских переписей. С. 42–56.
[23] Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 79–96.
[24] Материалы Всесоюзной переписи. С. 180–182, 198–200, 221–229.
[25] Первая всеобщая перепись. С. 60–61.
[26] *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана (формирование и расселение). М., 1995. С. 149–153.
[27] Список населенных мест Ферганской области. С. 103–135.
[28] *Кузнецов П.Е.* Указ. соч. С. 12.
[29] Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 79–96.
[30] Материалы Всесоюзной переписи. С. 180–182.
[31] Список населенных мест Таджикской ССР. Сталинабад, 1932. С. 7–8.
[32] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 120–121; Материалы Всероссийских переписей. С. 43–44; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 81; Материалы Всесоюзной переписи. С. 180–182; Список населенных мест Таджикской ССР. С. 7–8.
[33] *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана... 1995. С. 152–153.
[34] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 120–121; Материалы Всероссийских переписей. С. 44–45; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 82; Материалы Всесоюзной переписи. С. 180–182; Список населенных мест Таджикской ССР. С. 7–8.
[35] *Бушков В.И.* Население Северного Таджикистана... 1995. С. 152.
[36] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 105–106; Материалы Всероссийских переписей. С. 45–46.
[37] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 126–127; Материалы Всероссийских переписей. С. 46; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 83; Материалы Всесоюзной переписи. С. 198–200.
[38] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 129–130; Материалы Всероссийских переписей. С. 47; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 84; Материалы Всесоюзной переписи. С. 222–224.
[39] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 113–114; Материалы Всероссийских переписей. С. 47–48; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 85; Материалы Всесоюзной переписи. С. 226–229.
[40] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 131–132; Материалы Всероссийских переписей. С. 52; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 90; Материалы Всесоюзной переписи. С. 222–224.
[41] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 115–116; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 91; Материалы Всесоюзной переписи. С. 222–224.

[42] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 117–118; Материалы Всероссийских переписей. С. 52–53; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 93; Материалы Всесоюзной переписи. С. 226–229.
[43] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 123–124; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 94; Материалы Всесоюзной переписи. С. 198–200.
[44] Обзор Ферганской области за 1899 год. С. 100; Список населенных мест Ферганской области. С. 128–129; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР. С. 95; Материалы Всесоюзной переписи. С. 198–200.

В.И. Бушков, В.А. Феоктистова

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВХОЖДЕНИЯ ЮЖНЫХ ПРЕДГОРИЙ ФЕРГАНЫ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(краткий очерк)*

Мы хотели бы вкратце остановиться на демографических процессах, начавшихся в среде местного населения после вхождения южных и юго-западных районов Ферганской долины (ныне находящихся на территории Республики Кыргызстан) в состав России в 1860–1870-х гг.

Установившаяся в Фергане в связи с присоединением военно-политическая стабильность, прекращение межгосударственных и межплеменных усобиц вызвали к жизни совершенно новые процессы, которые выразились в изменении демографических показателей. В частности, резко возросли темпы естественного прироста ферганского населения, ранее едва достигавшие 0,3–0,4% в год. В целом по Ферганской долине в конце XIX столетия население прирастало на 2,5–3,5%, из которых 1% приходился на мигрантов из-за пределов Туркестанского генерал-губернаторства, перебиравшихся сюда в связи с существенно лучшими условиями жизни.

Нас интересует специфика демографических процессов в широкой горно-предгорной полосе южной периферии Ферганской долины, которая в XIX в. была населена преимущественно киргизами (киргизами) группы ичкилик и которая представляла собой самостоятельную историко-культурную область со своим хозяйственным и культурным укладами. Эта огромная территория практически не изучена в демографическом аспекте, хотя в этом отношении районы расселения кочевников, несомненно, должны были иметь свою специфику. Мы попытаемся обозначить основные тенденции демографических изменений в этой части Ферганы, рассмотрев имеющиеся

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты № 00-01-00217а и № 01-01-00290а) и программы "Евразия" (проект "Этнокультурные процессы и межкультурное взаимодействие в Средней Азии").

данные по юго-западной окраине региона, ныне входящей в состав Баткенской области и граничащей с Республикой Таджикистан. Речь идет о современном Ляйлякском районе, первые статистические сведения о жителях которого были собраны и опубликованы начальником Ходжентского уезда А.А. Кушакевичем в начале 1870-х гг.[1]

Согласно данным Кушакевича, на рассматриваемой территории (точнее, на ее большей части, поскольку границы бывшего Ходжентского уезда и нынешнего Ляйлякского района не вполне совпадают) – в Бешкентской долине, в бассейне рек Аксу и Исфана – в 12 селениях с узбекским и таджикским населением, а также в 35 зимовках проживали 6820 человек. При этом скотоводческое киргизское население было объединено в три административных аула (Бешкентский, Исфанейский-1 и Исфанейский-2), в которых насчитывалось (вне пределов современного Таджикистана) 728 хозяйств (по терминологии того времени "кибиток" или "юрт") и 3640 жителей. Причем перечисленные А.А. Кушакевичем многочисленные роды киргизов относились к племенам теит, кесек и подразделению чепкуллук.

Вплоть до конца XIX в. численность населения здесь динамично росла, достигнув в 1898 г. 13 734 человек (2825 "кибиток"). При этом становится заметным процесс "подтягивания" отдельных групп киргизов к более крупным центрам, что означало частичное оседание некоторых бывших кочевников и возникновение постоянных аулов. Как писал об этом В.В. Радлов, «черные киргизы (или "кара-киргизы", как называли киргизов в XIX – начале XX вв. – *В.Б., В.Ф.*) начали изменять расположение своих юрт и стали делиться на аулы совершенно так же, как казаки (казахи. – *В.Б., В.Ф.*)»[2]. Уже на этом этапе административные аулы частично были преобразованы: из их состава была выделена Исфанейская волость. Аулов у киргизов стало три, а число юрт составило 2197 при численности жителей в 10 358 чел.

Отмеченная тенденция получила качественное развитие уже к 1904 г., когда в связи с частичным оседанием киргизов и их переходом на стационарное жилище число селений в регионе возросло до 22, а зимовки были превращены в 24 локальных аула, население которых продолжало жить в юртах. Это свидетельствовало о развертывании процесса оседания скотоводов, что подтверждалось существенным расширением площадей запахиваемых земель и изменением состава сельскохозяйственных культур, в частности, появлением нехарактерных для кочевого рациона овощей при сохранении основных площадей под зерновыми и кормовыми культурами, прежде всего люцерной[3].

В административном плане все это сопровождалось полной реорганизацией административных аулов в Исфанейскую, Боксасебергенскую и Чепкуллукскую волости. К этому же времени численность оседлого населения достигла 13 156 человек, причем около 2000 из них составляли, по-видимому, перешедшие к оседлости киргизы.

Окончательное завершение процесса оседания киргизов-скотоводов приходится в исследуемом регионе на начало 1920-х гг., когда здесь возникли 56 селений. Правда, в это время из-за гражданской войны, которая охватила Фергану в 1916–1920-х гг. и сопровождавшего ее ухудшения социально-экономической ситуации снизилась, и весьма существенно, общая численность населения, как и общее число хозяйств. К 1926 г. нормальное течение жизни восстановилось, в этом году число хозяйств в регионе возросло более чем вдвое, до 4705, как за счет вновь образованных домовладений, так и за счет вернувшихся в места постоянного проживания жителей, а численность населения составила 19 414 человек (см. табл. 1, 2). В 1926 г. было учтено 65 селений, т.е. за 55 лет (с момента сбора первых статистических сведений) общее число населенных пунктов в результате оседания киргизов выросло в полтора раза. Заметим, что одновременно с возникновением новых селений сформировалась и новая система зимовок, однако последние в дальнейшем уже не учитывались переписями.

Представляется весьма продуктивным рассмотреть и среднюю численность членов отдельных хозяйств (семей). Если в 1870 г. еще не существовало подушного учета и численность хозяйств как оседло-земледельческого, так и скотоводческого населения условно принималась равной пяти членам, то с конца 1880-х гг. такой учет появился. Анализируя имеющиеся данные, мы видим, что в конце XIX в. наблюдается постепенный рост численности членов отдельных хозяйств, связанный, несомненно, как с увеличением темпов естественного прироста населения, так и с традиционной затрудненностью раздела хозяйств по экономическим и морально-этическим соображениям. Хотя этот процесс в исследуемом районе начался раньше у оседлого населения, к началу следующего столетия скотоводы по этому показателю перегнали земледельцев: средняя численность одного хозяйства составила у них несколько более девяти человек против 7,36 человек у оседлых земледельцев. Одним из авторов настоящей статьи уже был сделан в связи с этим вывод, что первичные родовые структуры у оседлого населения Туркестанского края в начале XX в. достигли своей максимальной численной величины и их дальнейшее развитие могло идти только по пути деления и сни-

жения числа их членов[4]. По мере завершения процесса перехода от кочевого к оседлому образу жизни в среде киргизов начинают проявляться те же закономерности, которые были присущи оседлым земледельцам.

Рассмотрим вкратце и изменения в темпах естественного воспроизводства населения в период 1870–1926 гг. В 1871–1888 гг. они составили 0,58% в год у земледельцев, что отражало естественную динамику рождений и смертей. У киргизской же части населения этот показатель составил 7,9%, что, видимо, указывает на существенные размеры миграций извне в этот отрезок времени. Не исключено, что происходило переселение сюда родственных групп, кочевавших прежде за пределами Туркестанского генерал-губернаторства. Возможно, однако, что столь высокие темпы прироста кочевого населения связаны отчасти с улучшением статистического его учета.

На рубеже 1880–1890-х гг. темпы воспроизводства населения у земледельцев и у скотоводов юго-западной горной Ферганы составляют соответственно 0,74 и 0,6% ежегодно, что в целом соответствует общеферганским показателям. Во второй же половине 1890-х гг. темпы прироста у оседлого населения становятся отрицательными, тогда как тот же показатель у киргизов возрастает до 2,8% в год. Это свидетельствует, возможно, о довольно масштабных миграциях узбекского и таджикского населения района. Об этом говорят, в частности, этнографические опросы в некоторых кишлаках Ходжентского (Калачи-Авчи) и Ганчинского (Басманда) районов Согдийской области Таджикистана, где живут потомки этих переселенцев.

Демографические показатели 1899–1904 гг., несомненно, отражают специфику социальных процессов, о которых говорилось выше. В результате оседания значительной массы киргизов в этот период среднегодовой прирост для оседлых земледельцев составил почти 56%, при том, что прирост собственно скотоводческого населения держался на уровне 2,2% ежегодно. По-видимому, те же тенденции развития этнодемографических процессов имели место и в 1905–1916-х гг., о которых достоверных статистических сведений нет.

Перепись 1925 г. фиксирует демографическую ситуацию начала 1920-х годов, которая характеризовалась резким уменьшением численности населения и, соответственно, отрицательными показателями прироста. Перепись же 1926 г. показывает увеличение местного населения почти в два раза по сравнению с предыдущим годом, что однозначно свидетельствует о важнейшем событии – возвращении почти половины жителей в родные селе-

ния. А это вполне соответствует аналогичным процессам в других районах Ферганской долины.

Сводный показатель ежегодного прироста населения юго-западной горной Ферганы за 55 лет (с 1871 по 1926 г.) в 3,4% является довольно стандартным для Туркестанского края и свидетельствует, во-первых, о возрастании темпов естественного воспроизводства населения при российском правлении и, во-вторых, об определенном значении миграций извне как одного из факторов увеличения местного населения.

Наконец, мы рассмотрим вопрос, сохранилась ли прежняя поселенческая структура Ляйлякского района до наших дней. Из 12 селений, существовавших в 1870 г., сохранились все, тогда как из 35 зимовок до нашего времени дожили 17, которые превратились в селения. Из 46 населенных пунктов, зафиксированных в 1904–1905 гг., сохранились 36, а из 65 селений, которые были отмечены переписью 1926 г., сохранились 47. Следовательно, можно утверждать, что современная поселенческая структура исследуемой территории в основном сформировалась лишь к концу первой четверти XX в. За этот же период численность населения Ляйлякского района выросла почти в три раза. Увеличилось число жителей в селениях. Опережающими темпами развивался районный центр Исфана, который в настоящее время делится уже на 11 отдельных кварталов-махалля. Возник крупный экономический центр Сулюкта, население которого было многонациональным с первых лет его существования (если в 1904 г. население Сулюкты как рабочего поселка состояло из 1736 русских рабочих, то в 1926 г. оно насчитывало 418 русских, 66 таджиков, 55 узбеков, 2 казаха, 205 татар и, что особенно следует подчеркнуть, 449 киргизов).

В заключение отметим, что высокие темпы роста населения, сохраняющиеся до последних лет, привели к тому, что численность населения на всей территории современного Кыргызстана по сравнению с 1870 г. возросла к 1990 г. в 7,2 раза, тогда как на территории современного Узбекистана и Туркменистана – в 6,5 раза, Таджикистана – в 10,2 раза; в Казахстане население увеличилось так же, как в Кыргызстане[5]. Примерное совпадение этих цифр свидетельствует о том, что демографическое развитие юго-западной горной Ферганы может считаться вполне эталонным для многих традиционно скотоводческих регионов Средней Азии, а не только для Баткенской области.

Таблица 1

Численность оседлого и скотоводческого населения Ляйлякского района Баткенской области Кыргызстана в 1870–1926 годах

Годы	Земледельцы (хоз./жит.)	Скотоводы (хоз./жит.)	Всего (хоз./жит.)
1870	636 3180	728 3640	1364 6820
1888	746 3510	1766 8830	2512 12 340
1893	733 3640	1819 9095	2552 12 735
1898	628 3376	2197 10 358	2825 13 734
1904	1997 13 156	1644 12 791	3641 22 947
1925	2284 9794	–	2284 9794
1926	4705 19 414	–	4705 19 414
Процент прироста	739,8 610,5	225,8 407,8	344,9 284,7

Таблица 2

Число населенных пунктов в 1870–1926 годах

Годы	Селения	Зимовки	Аулы	Всего
1870	12	35	–	47
1888	12	40	–	52
1893	12	?	3	15
1898	12	?	3	15
1904	22	–	24	46
1925	56	–	–	56
1926	65	–	65	–

[1] *Кушакевич А.А.* Аулы, урочища и кишлаки, в которых расположены зимовые стойбища кочевников Ходжентского уезда // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1872. Вып. 1. С. 26–35; *Он же.* Кишлаки Ходжентского уезда // Там же. С. 36–48; *Он же.* О населенных местах Ходжентского уезда // Там же. С. 58–59. *Он же.* Кочевое население Ходжентского уезда // Там же. С. 68.

[2] *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 348.

[3] *Лыкошин Н.С.* Чапкуллукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области. Опыт исследования экономических и бытовых условий жизни ее населения // Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1906. Т. 8. С. 187.

[4] *Бушков В.И.* Таджикский авлод тысячелетия спустя // Восток. 1991. № 5. С.76–77; *Он же.* Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. Рукопись канд. диссертации. М., 1988. Прил. Табл. 10.

[5] *Он же.* Водные проблемы центральноазиатского региона // Центральная Азия. 1998. № 1 (13). С. 69.

Й. Расанаягам

ЭТНИЧНОСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОНЯТИЕ "ОБЩИНА" В УЗБЕКИСТАНЕ

"Наш выбор пути перехода к рыночной экономике основан в значительной степени на национальном и историческом факторах с учетом традиционного образа жизни народа, его мышления, миропонимания, обычаев и традиций. Издревле народу Узбекистана была свойственна общинная форма социальной организации, которая укоренилась в его традиционном образе жизни. Это выражается в том, что первостепенное значение придается интересам семьи и общины, а также бережному сохранению и укреплению такого социального института как махалля, который сыграл огромную роль в формировании всей социальной структуры общества... Саму Республику можно рассматривать как общину, как большую семью, где благополучие каждого в отдельности зависит от взаимоуважения, порядка и преданности общим интересам, то есть как систему, где неформальные социальные отношения проникнуты духом этнической солидарности" (Ислам Каримов)[1].

С достижением Узбекистаном независимости, центральные власти пытаются использовать идеи "узбекской традиции" и "узбекскости" ("узбекчилик") в качестве оправдания и источника легитимности для существующей политики и правопорядка. В своей статье о государственной идеологии и проблемах этничности в Ферганской долине мне бы хотелось рассмотреть взаимоотношение и взаимовлияние государственной идеологии и моральных норм представителей местных общин. Эта статья основана на материалах, собранных мною в Андижанском вилояте (области) Узбекистана с сентября 1998 по июль 2000 г. Необходимо отметить, что полевые работы проводились преимущественно среди узбекского населения в городе Андижане и близлежащих кишлаках.

Большинство аналитиков признают, что существующие национальные границы государств Средней Азии были навязаны советской властью в 1920-х гг. Многие специалисты также указывают на искусственное насаждение национального деления

между "узбеками", "киргизами", "казахами" и другими этническими группами. По мнению аналитиков, подобное деление, приписываемое русскими колониальными и советскими властями местному населению, заменило прежние формы родовой и территориальной принадлежности[2]. Советская национальная политика основывалась на идее, что каждый народ представляет собой устойчивую общность, связанную одним языком, культурой и территориальной принадлежностью, и что национальное развитие может быть представлено в виде линейного процесса: род–племя–племенной союз–народность–народ–нация[3]. Основываясь на этой шкале и в зависимости от уровня развития, различным группам присваивались определенная национальная принадлежность и соответствующий административный статус. Намерением советских властей было не столько создание независимых национальных государств, сколько создание национальных субъектов, политически и экономически зависимых от центра.

Аналитики утверждают, что руководители государств постсоветской Средней Азии сохранили концепцию национального государства, унаследованную со времен советского правления, где специфическая этническая группа, связанная общим языком, культурой и историей, ассоциируется с определенными территориальными границами. Лидеры национальных государств лишь заменили социалистическую марксистскую идеологию этническим национализмом[4].

Однако мы не можем ограничиться подобным анализом. Если Узбекистан как государство и узбеки как этническая группа – сравнительно недавние творения колониальных, а потом советских властей, то в какой степени узбекистанцы поддерживают и признают современную государственную идеологию, основанную на идее "узбекчилик"? Если современное руководство обращается к этническому национализму как источнику легитимности своей политики, какой резонанс оно создает среди населения? Чтобы ответить на данные вопросы, необходимо рассмотреть местные концепции самосознания и общины и то, как государство представляется на местном уровне. Я убежден, что, когда государственные власти обращаются к идее узбекской традиции и идеалу узбекской общины, они используют моральные категории и символы, содержательные и близкие для большей части населения.

При рассмотрении взаимоотношений между национальными правительствами и населением многие авторы отмечают "традиционный" характер среднеазиатских обществ[5]. Одним словом, аргумент традиционализма приводит к выводу, что попытки советской власти модернизировать среднеазиатские общества не

искоренили, а в какой-то мере даже и укрепили доколониальные формы связей, основанных на принадлежности к роду, племени, махалле или местному региону. В политическом контексте, эти традиционные связи принимают форму иерархичной структуры власти – "патрон–клиент". В основании такой структуры находится семья и местные соседства, на вершине – национальное руководство. Этот вопрос наиболее четко осветил Рой, который утверждает, что досоветские общинные образования (на которые он ссылается как на группы солидарности, или "solidarity groups") были реконструированы в советском контексте[6]. Советские правительственные административные структуры и коммунистическая партия были вновь "заселены" местной элитой. Эта элита использовала свои позиции как лестницу для социального и политического продвижения в рамках традиционной клиентной и иерархичной структур власти, опирающихся на региональные клики и альянсы господствующих семей. На местном уровне колхозы становились "группами солидарности", состоящими из махаллинских образований и родовых групп. Махаллинские образования были воссозданы в качестве структурных подразделений внутри колхоза и выступали в роли посредников между членами колхоза и государством, обеспечивая для первых доступ к ресурсам.

Выводы, построенные на аргументе традиционализма, помогают понять региональный характер группировок и альянсов в высших политических кругах, а также роль государственных чиновников и руководителей государственных предприятий в качестве посредников во взаимоотношениях между государством и обществом. Однако упускается из вида существенная часть реальной жизненной практики людей, опыт взаимодействия населения с государством и то, каким оно (государство) представляется на местном уровне. Роль людей сводится к выполнению функций членов общины в строго определенных рамках, занимающих определенную позицию в системе иерархии властных отношений. В данной статье я хочу рассмотреть взаимоотношения между руководящей элитой и населением региона через призму государственной идеологии.

Херцфелд описывает взаимоотношения между государственной идеологией и тем, как люди представляют себя в качестве национальной группы[7]. Он развил концепцию "культурной интимности", которая является системой стереотипов, представлений национальности о себе и приписываемых себе национальных качеств. Понятие "культурной интимности" включает в себя собирательные мифы о "золотом прошлом". Стоящие у власти инкорпорируют эти мифы в официальную

идеологию для придания легитимности правящим кругам и их господствующей позиции. Однако другие социальные участники могут интерпретировать их иначе, чем официальная идеология в рамках собственных проектов. Когда власти Узбекистана аппелируют к концепции "узбекской традиции" и идее узбекской общины как модели для государства и существующего правопорядка, они используют понятия, реально существующие на местном уровне. Они пытаются привлечь местные концепции для поддержания и оправдания собственных целей. В данной статье будут рассмотрены подобные взаимоотношения властей и местных идеологий.

В первой части будут рассмотрены составные элементы государственной идеологии, описанные в многочисленных работах президента Каримова. Вторая часть посвящена тому, что составляет понятие общины в Ферганской долине и каким образом в нее может быть инкорпорировано государство. В заключительной части будет рассмотрено, в каких случаях государство воспринимается на местном уровне как большая община и в каких, наоборот, помещается за рамки общины как ресурс, который следует использовать, или как нежелательное проявление власти, которого следует избегать.

Институт государства в рамках официальной идеологии

Власти зачастую обращаются к образам семьи и общины как к модели для государственного устройства и оправдания существующей политики. В рамках официальной идеологии готовность индивидуума работать в своих интересах и на благо своей семьи интерпретируется как вклад граждан в благополучие всего государства. Преданность семье, родственникам и соседям приравнивается к патриотизму и поддержке независимого Узбекистана[8]. Государство представлено как большая семья или община, где все ее члены выполняют предписанные им обязанности и заботятся о благополучии друг друга. Президент Каримов заявил, что сильная исполнительная президентская власть необходима для защиты демократических идеалов и свобод личности. Официальная идеология пытается получить поддержку авторитарной власти, ассоциируя образ государства с образом семьи, где авторитарный, но благожелательный глава семьи единолично принимает решения для общего блага при всеобщей поддержке и солидарности ее членов.

Официальная идеология имеет сильную национальную окраску, и, наряду с идеалами узбекской семьи и общины, власти часто ссылаются на так называемые само-стереотипы, например, на гостеприимство и трудолюбие узбекского народа и на идею "узбекчилик". Власти поощряют возрождение узбекского языка и утверждение узбекского самосознания. Со ссылкой на благодушие и традиционное гостеприимство узбекского народа власти заявляют о том, что всему неузбекскому населению (которое представлено более чем 120 национальностями) будут гарантированы свобода и равенство.

"В то время как закон и экономика обеспечивают всех равными возможностями, человечность, доброта, терпимость, взаимоуважение и сострадание, присущие узбекскому народу, "узбекскость", известная всем на протяжении веков, – вот что создает атмосферу доброжелательности и уверенности" (Ислам Каримов).

Институт местного самоуправления махалли также служит государственным целям.

"Наш народ имеет такие традиционные рычаги стабильности общества, как семья и махалля – основы нашего менталитета. Семья и махалля позволяют людям эффективно решать проблемы сложного переходного периода и сохранять непрерывность прошлого и настоящего" (Ислам Каримов).

Махалля рассматривается государственными структурами как средство общения и доступа к гражданам, как средство для распределения социальной помощи нуждающимся семьям, доступ к информации и популяризации государственной политики.

История, география и "естественный порядок" инкорпорированны в концепцию "узбекчилик". Утверждается, что частное землевладение экономически и практически нереально в Узбекистане, где земледелие зависит от сложной ирригационной системы, функционирование которой может быть обеспечено только на государственном уровне. История и религия используются для поддержания аргумента, что частное землевладение чуждо мусульманскому населению Средней Азии и что, в соответствии с исламскими законами, контроль над землей ограничивается правами на временное владение с обязательством ее эффективного использования. Свободная продажа земли характеризуется властями как форма "экономического порабощения", введенного в Средней Азии во времена колонизации царской Россией[9] в противоположность "народному образу мышления".

Нынешнее руководство обвиняет Советскую власть в игнорировании специфических местных условий и создании зависимости и застоя в развитии республики. В противополож-

ность этому подходу свободная рыночная экономика, на которую якобы ориентирована современная политика, функционирует в согласии с "естественными законами", игнорировавшимися в прошлом, и создает условия для процветания естественной трудолюбивой натуры узбеков. Свободный рынок поощряется как неизбежный этап в развитии "цивилизованной" нации, хотя утверждается, что "цивилизованный" рынок предполагает определенную степень государственного контроля для защиты социально уязвимых членов общества. "Цивилизованный" рынок основан также на ценностях узбекской культуры, духовного наследия и возрождении узбекского национального самосознания[10].

Целью данной статьи является не оценка эффективности или "правильности" государственной политики Узбекистана, а рассмотрение определенных элементов этой политики. Институт государства, представляемый официальной идеологией, построен на уже существующих идеалах и понятиях, которые интерпретируются таким образом, чтобы обеспечить поддержку политической программы центрального правительства. Таким образом, проводятся параллели между семьей (или общиной) и государством, где глава семьи, президент Каримов, единолично принимает решения во благо всех членов семьи. Природные ресурсы и богатства являются общей собственностью всех членов семьи, глава семьи распределяет эти ресурсы, а готовность членов семьи трудиться на общее благо интерпретируется как патриотизм и выражение поддержки народу во главе с его Президентом. Инкорпорируя институт семьи и махалли в идею "узбекчилик", а также обращаясь к местным моральным ценностям и идеалам общины, элементам истории и свободному рынку, центральное правительство пытается использовать эти концепции как средство внедрения официальной политики и придания легитимности государству в его настоящей форме.

Как отмечает Херцфелд, официальные идеологии претендуют на вечную и всеобщую истину, хотя и являются "стратегическими приспособлениями к требованиям исторического момента"[11]. Население осознает этот факт и использует тот же язык и образы для осуществления собственных целей. В следующей главе мне хотелось бы рассмотреть, понятие общины на местном уровне и установить, в каких ситуациях государство воспринимается в качестве общины, как преподносится в официальной идеологии и когда она рассматривается как нечто, насаждаемое извне, что может быть использовано в частных целях или столкновения с чем следует избегать.

Местные концепции общины[12]

Водитель кишлака, где я проводил свои полевые исследования, работает на приватизированном, бывшем государственном предприятии. Он сравнил свое домохозяйство с мини-махаллей. У него четверо сыновей, в возрасте от 25 до 32 лет. Три старших сына женаты, замужняя дочь живет в семье мужа. Все сыновья, за исключением старшего, имеющего дом и живущего отдельно, живут с отцом. После женитьбы троим сыновьям колхоз выделил приусадебные участки размером в десять соток каждому. Двое сыновей работают на собственной пекарне, третий занимается постройкой частных домов, а младший работает преподавателем института в городе Андижане. Доход всех сыновей, живущих в родительском доме, вносится в общий бюджет, контролируемый отцом семейства. Старший сын, живущий отдельно, также продолжает вносить часть своего дохода в общий бюджет. Водитель сравнил свою обширную семью с махаллей, так как все члены семьи, их доход, деятельность, заработки и земельные участки, выделенные сыновьям, – все это составляет одну социальную единицу. Житель кишлака проводит аналогию между взаимоотношениями, существующими внутри его обширного хозяйства, и махаллей, подразумевая под последней арену для общественного взаимодействия и сотрудничества[13]. Хотелось бы отметить, что существует понятие своего рода "идеальной общины", где господствует принцип "от каждого по способностям и каждому по потребностям", где каждый принимает активное участие в ее жизнедеятельности. Это и есть идеал семьи и общины, активно используемый в рамках официальной идеологии.

Говоря о социальном взаимодействии за пределами домашнего хозяйства, необходимо отметить разницу между ситуациями, где вклад в общий бюджет равен извлекаемой выгоде и где вносимый вклад и извлекаемая выгода основаны на способностях и потребностях членов общины. Сначала мне хотелось бы рассмотреть первый случай. "Черная касса" – это форма поочередного кредита, где члены группы регулярно вносят фиксированную сумму денег в общую кассу, а затем по очереди единовременно получают всю сумму. Подобные группы, с которыми сталкивался я, в основном состояли из коллег по работе. Чтобы компенсировать высокий рост инфляции, сумма вклада обычно вычислялась по стоимости определенного количества говядины на тот период, хотя в одной группе в качестве подобной меры была взята стоимость телевизора определенной марки.

"Гап" – другое собрание, сходное с "черной кассой", но имеющее более социальный характер. Гап – это мероприятие, где

группа коллег по работе, родственников, друзей по учебе, встречаются регулярно за праздничным ужином. Каждый из участников группы по очереди приглашает всех к себе домой (или в ресторан) и организовывает праздничный стол. Такие собрания обычно включают представителей одного пола, но могут быть и смешанными. В некоторых случаях участники собирают деньги в помощь организатору мероприятия. В основном этих денег достаточно чтобы покрыть расходы на продукты, но иногда эта сумма может превышать необходимые затраты. В таком случае гап также служит формой поочередного кредита, что особенно характерно для женских групп[14]. Несмотря на это, гап в первую очередь является актом коллективного потребления и общения и, как и в случае с "черной кассой", все участники вносят равный вклад.

Многие социальные взаимодействия за пределами домашнего хозяйства являются двусторонними и носят характер обмена, будь то обмен продуктами питания или другими предметами хозяйства между соседями и родней. Стоимость предметов обмена в случае с такими продуктами, как мясо и мука, тщательно вычисляется и возвращается в эквиваленте. Гап и "черная касса" не являются двусторонними и не носят характера обмена. Скорее, они представляют собой круг взаимодействия, где участники разделяют общее потребление и общение.

В противоположность ранее описанным формам социального взаимодействия, основанным на равном вкладе участников, в определенных случаях участники вносят вклад в общий проект по мере своих возможностей и получают выгоду наравне со всеми, независимо от размера вклада. За год до моего приезда в кишлак Камол-ака, отец самого крупного частного фермера в кишлаке, организовал асфальтирование главной дороги. Вначале он безуспешно пытался уговорить аксакала (главу махалли), муллу и других старожилов махалли использовать на это предприятие деньги, собранные на ремонт мечети. В свое время эти деньги так и не были использованы для ремонта, так как мечеть была закрыта правительственными властями в ответ на активизацию исламского экстремистского движения[15]. Когда ему было отказано в деньгах, Камол-ака собрал деньги у тех, чьи дома расположены вдоль дороги (Камол-ака является одним из них), а также у жителей двух других махаллей, которым было выгодно асфальтирование дороги. Каждая семья внесла столько, сколько смогла. Камол-ака внес 10 тыс. сумов, зажиточный фармацевт дал 5 тыс. сумов, другие семьи внесли по 2 тыс. и меньше. Камол-ака договорился о материалах с местным заводом, а трактора были предоставлены колхозом. Впоследствии Камол-ака пытался

заручиться поддержкой жителей махалли на использование денег, собранных когда-то на ремонт мечети, для асфальтирования остальных дорог. К этому времени он уже договорился с руководством колхоза о предоставлении трактора, оплате горючего и выплате заработной платы трактористам. Все участники проекта, включая колхоз, сделали вклад в силу своих возможностей, тогда как выгоду от предприятия получили все в равной степени.

Деньги – не единственное средство обмена или вклада в подобного рода предприятия. "Хашар", безвозмездный трудовой вклад в производственный или строительный проект другого хозяйства, – довольно частое явление в махалле. Типичный случай – помощь в строительстве дома. Жители кишлака утверждают, что в советские времена вся махалля или кишлак помогали в строительстве частных жилых домов, и организовывалось это в основном аксакалом махалли. В настоящее время только люди, поддерживающие тесные социальные связи друг с другом, готовы помогать в подобных строительствах. По словам жителей, у людей гораздо меньше свободного времени, так как зарабатывание средств на жизнь отнимает больше сил и энергии, чем прежде. Хашар также используется для привлечения помощи при работе на частных земельных участках, при этом участники хашара обычно тесно связаны с владельцем участка. Хозяин участка, как правило, обеспечивает работников питанием, и, если урожай собран, они могут получить определенную долю урожая, хотя размер ее не связан с количеством вложенного труда. Те же правила применимы и в случае, когда урожай собирается для продажи на рынке. Обычно участники помогают "хозяину" хашара безвозмездно, но я сталкивался со случаями, где труд оплачивался, хотя и по расценкам гораздо ниже рыночных.

Таким образом, можно выделить сферу социального взаимодействия, отмеченную принципами общественного участия, вклада и потребления. Эти сферы, которые я бы назвал "кругами общественного участия", могут быть достаточно константными на протяжении времени, как, например, домашнее хозяйство, или же могут быть задействованы в течение определенного промежутка времени, как в случае с асфальтированием дороги. В обоих случаях круг участников определяется целью и характером предпринимаемого проекта, где колхоз, государственные учреждения и само государство могут быть включены (или являются составной частью) в круг общественного участия. Жители кишлака считают, что колхоз является общественным ресурсом, учреждением с моральным обязательством заботиться о благе всей общины, а не отдельных ее представителей. Один из жителей кишлака осудил частных коммерческих фермеров за то, что кол-

хозная прежде земля (зачастую огромные площади) попадает под частный контроль одного фермера. Другой житель утверждал, что колхоз является коллективным только "на бумаге", в реальности же у него нет средств, чтобы помогать населению или выплачивать зарплату, это не настоящее коллективное хозяйство, потому что администрация забирает весь доход себе. "Мы тоже являемся частью колхоза", – высказал другое мнение учитель школы, использующий колхозный комбайн для сбора пшеницы, выращенной на его земельном участке.

В прошлом колхоз действительно выполнял вышеупомянутые функции. В советский период он обеспечивал кишлак электричеством, газом, строил дороги и школы, тогда как государство платило заработную плату учителям и обеспечивало колхоз оборудованием. В настоящее время, даже не имея достаточных ресурсов для поддержания инфраструктуры, колхоз помогает кишлаку, где может. Колхоз выделяет землю под частные земельные участки для каждого постоянного жителя кишлака независимо от того, является ли житель работником колхоза или нет, а также безвозмездно обеспечивает население поливной водой. В прошлом колхоз выделял землю под строительство коммунальных структур, таких, как мечети и кладбища. Я уже описывал, каким образом колхоз участвует в коммунальных проектах, таких, например, как асфальтирование дорог, т.е. в проектах, входивших в прошлом в его обязанности. В настоящее время из-за нехватки ресурсов колхоз не в состоянии осуществлять подобные проекты на собственные средства. Несмотря на это, местный колхоз спонсирует культурные и спортивные мероприятия, хотя и в гораздо меньшем масштабе, чем в прошлом. В период моего пребывания в кишлаке колхоз выделил деньги для призового фонда футбольного соревнования и организовал концерт в одной из местных школ.

Институты социального обслуживания, такие, как школа или медицинские учреждения, также могут быть включены в круги общественного участия. Состоятельные жители поддерживают эти учреждения в финансовом плане, как делал это в прошлом колхоз. Когда местная школа обратилась к родителям с просьбой внести по 100 сумов на ремонт здания, Камол-ака, зажиточный фермер, и другой состоятельный предприниматель внесли по 10 тыс. каждый. Подобным же образом каждое хозяйство внесло деньги на ремонт местного лечебного центра. Частное спонсорство государственных учреждений существует не только в селе. В соседнем городе есть школа, финансируемая двумя владельцами местных заводов, один из которых в дополнение отремонтировал другую школу на свои средства. Предприниматель, арендующий офисное помещение в одной из городских школ, заявил что он помогает школе с ремонтом, так как она является "бюджетной". Используя слово "бюджетный", он хотел подчеркнуть, что школе не хватает финансовых средств и, следовательно, она является подходящим объектом для частной благотворительности. Подобное спонсорство учреждений или проектов, направленных на общественное благо, расценивается как моральное обязательство со стороны состоятельных индивидуумов и как выражение их поддержки и участия в жизни общины.

Государство как структура, включающая в себя государственные учреждения, такие, как школы и больницы, иерархию государственной администрации и домашних хозяйств, может концептуально составлять круг общественного участия. Я присутствовал при разговоре ножевщика, мастера по изготовлению традиционных ножей, и учителя местной школы, где первый сожалел о том, что он никогда не работал "для общества", имея в виду работу в колхозе, школе или другом государственном учреждении. Он всегда занимался частной деятельностью и работал только на себя. Позже, когда я затронул эту тему в разговоре с учителем, он сказал, что некоторые люди в кишлаке работают только на себя, например, держат коров, не платят налоги государству и ни о ком, кроме себя, не заботятся. Разведение скота – своего рода инвестиции, способ накопления капитала, и этим занимаются многие жители кишлака, в том числе и сам учитель. Однако этот вид деятельности не требует особого участия извне и может быть предпринят одним хозяйством. Отсюда можно предположить, что учитель использовал пример разведения скота как метафору коммерческой деятельности, которая не приносит пользы общине в целом и не требует особого взаимодействия с ней. Интересен тот факт, что и ножевой мастер, и учитель рассматривали службу в государственном учреждении и оплату налогов как вклад в общество. Сбор налогов позволяет государству выплачивать заработную плату, пенсии и оказывать другую социальную помощь.

Главной чертой кругов общественного участия является то, что цели проектов отвечают материальным интересам их участников, и чем актуальнее цели проекта для участников, тем сильнее чувство принадлежности к единому кругу потребления, производства и расходов. Группа семей, участвовавших в строительстве дороги, представляют собой гораздо более очевидный круг общественного участия в плане вклада средств, труда и времени, чем колхоз, который призван функционировать во благо общины, или более обобщенная идея о том, что работа в общественном секторе и уплата налогов является формой вклада в общество. Колхоз и государственные учреждения (школы или больницы) включаются в

круг общественного участия в более конкретном виде, когда они являются объектами проекта, приносящими непосредственную выгоду участникам, как в случае с ремонтом школы или выделением колхозом средств для асфальтирования дороги.

Материальная выгода не единственный фактор, объединяющий участников. Круги общественного участия могут быть задействованы и в социальном контексте, где активное участие в жизни общины представляет ценность. Люди добиваются уважения среди жителей кишлака, внося вклад в деятельность общины. Ожидается, что состоятельные жители должны делать больше пожертвований на благо общины, чем люди победнее, причем сам факт пожертвования важнее, чем его размер. Пожертвования на общее благо не обязательно принимают форму финансового вклада. Учитель, говоривший о работе на благо общества, сказал, что для него работа на благо общества – это общение и сотрудничество с коллегами на работе и, при возможности, оказание помощи его соседям. Он упомянул своего соседа, который был слишком беден, чтобы давать деньги на общественные мероприятия, но всегда был готов помочь трудом или советом, т.е. активно участвовал в жизни общины и поэтому был уважаем. Преуспевающий торговец пользовался уважением жителей кишлака потому, что всегда был готов внести долю в общественные проекты, тогда как зажиточного фермера осуждали за то, что он стал участвовать в общественных мероприятиях только после паломничества в Мекку, тогда как прежде он заботился только о себе и своей семье. Тех, кто "только держит коров", осуждают не только потому, что они не платят налоги, но и за то, что они "заботятся только о своих коровах" и не принимают участия в жизни общины.

Одним из способов осмысления концепции "круга общественного участия" является рассмотрение ее как идеальной модели той структуры, которая существует на нескольких уровнях одновременно. Она существует как идея о том, что собой представляют взаимоотношения членов общины и что составляет общину. В то же время категории домашнего хозяйства, махалли и государства существуют как институционные формы независимо от того, какими их видит индивидуум на местном уровне. Домашнее хозяйство – это семейная единица, которая существует как единый институт потребления и расходов, махалля – территориальная единица, колхоз – сельскохозяйственное предприятие, исполняющее государственные планы поставки и, наконец, государство – институт, состоящий из законодательных, исполнительных и судебных органов. Все эти институты могут быть представлены как общины, в которых люди принимают активное участие через круги общественного взаимодействия. Это также применимо к менее институционным группам друзей, соседей, бывших одноклассников и т.д. в контексте хашара или общественного проекта.

Самосознание людей как членов общины включает в себя их представления о себе, как об узбеках. Возможно, потому, что я был человеком посторонним, в разговорах со мной местные жители часто указывали на особые качества узбеков, такие, как трудолюбие и гостеприимство. Обычно во время еды хозяева неоднократно просят гостей кушать больше и больше. Они часто шутят над этим, говоря, что, например, киргизы предлагают еду гостям только раз. Наливая чаю, хозяева иногда спрашивали меня, хочу ли я чаю по-русски или по-узбекски, имея в виду полную чашку, как наливают русские, или неполную чашку, что у узбеков является выражением уважения к гостю. Хотя все это произносилось в шутливом тоне, тем не менее чувствовалась скрытая гордость и чувство отличия от других.

Говоря о трудолюбивой натуре узбеков, особенно тех, что из Андижанской области, один предприниматель сказал что "люди трудятся, как муравьи, и никогда не перестают работать" и что каждый, от хокима (руководителя области) до простого жителя, вовлечен в частное предпринимательство. Он утверждал, что жители Ферганской долины более трудолюбивы, чем представители других частей страны. "В Каракалпакстане, если затопит поле, то его так и оставят лежать, а у нас его осушат и вырастят урожай". Другой предприниматель мне сказал, что "деньги в России лежат на земле", но люди не знают, как этим пользоваться. В Узбекистане же, наоборот, люди готовы заниматься предпринимательством даже на самом примитивном уровне. Узбеки, например, будут собирать бутылки и сдавать их, тогда как "русские этим заниматься не станут"*.

Включение людей в ту или иную общину обусловлено их "образом жизни" в соответствии с нормами и ценностями данной общины[16]. Проведение обрядов женитьбы с привлечением представителей махалли, принятие активного участия в общественных мероприятиях и "правильное" поведение и поступки выражают принадлежность личности к той или иной общине. В рамках официальной идеологии государственные власти пытаются создать государство по модели большой общины, внутри которой люди обязаны принимать активное участие в ее деятельности. Эта модель строится на местных идеалах общины и идее о том, что значит быть узбеком. Местные представления о себе как о трудолюбивых и гостеприимных людях находят от-

* Это утверждение автора неверно. – *Отв. ред.*

ражение в государственной идеологии наряду с идеализированными представлениями об обширной семье и общине.

В этой главе я обосновывал идею о том, что государство на самом деле может быть представлено на местном уровне как обширная община через включение ее в круг общественного участия. Однако это не единственный образ государства, существующий на местном уровне. В бытовом контексте государство интерпретируется по-разному, как нечто, что можно использовать как ресурс, или как нечто, чего следует избегать как нежелательного столкновения с властями. В заключительной главе мне хотелось бы рассмотреть ситуации, когда государство на местном уровне помещается внутри границ общины и в определенных случаях выносится за ее пределы.

Государство – большая община?

Гупта утверждал, что общественная дискуссия о коррупции – это та арена, где формируются представления о том, что есть государство и что значит быть гражданином[17]. То, как люди рассуждают о коррупции, что они считают коррупцией и по каким моральным категориям они определяют акты коррупции, независимо от формальной юридической оценки, – важно для понимания того, как люди представляют пределы института государства и личности. Очень трудно выявить наиболее распространенное мнение о коррупции из-за разнообразия индивидуальных точек зрений. Опрошенные индивидуумы выразили множество противоречивых мнений в оценке одних и тех же действий. Принимая это в расчет, я рассмотрю моральные представления о том, что есть коррупция, через опыт и мнения одного человека – Тохирджона, учителя местной школы.

Злоупотребление властью и положением официальными лицами часто рассматривается как коррупция, наносящая вред не только личности, ставшей ее объектом, но и государству в целом. При разговоре с группой жителей один из собеседников упомянул, как одному из присутствующих фермеров пришлось заплатить тонну пшеницы местному суду, чтобы избежать обвинительного приговора и тюрьмы. Один из жителей заявил, что представители властей сами являются мафией, если они крадут у государства. Разговор зашел о том, как официальные лица занимаются приписками, и Тохирджон сказал: "На Западе никому не нужна фальшивая информация, а нам здесь нужна. Поэтому в магазинах нет ни масла, ни муки". Тохирджон осудил непотизм при приеме на работу и продвижении по службе на местном хлопкоперерабатывающем заводе. Он сказал, что подобного рода коррупция мешает развитию страны и назвал взяточничество национальной болезнью. Мнение о том, что алчность чиновников – это коррупция, наносящая вред стране, было высказано многими. Учитель истории обвинил руководителей колхоза в присвоении всех прибылей, в то время как работникам колхоза не выплачивалась зарплата. "Многие люди не знают своих прав, и чиновники этим пользуются".

Хотя люди осуждают коррупцию, зачастую они сами занимаются подобного рода действиями. Однажды Тохирджон услышал, как его младший брат рассказывал мне о случае, который передавали по телевидению, где молодой человек был осужден на довольно длительный срок за кражу хлеба. "По сравнению с ним здесь руководители колхоза воруют так, что за это их давно пора расстрелять". Тут Тохирджон вмешался, сказав, что, несмотря на возмущение этим случаем, его брат первым вступит в нелегальную сделку, если это принесет выгоду ему и его семье. Тохирджон сам дал взятку председателю кишлачного комитета для получения шестимесячного пособия для малоимущих. Он также нелегально покупал колхозные удобрения, что является распространенной практикой в кишлаке.

Тохирджон отличает зарабатывание денег на стороне, используя ресурсы, предоставляемые служебным положением ("левые" деньги), от дачи взяток (узб. *пора́*), хотя он заявляет, что не берется судить о моральной стороне обоих случаев. Он назвал покупку удобрений ("левые" деньги для завскладом колхоза) и дачу взятки для получения пособия предпринимательством (*тадбиркорчилик*) и нахождением выхода (*йол топмок*). Одним из его проектов было написание и продажа шпаргалок для вступительных экзаменов в университет. Он слышал, как один из студентов училища предложил преподавателю 100 долларов, чтобы тот сдал за него экзамен. Учитель отказался, запросив 200 долларов. Тохирджон заявил, что лично он бы согласился, если бы родители студента смогли обеспечить его защитой от властей. Он рассматривал такие действия как предпринимательство и зарабатывание денег, подобное выращиванию урожая на участке или дачу частных уроков. Казалось, он не различает легальные и нелегальные предприятия, поскольку и те и другие составляют часть его бытовой стратегии зарабатывания денег. Я спросил его, является ли производство шпаргалок коррупцией, на что он ответил, что это "очень небольшая коррупция", она не наносит никому вреда. Когда я спросил, справедливо ли это по отношению к студентам, которые не пользуются шпаргалками, он ответил, что сейчас время предпринимательства. Он заявил, что студенты умные, но "недостаточно предприимчивые", чтобы вос-

пользоваться шпаргалками, все равно не добьются успеха в реальной жизни, так как сейчас миром правят деньги. Дураки при деньгах – вот кто преуспеет в жизни.

Это мнение перекликается с точкой зрения одного из студентов-выпускников, который заявил, что до поступления в институт он был убежден, что умный человек может заниматься чем пожелает, но сейчас он знает, что в счет идут только деньги. Он пытался найти работу в Америке и слышал об агентстве, которое может устроить это за 1500 долларов. Другой студент выразил мнение, что зарабатывание "левых денег" небезнравственно, но дача взяток, например, преподавателям за оценки, – аморальна. Получение взяток врачами за лечение пациентов было бы, с его точки зрения, не аморальным. В противоположность ему другая студентка рассказала о случае, когда у нее был приступ аппендицита, и врач отказался ее оперировать, потребовав 20 тыс. сумов за операцию. Ее мать попросила врача взять 10 тыс. сумов перед операцией, а оставшуюся сумму после, когда вернется ее муж, но врач отказался, так и не прооперировав пациентку. Студентка, поведавшая эту историю, определенно считала поступок врача безнравственным.

Как понять эти, казалось бы, противоречивые оценки? Можно предположить, что люди не осуждают коррупцию во всех ситуациях, но в каждом отдельном случае подходят к ней инструментально. Врач, требовавший взяток за лечение, интерпретировал свои действия как необходимые для выживания из-за низкой зарплаты. Пациент и его родня, подвергшиеся вымогательству, расценили его поступок как злоупотребление безвыходностью их положения. Эти примеры приведены в противовес мнению, что моральные ценности не применяются в этом обществе вообще, с чем я не согласен. Люди придерживаются моральных ценностей, но нам нужна аналитическая структура, с помощью которой можно было бы рассмотреть, каким образом эти ценности выражаются в сложностях реальной жизни.

Я не считаю, что люди используют разные моральные критерии в разных контекстах. Наоборот, одни и те же моральные ценности применяются в каждом случае, но что отличается в каждом из случаев – это пределы общины, или круги общественного участия, в рамках которых оценивается то или иное действие. Когда жители деревни выражали свое сочувствие фермеру, подвергшемуся вымогательству со стороны прокурора, государство в целом использовалось как контекст, в рамках которого оценивалась ситуация. Чиновники были охарактеризованы как мафия, эксплуатирующая граждан и присваивающая государственные средства, предназначенные для блага общества. В следующем

случае, когда жители кишлака осуждали частных коммерческих фермеров за приобретение "несправедливо" большой доли колхозной земли – коммунального ресурса, пределы оценочного контекста были сужены до пределов колхоза, где колхоз рассматривался как круг общественного участия. В случае, когда Тохирджон незаконно покупал колхозные удобрения или продавал шпаргалки абитуриентам института, он оценивал свои действия в рамках своего хозяйства, своей жизненной стратегии, включающей как законные так и незаконные действия.

Безусловно, каждая личность может оценивать одно и то же действие по-разному, используя разные контекстуальные рамки в зависимости от личных интересов и ситуации. Незаконная продажа колхозных удобрений может быть расценена либо как сделка, лишающая общину ресурса, или как способ удовлетворения нужд семьи. Врач и пациент могут интерпретировать дачу взяток за получение медицинской помощи по-разному. Однако, несмотря на то, где проводятся границы круга общественного участия в каждом случае, идеал общины и соответствующего образа взаимодействия внутри нее всегда присутствует. Этот идеал выполняет функцию общей моральной системы, в рамках которой люди могут взаимодействовать, поддерживая или осуждая поступки друг друга. Границы круга общественного участия, в рамки которого помещаются активные действия личности, могут быть сужены до пределов личного хозяйства, что можно назвать "эффективным" кругом общественного участия. В то же время люди одновременно принимают существование множества кругов с различным уровнем участия.

С распадом Советского Союза руководство Узбекистана вынуждено было искать новые источники легитимности, такие, как идеи общины и узбекского самосознания, существующие на местном уровне. Несмотря на то, что понятие "узбек" как этническая категория появилась сравнительно недавно, оно реально существует как элемент самосознания большей части населения. Обращаясь к идее "узбекскости", центральные власти пытаются инкорпорировать существующий идеал общины в официальную идеологию и представить государство, властные структуры в качестве обширной общины, в деятельности которой каждый гражданин должен принимать активное участие. Государство с авторитарным стилем управления и централизованной президентской властью представлено в качестве большой общины, где ресурсы распределяются соответственно потребностям.

В реальности же государство представляется на местном уровне иначе и помещается за рамки действительной общины, создаваемой в том или ином контексте. Оно рассматривается либо как ре-

сурс, который можно использовать в бытовом контексте для зарабатывания средств, или как власть, столкновения с которой следует избегать. В то же время идеал общины существует как постоянная концепция, или "habitus" (естественная среда) предрасположенность членов общества, воспроизводимая ими в ежедневных поступках и взаимодействии друг с другом. Эта концепция обеспечивает государство средством общения с его гражданами в дискуссиях о природе и роли государства. На практике члены общества могут игнорировать идейные послания официальной идеологии, предпочитая следовать своим непосредственным интересам, хотя в то же время в определенных ситуациях могут принимать идею государства как большой общины.

Однако использование местных концепций общины в официальной идеологии может стать "палкой о двух концах". Провозглашая идеал общины моделью государственного устройства в Узбекистане, национальное руководство негласно дает обещание гражданам придерживаться этого идеала. В то время как использование местных идеалов может придать легитимность властям, люди не замедлят указать, где государственные власти нарушили провозглашаемые принципы, и тогда идеология, призванная обеспечивать поддержку правящим кругам, может быть использована против существующего режима.

[1] *Каримов И.* Узбекистан на пороге будущего – собственная модель перехода к рыночной экономике. Ташкент, 1993. С. 27–28.

[2] *Roy O.* The New Central Asia: The Creation of Nations. L., 2000; *Шоберлайн-Энгел Дж.* Перспективы становления национального самосознания узбеков // Восток. 1997. № 3. С. 52–63; *Akiner Sh.* Melting pot, salad bowl – cauldron? Manipulation and mobilization of ethnic and religious identities in Central Asia // Ethnic and Racial Studies. 1997, N 20(2). P. 362–398; *Idem.* Social and Political Reogranisation in Central Asia: Transition from Pre-Colonial to Post-Colonial Society // Post-Soviet Central Asia / Atabaki T., O'Kane J. (eds.). L., 1998.

[3] *Абашин С.* О самосознании народов Средней Азии (как Александр Игоревич поспорил с Джоном) // Восток. 1999. № 4. С. 207; *Roy O.* The New Central Asia. P. 62–63.

[4] *Roy O.* The New Central Asia; *Fragner B.G.* Soviet Nationalism: An Ideological Legacy to the Independent Republics of Central Asia // Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century Van. Schendel W., Zurcher E.J. (eds.). L., 2001; *Brill Olcott M.* Nation Building and Ethnicity in the Foreigh Policies of the New Central Asian States // National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia. Szporluk R. (ed.). L., 1994; *Khazanov A.M.* After the USSR: Ethnicity, Nationalism, and Politics in the Commonwealth of Independent States. Wisconcin, 1995.

[5] *Вишневский А.* Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996. № 2(3). С. 136–159; *Кадыров Ш.* Туркменистан: институт президентства в клановом пост-колониальном обществе // Вестник Евразии. 2001. № 2(13). С. 5–32; *Vaisman D.* Regionalism and Clan Loyalty in the Political Life of Uzbekistan // Muslim Eurasia: Conflicting Legacies / Ro'i Y. (ed.). L., 1995; *Roy O.*

The New Central Asia; *Khazanov A.M.* After the USSR; *Abazov R.* Central Asia's Conflicting Legacy and Ethnic Policies: Revisiting a Crisis Zone of the Former USSR // Nationalism & Ethnic Politics. 1999, N 5(2). P. 62–90.

[6] *Roy O.* The New Central Asia.

[7] *Herzfeld M.* Cultural Intimacy: Social Poetics in the Nation-State. L., 1997. P. 3.

[8] "Готовность работать на себя и во благо своей семьи составляет внутренний потенциал личности. Крупномасштабные социально-экономические планы стали результатом любви нашего народа к жизни. Гордость наших граждан за свое независимое государство питает готовность вносить личный вклад в его укрепление и процветание. Только так может гражданин стать опорой государства" (*Каримов И.* Узбекистан: дорога независимости и прогресса. Ташкент, 1992. С. 65).

[9] *Каримов И.* Построение будущего: Узбекистан – собственная модель перехода к рыночной экономике. Ташкент, 1993. С. 95.

[10] "Социальная рыночная экономика соответствует высоким идеалам восточной исламской философии, историческому опыту и мышлению нашего народа" (*Каримов И.* Узбекистан на пути углубления экономических реформ. Ташкент, 1995. С. 124).

[11] *Herzfeld M.* Cultural Intimacy. P. 5.

[12] Некоторые материалы, упомянутые в этой главе, были ранее опубликованы мною в Central Asian Survey (*Rasanayagam J.* Spheres of Communal Participation: Placing the State Within Local Modes of Interaction in Rural Uzbekistan // Central Asian Survey. 2002. N 21(1)).

[13] См. статью В.Н. Басилова относительно "махалли" в Ферганской долине (*Басилов В.* Суннаттой в Ферганском кишлаке // Этнограф. обозрение. 1996. № 3) и статью Н.П. Лобачевой относительно схожих образований "элодов" близ Хивы в 1950-х годах (*Лобачева Н.П.* Значение общины в жизни семьи (по материалам свадебной обрядности хорезмских узбеков) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989).

[14] См. статью Д. Кандиоти относительно женских "гапов" (*Kandiyoti D.* Rural livelihoods and social networks in Uzbekistan: perspectives from Andijan // Central Asian Survey. 1998. N 17(4)).

[15] В 1985 г., после ослабления ограничений на свободу вероисповедания, в кишлаке вновь стали действовать старые и были открыты новые мечети. Посещаемость мечетей возросла после провозглашения республикой независимости. После инцидентов в Намангане с участием исламской оппозиции в 1997 г., все мечети, за исключением одной, были вновь закрыты. Хотя мечети не были закрыты официально, власти дали понять населению, что их посещение нежелательно. Мечеть, упоминаемая в данной статье, по словам местных жителей, была закрыта районными властями под предлогом отсутствия в ней счетчиков газа и электричества. Жители махалли собрали деньги для установления необходимого оборудования и обратились с петицией к местным и центральным властям с просьбой открыть мечеть, однако им в этом было отказано. Именно эти деньги хотел использовать Камол-ака для асфальтирования дороги.

[16] Многие авторы утверждают, что общины и отношения создаются подобным образом. См. работу С. Стаффорда относительно того, как строятся отношения в китайских общинах через ежедневные взаимодействия (*Stafford C.* Chinese Patriliny and the Cycles of Yang and Laiwang // Cultures of Relatedness: New Approaches to the Study of Kinship / Carsten J. (ed.). Cambridge, 2000. А.Б. Вайнер утверждает, что родовые отношения на Тробриандских островах воспроизводятся через распределение имущества после смерти (*Weiner A.B.* Reproduction: a Replacement for Reciprocity // American Ethnologist. 1980. N 7(1)).

[17] *Gupta A.* Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics and the imagined state // American Ethnologist. 1995. N 22(2).

А.Г. Осипов

ФЕРГАНСКИЕ СОБЫТИЯ 1989 года (конструирование этнического конфликта)*

В июне 1989 г. в Ферганской области Узбекской ССР произошли массовые столкновения и погромы, известные как "Ферганские события". В ходе этих событий нападениям подверглись месхетинские турки. Власти организованно вывезли месхетинцев из Ферганы, а затем в течение года почти все турецкое население Узбекистана бежало в другие, тогда еще союзные, республики.

Почти все авторы, писавшие о Ферганских событиях, выделяют "стороны" конфликта. Жертвы беспорядков идентифицируются по этническому признаку – как "месхетинские турки". Также определенно обозначается и другая сторона – "узбеки". Автоматически "события" помещаются в один ряд с другими "межэтническими" или "межнациональными" "конфликтами"[1], череда которых началась в конце 80-х гг., в период "перестройки".

Более внимательное рассмотрение Ферганских событий показывает, что они выпадают из общего ряда известных "конфликтов". Основное различие состоит в отсутствии претендующей на самоочевидность и потому разделяемой всеми фабулы. Разумеется, выдвигались разные версии того, что случилось в Фергане, но им явно недостает наглядности и убедительности. Даже при поверхностном взгляде сколько-нибудь ясно просматривается только одна – страдающая – сторона конфликта, т.е. месхетинские турки, а о нападавших едва ли можно сказать что-нибудь определенное – чего они добивались, какие мотивы ими двигали и кто ими руководил (если руководил вообще).

Попытки дальнейшего изучения и анализа должны быть, на мой взгляд, предварены вопросом о том, что, собственно, должно изучаться. В отечественных социальных дисциплинах, в том числе в такой новой для нашей страны области исследований, как "конфликтология", доминирует позитивистская парадигма. Практически все исходят из веры в объективную реальность, которая может быть объективными средствами зафиксирована и описана. С этим тесно связано представление о том, что объекты научного познания существуют вне и независимо от познающего субъекта. Исследователи пытаются описывать конфликт как таковой и выявить некую материальную истину, постигнув то, что происходило "на самом деле". Разумеется, можно мыслить "конфликт" как совокупность физически реальных действий, совершенных физически реальными людьми в определенное физически реальное время. Такого рода представление будет, однако, представлять собой теоретический артефакт и не будет иметь никакого познавательного значения.

"Реальные" и "объективные" в физическом смысле действия или акты речи существуют только в тех значениях, которые им приписывают совершающие их люди или окружающее общество. Используя те или иные категории, люди определенным образом упорядочивают окружающую действительность и устанавливают рамки возможных действий. Любой человек является соучастником описываемого события, хотя бы потому, что выбирает слова для его описания. Действия и события, определяемые как "конфликт", неотделимы от категорий, в которых их воспринимают и описывают. Поэтому нет "конфликта", который был бы чем-то внешним и объективно данным для воспринимающих и описывающих его людей. Обобщенно говоря, конфликт должен рассматриваться, с одной стороны, как процесс и продукт социального конструирования[2], т.е. институционализации субъективных значений и их включения в социальные структуры, с другой – включения социальных структур в систему субъективных значений[3]. То, что конфликт социально конструируем, не означает его "нереальности", "выдуманности" или "сфабрикованности"; речь идет только о невозможности существования вне и независимо от понятий и категорий, созданных определенными социальными отношениями и, в свою очередь, формирующих эти отношения.

Иными словами, изучение конфликта в целях постижения материальной истины, того, что "было на самом деле", представляется стратегией бесперспективной. Не только потому, что работа в режиме оперативно-следственной бригады для установления всех криминальных эпизодов – того, что происходило в определенных местах в определенные отрезки времени – едва ли может быть результативной по прошествии времени и общей закрытости постсоветского Узбекистана с его архивами и правоохранительными структурами. Для общества важны события, "реальные" не в физическом, а социальном измерении, т.е. в качестве появляющихся в публичном про-

* Исследование проведено при поддержке The Harry Frank Guggenheim Foundation в 1997–1998 гг.

странстве языковых формул, смыслов и интерпретаций. В свое время, т.е. в конце 80-х – начале 90-х гг. было распространено немало официальных, масс-медийных и академических текстов, так или иначе затрагивающих Ферганские события. Анализ этих текстов в их последовательности как раз и позволяет увидеть события как фрагмент жизни конкретного общества так, как это общество его определяло и соответственно выстраивало для себя, а не просто набор "реальных" эпизодов, допускающих различные интерпретации. Изучение конфликта, на мой взгляд, не должно сводиться к фактографии и к выстраиванию собственных версий происшедшего путем умозрительного приписывания "фактам" определенного смысла, вытекающего из заданной концепции. Скорее, необходимо изучать публичное говорение о конфликте его непосредственных участников и наблюдателей и, значит, процесс создания и изменения смыслов тех или иных "реальных" событий.

Контекст

Месхетинские турки. По итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в СССР жили 207,5 тыс. турок[4]. Более чем на 90% турки бывшего СССР являются выходцами из пяти административных районов Южной Грузии (Ахалцихский регион), прилегающих к границе с Турцией. Эти районы составляют части исторической области Месхети; отсюда название – "месхетинские турки", или "турки-месхетинцы". В 1944 г. турки, как и другие мусульманские группы, жившие в Месхети (курды, карапапахи), были депортированы в Узбекистан, Казахстан и Киргизию и размещены в сельской местности на положении спецпоселенцев. В 1956 г. они были освобождены из-под административного надзора, но не получили возможности переселиться в те районы, откуда были высланы. Мусульмане из Южной Грузии не могут вернуться в родные места до настоящего времени.

В 50–60-е гг. небольшие группы турок мигрировали в Азербайджан и на Северный Кавказ; большинство оставалось жить в Средней Азии и Казахстане. К 1989 г. самая крупная региональная группа населяла Узбекистан; по итогам переписи, в этой республике жило 106,7 тыс. турок (последующие события в целом подтвердили правильность официальных данных). В Ташкентской области жило 43,2 тыс., в Самаркандской – 18,5 тыс., в Сырдарьинской – 18,7 тыс., в Ферганской – 13,6 тыс. (события показали, что их насчитывалось почти 17 тыс.)[5]. В Андижанской области жило около 5 тыс., в Наманганской – около 3 тыс. и в Бухарской – около 1,5 тыс. турок.

Турки населяли главным образом сельскую местность, но компактно селились в пригородных зонах вокруг областных и районных центров. Большинство турок (особенно в Ташкентской и Сырдарьинской областях) было занято в сельскохозяйственном производстве; вместе с тем росла доля промышленных и строительных рабочих (особенно много их было в Самаркандской области и Ферганской долине). Удельный вес интеллигенции сравнительно невысок; месхетинская интеллигенция – почти исключительно в первом поколении, главным образом учителя, врачи, инженерно-технические работники. Во всех местностях турки получали сравнительно высокие доходы от приусадебных участков (не отличаясь тем самым от большинства других живущих в Узбекистане этнических групп). Турки были незначительно представлены в системе государственного управления и в партийных органах на руководящих должностях даже низшего уровня[6].

Регион. Ферганская долина – один из важнейших историко-этнографических и экономических регионов Средней Азии. Она густо населена, плотность населения в восточной части достигает 400 человек на кв. км. Территория поделена между Узбекистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном. Большую часть долины занимают три узбекистанские области – Андижанская, Наманганская и Ферганская, обеспечивающие значительную часть сельскохозяйственного и промышленного производства ныне независимой страны, а в конце 80-х гг. – союзной республики СССР.

Ферганская область расположена в южной части долины. Ее площадь – 7,1 тыс. кв. км., население в 1989 г. – 2142 тыс. человек. В центре области находится Ферганская агломерация, состоящая из городов Фергана, Маргилан, поселков городского типа Ташлак (он является центром района, но фактически сливается с Маргиланом) и Комсомольский (станция Горчаково), а также отдельно расположенного микрорайона Ферганы Киргили. Маргилан расположен в 6 км к северу от Ферганы, Ташлак – на северо-восточной окраине Маргилана, Комсомольский и Киргили – между Ферганой и Маргиланом. Население Ферганы и Маргилана к 1989 г. составляло примерно по 200 тыс. чел. Оба города являются важными индустриальными центрами. В 100 км от Ферганы в западной части области находится Коканд (около 150 тыс. жителей) – древний культурно-исторический и одновременно промышленный центр Средней Азии. Восточная часть области тяготеет к городам Кувасай и Кува. Население Кувасая в 1989 г. составляло более 60 тыс. человек; в городе находятся ГРЭС, завод стройматериалов, цементный завод и другие предприятия.

Область плотно населена; густая сеть дорог с развитым автобусным сообщением, наличие у населения большого числа частных машин – все это способствует массовым маятниковым миграциям, в которые вовлечена значительная часть сельских жителей. Многие жители кишлаков постоянно работают или учатся в городах. Таким образом, Ферганскую область можно представить как сплошную пригородную зону, тяготеющую к Ферганской агломерации и к другим, меньшим по значимости центрам. По переписи 1989 г., из 2142 тыс. населения узбеки составляли 1735 тыс. (81,0%), русские – 123,8 тыс. (5,8%), таджики – 114,5 тыс. (5,3%), киргизы – 43,6 тыс. (2,0%), татары – 32,7 тыс. (1,5%), крымские татары – 22,8 тыс. (1,1%), турки – 13,6 тыс. (0,6%)[7]. Неузбекское население размещалось главным образом в Фергане, которая изначально развивалась как "европейский" город, как административный и промышленный центр, населенный преимущественно приезжими, и в Кувасае. Маргилан и Коканд оставались в основном узбекскими по составу жителей.

Турки жили в Ферганской области в большинстве своем дисперсно, в разных пунктах, преимущественно в пригородах. Самая крупная локальная группа сосредоточивалась в Кувасае: по официальным данным – около 5 тыс. человек[8]; по данным самих кувасайских турок, т.е. активистов общества "Ватан" из Кувасая, – около 6,2 тыс. В Ферганской агломерации жило более 7 тыс., в том числе в Ташлаке – более 2,3 тыс. Сравнительно небольшими компактными группами турки размещались в самой Фергане, в пригородах Маргилана, в поселке Комсомольский, в поселке Совхоз, примыкающем к Комсомольскому, в Киргили, в некоторых селах Ахунбабаевского (бывший Маргиланский), Кувинского, Риштанского и Ферганского районов. В Коканде жило около 2 тыс. турок, несколько семей турок были среди жителей поселка Горского, находящегося в Кировском районе к западу от Коканда. Турки работали преимущественно на промышленных предприятиях, на транспорте, в строительстве. Турки – сельские жители, прежде всего женщины, были заняты главным образом в хлопководстве.

Ситуация в Узбекистане перед началом Ферганских событий. До конца 1988 г. в Узбекской ССР продолжались кадровые перестановки и чистки под флагом "борьбы с коррупцией". В октябре 1988 г. был смещен со своего поста и приговорен к долгому сроку лишения свободы первый секретарь Ферганского обкома Коммунистической партии Узбекистана (далее – КПУз.) Умаров, и на его место заступил Шовкат Юлдашев.

"Антикоррупционная" кампания была начата Москвой в 1983 г. По мнению бывших следователей по особо важным делам

Генеральной Прокуратуры СССР Тельмана Гдляна и Николая Иванова, она ударила не только по верхним, но в большей степени по средним и низшим звеньям партийного и государственного руководства республики. В общей сложности во время кампании было осуждено более 20 тыс. человек[9]. Масштаб репрессий был настолько велик, а осуждение людей, которые вынужденно, по принуждению вышестоящего начальства нарушали законодательство, выглядело до такой степени несправедливым, что в 1986–1988 гг. происходили даже стихийные демонстрации родственников осужденных. Однако весной 1989 г. кампания была свернута, а деятельность следственной группы Гдляна–Иванова была подвергнута проверке со стороны Политбюро и Генеральной Прокуратуры. По мнению Т. Гдляна и Н. Иванова, активность следствия в Узбекистане вызывала большие опасения у верхушки КПСС, поскольку, по данным следствия, туда тянулись нити коррупции из республики. Одним из способов отвести угрозу была дискредитация антикоррупционной кампании и следственной группы Генеральной Прокуратуры СССР[10].

В 1988 г. до Узбекистана долетели "ветры перестройки". Большой резонанс в республике, особенно в среде узбекской интеллигенции, произвели публикации перестроечной прессы о коррупции и злоупотреблениях властей в Средней Азии и о "деле Гдляна", об экологических проблемах, в том числе о "трагедии Арала". Публикации по этой тематике, как правило, включали в себя утверждения о нищенском существовании большинства населения Средней Азии.

Рассуждения о катастрофической бедности Средней Азии и сопутствующих проблемах пришлись по душе как представителям власти в Узбекистане, так и начавшей фрондирование интеллигенции. Публикации о социальных и экологических проблемах совпали с началом широкого обсуждения внутри КПСС и в стране в целом "национальных проблем". Идея "экономической отсталости" гармонировала с утверждениями о необходимости "суверенизации" республик, пересмотра отношений внутри СССР, а также уделения первоочередного внимания нуждам "титульных национальностей". Влияние на ситуацию в массовом сознании оказал и постепенный отход государства от "закручивания гаек" в отношении верующих и религиозных организаций. В Узбекистане активизировалась религиозная жизнь, в том числе деятельность группировок, оппозиционных официальному руководству Духовного управления мусульман Средней Азии[11].

Немалое впечатление на узбекскую интеллигенцию произвело возникновение в Прибалтике Народных Фронтов, а также выдвинутые ими лозунги, в том числе придания государственного

статуса языку "титульной нации". В Узбекистане в описываемый период возникли независимые от государства общественно-политические организации. Некоторые представители ташкентской интеллигенции вошли в общественный комитет по спасению Арала. Некоторые участники этого комитета 11 ноября 1988 г. сформировали инициативную группу Народного Движения Узбекистана "Бирлик" (Единство); "Бирлик" планировался как структура, по характеру деятельности и установкам аналогичная Народным Фронтам в Прибалтике[12]. Движение крымских татар и "Бирлик" провели в Ташкенте и других городах ряд массовых митингов.

По отдельным сообщениям СМИ, накануне Ферганских событий произошло несколько серьезных инцидентов. 4 декабря 1988 г. в массиве Тансыкбаева в Ташкенте прошел массовый митинг, на котором были транспаранты с антирусскими и антитатарскими лозунгами. 14 декабря 1988 г. в Андижане распространяются на узбекском языке антирусские листовки. По данным МВД Узбекистана, 18 и 23 февраля 1989 г. в Ташкенте произошли массовые столкновения между узбекской молодежью и неузбеками, а 22 апреля массовая драка в ташкентском вузгородке[13].

Фабула

События в Кувасае. 16–18 мая 1989 г. в городе Кувасае произошли драки между, с одной стороны, турецкой, с другой – узбекской и таджикской молодежью. За последующую неделю возбуждение в городе не спало, среди узбекской молодежи шли разговоры о том, что турок надо "проучить". 23 мая драки в Кувасае возобновились и переросли в крупные столкновения, которые продолжались два дня. С каждой "стороны" (турецкой и узбекской) участвовало по несколько сот человек. Толпа пыталась прорваться в кварталы, населенные турками и другими меньшинствами, и учинить там погром. Власти попеременно пытались то уговаривать толпу, то разгонять ее силой. После прибытия дополнительных сил милиции (около 300 человек) из других районов и областей беспорядки были остановлены[14]. Пострадали 58 человек, из них 32 были госпитализированы, один человек – 26-летний таджик Икром Абдурахманов скончался в больнице[15].

По области распространились слухи о "бесчинствах" турок, об "издевательствах" над узбеками, о том, что турки насилуют узбечек, что они разорвали на части детей в узбекском детском саду, наполняли мочой пивные бутылки и т.п. Было много разговоров о том, что по рукам распространяются фотографии убитых турками детей.

Власти, по-видимому, были встревожены событиями в Кувасае и пугающими слухами; 2 июня состоялось заседание бюро Ферганского обкома, на котором обсуждались кувасайские события; было принято постановление (не публиковалось) "О групповых хулиганских действиях, происшедших в г. Кувасае", в котором говорилось о необходимости укрепления правоохранительных органов и об усилении воспитательной работы[16].

Июньские события в Ферганской области. Основные события происходили 3–12 июня 1989 г. Судя по публикациям СМИ и другим источникам, они разворачивались следующим образом.

3.06.1989. Областным властям было известно, что 3 июня в Ташлаке представители "Бирлика" предполагают митинг для организации районного отделения этого движения (учредительный курултай "Бирлика" прошел в Ташкенте 27–28 мая). Власти в этой связи боялись дестабилизации обстановки. В Ташлак были переброшены дополнительные силы Ферганского УВД, и был мобилизован весь личный состав районного отдела внутренних дел (РОВД). Организаторов митинга 2 июня вызвали в областную прокуратуру и предупредили о возможных последствиях. Бирликовцы дали согласие не организовывать митинг.

Однако утром 3 июня в Ташлаке все-таки собралась толпа молодежи. Наиболее агрессивно настроенная часть устремилась в кварталы, где жили турки. Начались поджоги турецких домов и избиение их хозяев. Затем толпа двинулась в поселок Комсомольский. Группа солдат Внутренних Войск (далее – ВВ) не смогла блокировать толпу, и дома турок в Комсомольском были разгромлены и сожжены. Часть погромщиков вернулась в Ташлак, где продолжила нападения на турок; произошли первые убийства. Бежавшие от погромщиков турки собирались под охраной милиции в райкоме партии[17]. К вечеру толпа численностью 300–400 человек учинила погромы и поджоги домов турок в Маргилане[18]. Поступили также сообщения о нападениях на турок в Фергане.

4.06.1989. С утра специально выделенные автобусы в Ташлаке до полудня собирали и свозили турок в здание райкома[19]. В райкоме собралось более 500 человек[20]. В ночь с 3 на 4 июня в Фергану стали прибывать подразделения ВВ МВД СССР. С утра же нападения на турок и поджоги возобновились в Фергане, Маргилане и Ташлаке. Погромы начались в других местах, где жили турки. Толпа требовала освобождения тех, кого милиция задержала накануне, и выдачи турок на расправу. В результате нападению и частичному разгрому подверглись здания Ташлакского районного комитета Компартии Узбекистана и Ташлакского РОВД. После того, как милиции удалось очистить помещение РОВД от погромщиков, толпа в течение четырех часов держала

здание в осаде. Получили ранения 15 сотрудников милиции, один из них скончался[21].

Был принят Указ Президиума Верховного Совета Узбекской ССР о введении 4 июня комендантского часа в ряде районов Ферганской области[22].

Продолжались беспорядки и в Маргилане. Утром собрался митинг у кинотеатра "Увайсий"; по требованию толпы выступила первый секретарь горкома партии Х.Ю. Мухитдинова[23]. Ее призывы к спокойствию услышаны не были. Активисты митинга предъявили ультиматум: выдать турок из здания горкома, отпустить задержанных накануне участников беспорядков и не мешать расправе с турками. Во второй половине дня толпа обыскала Маргиланский горком, но турок оттуда уже успели эвакуировать[24].

Обстановка в Фергане также была напряженной: с утра в центре города собирались возбужденные толпы молодых людей, вооруженных палками и арматурой. Они били машины и киоски; кое-кто из толпы останавливал прохожих и проезжавшие автомобили – по словам С.Н. Абашина, это напоминало действия добровольных дружинников. Милиции нигде в городе не было видно, так же, как и на следующий день, 5 июня. Толпа окружила здание обкома, пыталась прорвать оцепление, бросала камни. Небольшой группе удалось проникнуть в здание[25]. Днем толпа в 200–300 человек поджигала турецкие дома около аэропорта. К вечеру обстановка еще более накалилась; в городе и в близлежащих кишлаках начались погромы[26].

В этот же день в кишлаке Сурхтепа колхоза им. Фрунзе Ахунбабаевского района местная молодежь нападала на турок, выгоняла их и поджигала дома[27].

5.06.1989. К утру 5 июня группировка ВВ доведена до 6 тыс. человек, а в течение дня – до 8,5 тыс. военнослужащих и 1,5 тыс. курсантов школ милиции[28]. Центр беспорядков переместился в Фергану: в центре города на площади Ленина и у Ферганского обкома продолжались стихийные митинги. Толпе удалось прорваться в здание обкома; к счастью, турки оттуда уже были эвакуированы. В городе и в окрестностях продолжались погромы и поджоги домов, принадлежавших туркам. Группы молодежи собирались также в Кувасае, но их попытки начать столкновение были пресечены милицией[29]. К исходу 5 июня обстановка в Фергане и других населенных пунктах области в целом стала разряжаться и стабилизироваться. Ферганская агломерация в основном была взята под контроль подразделениями милиции и Внутренних Войск.

6.06.1989. 6 июня был днем относительного затишья, в эти сутки в области практически не было массовых беспорядков,

столкновений и погромов. Днем или к вечеру в Фергане появились патрули ВВ. Посты ВВ и милиции перекрыли контрольно-пропускными пунктами основные дороги, ведущие в Фергану, и начали досмотр проходящего автотранспорта[30]. В этот день информация о массовых беспорядках появилась в газетах и на телевидении.

7.06.1989. Центр событий перенесся в западную часть области, в Коканд. В Коканде к этому времени оставалось более 1,5 тыс. турок; многие из них в предшествующие дни пытались выехать из города, но их задерживали и отправляли обратно выставленные на окраинах посты милиции[31]. После полудня в город на грузовиках, автобусах и тракторных прицепах двинулось более 5 тыс. сельских жителей (главным образом молодежи) из близлежащих районов (Риштанского, Узбекистанского, Фрунзенского, а также Ташлакского и Ферганского районов Ферганской области, Папского района Наманганской области). Толпа захватила кирпичный завод и на некоторое время Кокандский городской отдел внутренних дел, который вскоре был отбит обратно курсантами и спецназом МВД[32]. Из следственного изолятора были освобождены силой 68 заключенных[33]; по другим сведениям, они были отпущены властями по требованию толпы[34]. Пока внимание нападавших было сосредоточено на городском отделе внутренних дел (ГОВД), местным властям удалось собрать на автобазе и в санатории всех оставшихся в городе турок, поэтому жертв среди них (по официальным данным) не было. Рассыпавшиеся по городу погромщики громили и жгли дома, причем не только турок, но и местных узбеков. Толпа, ломившаяся в ГОВД, требовала выдачи ранее задержанных, а также якобы перевезенных туда турок.

В этот же день в Кировском районе (он расположен к западу от Коканда) были отмечены грабежи покинутых домов (вероятно, турок); в нескольких населенных пунктах района были захвачены отделения милиции, у сотрудников отобрано табельное оружие[35]. В город было вскоре переброшено, в том числе на вертолетах, подкрепление ВВ. Внутренние Войска отбили у толпы здание ГОВД. Для отражения нападения солдаты применяли оружие на поражение.

8.06.1989. Утром в Коканде вновь вспыхнули беспорядки. Ими были охвачены также поселки Дангара (центр Фрунзенского района в 8 км к северу от Коканда), Яйпан (центр Узбекистанского района, в 20 км к югу от Коканда), Горский (Кировский район, в 15 км южнее его центра – поселка Бешарык). В первой половине дня в Коканде на помощь погромщикам продолжало прибывать подкрепление из близлежащих сельских районов.

С утра толпа скопилась в центре города, в прилегающих к зданию горкома компартии Октябрьском сквере и Октябрьском парке. Собравшиеся (несколько тыс. человек) двинулись на площадь перед горкомом. Толпу сдерживало оцепление милиции и ВВ. Требования собравшихся: выдать турок, выдать милиционеров, стрелявших 7 июня на поражение у здания ГОВД, отпустить задержанных накануне. После полудня толпа у горкома была рассеяна: по официальной версии – предупредительными выстрелами в воздух[36]; по более распространенной, но открыто властями не поддерживаемой – огнем на поражение.

В это же время толпа пыталась вновь осадить ГОВД, но была быстро отбита. Толпе удалось захватить железнодорожный вокзал, а на путях – состав с горючим. Из одной цистерны было слито топливо, его грозили поджечь и взорвать цистерны, если не будут отпущены задержанные и не будут выданы турки и стрелявшие в толпу милиционеры. Также были заняты Новококандский химзавод, масложировой комбинат и другие предприятия (всего 12 объектов). Все они через короткое время, в том числе и железнодорожный вокзал с составами, были отбиты маневренными группами и спецназом ВВ. На окраинах города продолжались грабежи и поджоги домов, принадлежавших туркам; было сожжено и несколько домов местных сотрудников милиции. Была совершена попытка нападения на автобазу, где накануне укрыли турок; она была отражена. Большинство турок было вывезено из города накануне, оставшихся 60 человек эвакуировали вертолетом[37].

Днем стихийный митинг собрался в Риштане (районный центр, расположенный между Ферганой и Кокандом). В нем участвовало 2–3 тыс. человек. Выдвигались вперемешку требования освобождения задержанных и повышения закупочных цен на хлопок и коконы шелковичного червя. По рассказу директора местной средней школы, самые активные на трех грузовиках направились к Коканду[38].

В Яйпане, центре Узбекистанского района, толпа осадила здание РОВД, пытаясь захватить оружие и отпустить задержанных. Одновременно было совершено нападение на здание районной прокуратуры. Нападения на прокуратуру и РОВД были отражены вертолетным десантом ВВ. Солдаты ВВ применяли оружие на поражение[39].

Днем и вечером по области передвигались на захваченных машинах группы погромщиков[40].

9.06.1989. В ночь с 8 на 9 июня в поселке Горский были разграблены и сожжены два дома, хозяин одного из них – Юнус Османов – сожжен заживо. Вечером 9 июня в Горском собралась

большая толпа местных узбеков, вооруженных топорами и вилами, якобы для обороны от турок, решивших отомстить за погром; толпа рассеялась после прибытия маневренной группы ВВ[41].

Днем приблизительно в 13.00. около 2 тыс. человек на машинах, двигавшихся колонной из Кировского района в Коканд, были остановлены ВВ на подступах к городу. Была предпринята повторная попытка захвата РОВД Узбекистанского района. Стену здания таранили грузовиком. Был взят в заложники председатель райисполкома. Нападавшие подожгли здание прокуратуры[42]. Председатель райисполкома был освобожден группой спецназа ВВ[43]. В Бешарыке толпа также пыталась безуспешно захватить здание РОВД[44]. К вечеру 9 июня в Кокандской зоне в целом наступила стабилизация.

На военном полигоне около Ферганы собрано приблизительно 15 тыс. турок. 9 июня началась эвакуация в Россию, в первую очередь больных и детей[45].

10.06.1989. За сутки в области произошло, по сообщению коменданта, 16 погромов и поджогов, было сожжено семь жилых домов. В беспорядках участвовали уже только малочисленные группы[46]. По другим источникам, 10 июня продолжались попытки прорыва толп погромщиков в Коканд и их столкновения с войсками[47]. В ночь на 10 июня на выезде из Коканда четверо с ножами набросились на постового ГАИ, их задержали солдаты ВВ[48].

10 июня во второй половине дня (по другим данным, в ночь на 11 июня)[49] была совершена попытка нападения на временный лагерь в Аштском районе Таджикистана, где укрывались эвакуированные турки. Турки из Коканда в ночь с 7 на 8 июня были доставлены в Канибадам (Ленинабадская – ныне Согдийская – область Таджикистана), 8 июня перевезены в поселок Навгарзан, подчиненный Кайраккумскому горсовету. В тот же день в прилежащем Аштском районе появились посланцы из Коканда, требовавшие от местных жителей изгнать турок. В сторону Навгарзана двинулась толпа в 1,5 тыс. человек, вооруженных холодным оружием. Турок спешно перевезли в горный пансионат в Аштском районе, а самых активных зачинщиков беспорядков доставили в Навгарзан и показали, что турки оттуда вывезены. Однако экстремисты узнали об их местонахождении. 10 июня в сторону пансионата двинулась колонна грузовиков, набитых молодчиками, вооруженными холодным, а отчасти и огнестрельным оружием. Всего ехало 350–400 человек. Дорога к пансионату была своевременно перекрыта вертолетным десантом ВВ. Чтобы остановить колонну, пришлось применить оружие на поражение[50].

11.06.1989. В этот день, по словам начальника ВВ МВД СССР генерал-полковника Ю.В. Шаталина, Внутренние Войска смогли полностью овладеть обстановкой. Массовых беспорядков в области больше не происходило. Все попытки поджогов были пресечены.

В ночь с 10 на 11 июня у въезда в Коканд было совершено нападение с применением огнестрельного оружия на наряд ВВ (наряд обстреляли из пистолета с проезжавшего мотороллера), был тяжело ранен курсант[51]. В поселке Комсомольский неизвестные пытались поджечь магазин. В Кировском районе той же ночью десять местных жителей сделали попытку поджечь дом турка. В поселке Бешбола Узбекистанского района разграблены четыре дома турок. В Маргилане во время комендантского часа был застрелен водитель машины, не остановившийся по требованию патруля[52]. В подобных же ситуациях было ранено еще два человека. В ночь с 11 на 12-е в пригороде Маргилана группа неизвестных напала на наряд ВВ, но была рассеяна огнем; был ранен один солдат[53].

Обстановка в Ферганской области после июньских событий. До конца 1989 г. сохранялся режим комендантского часа. Продолжалась начатая 9 июня эвакуация турок в Россию транспортной авиацией, к 18 июня она была закончена, из области вывезено 16 282 человека[54]. Перед посадкой в самолеты туркам предлагали выписаться с мест прежнего проживания[55]. Задним числом эвакуация была оформлена Постановлением Совета Министров СССР № 503 от 26 июня 1989 г. Вывоз турок в шесть областей Российского Нечерноземья был санкционирован личным распоряжением Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова, что он позднее признал в своих мемуарах. По его словам, на срочной эвакуации месхетинцев из временного лагеря настаивал Председатель Совета Министров Уз.ССР Г. Кадыров, высказывавший опасения, что 15 тыс. турок "могут сняться и пойти обратно в Фергану"[56]. Вместе с тем республиканские и областные власти неоднократно декларировали возможность возврата турок на прежнее место жительства; 26 июля Ферганский обком компартии принял решение о восстановлении сожженных домов турок и выплате материальной помощи желающим вернуться[57].

В Ферганской области еще во время событий приступила к работе объединенная оперативно-следственная бригада Генеральной Прокуратуры, МВД и КГБ СССР. Ее возглавил заместитель начальника следственной части Генеральной Прокуратуры СССР А.В. Фролов. В составе бригады было 16 следственно-оперативных групп, включавших более 400 работников правоохра-

нительных органов, в том числе около 230 следователей МВД и Прокуратуры[58].

Хотя массовые беспорядки в основном прекратились 10–11 июня, обстановка в области оставалась напряженной. 12 июня в области было сожжено еще два дома. 14 июня в Кувасае неизвестными был подожжен товарный вагон с детскими вещами, собранными местными жителями для отъезжающих турок[59]. 17 июня в Ташлаке в 9.15 утра неизвестные напали на солдата ВВ у КПП и пытались завладеть автоматом[60]. Распространялись слухи о предстоящих погромах русскоязычного населения, и о том, что группы турок собираются мстить узбекам. В областной газете в июне–августе регулярно печатались сообщения о поджогах в ночное время неизвестными домов эвакуированных турок, в том числе тех домов, которые уже восстанавливались властями[61]. О тех же явлениях в августовском интервью говорил представитель командования ВВ генерал-майор Г.А. Малюшкин. Неизвестные на машинах без номеров угрожали строителям, восстанавливавшим турецкие дома, некоторые жители Ферганы (преимущественно русские) жаловались на анонимные звонки с угрозами. На многих собраниях, например, на собрании комсомольского актива области прозвучали призывы к амнистии арестованных во время событий[62]. Слухи о предстоящих погромах "некоренных" жителей появлялись и в ноябре–декабре[63].

События вне Ферганской области. Агентство УзТАГ 12 июня сообщило о том, что в Намангане вечером и ночью 11 июня собралась в центре города агрессивная толпа молодежи численностью до 2 тыс. человек[64]. 12–13 июня беспорядки в Намангане продолжались; в разных частях города собирались группы численностью от 50 до 400 человек, митинговали, перегораживали улицы. Произошли столкновения с милицией, задержано 13 человек[65]. Нигде не сообщалось о требованиях собравшихся; по отзывам турок, в те дни не было попыток погромов в тех наманганских махалля, где жили месхетинцы. Однако начальник Управления по охране общественного порядка МВД Уз.ССР А.Я. Артемьев сообщил корреспонденту "Известий", что вечером 11 июня толпа в Намангане численностью в 300 человек пыталась прорваться именно в районы проживания турок[66]. Во всяком случае, эти места были блокированы милицией. Впоследствии турки в массовом порядке уезжали из Намангана. В июне же под давлением местных властей были вынуждены выехать турки, жившие в Андижанской области; по сути, это была полудобровольная эвакуация под тем предлогом, что власти не в состоянии обеспечить их безопасность.

11–18 июня были волнения в Ташкентской, Сырдарьинской, Самаркандской областях. Несанкционированные митинги, в частности, прошли в эти дни в Андижане, Ташкенте, Янгиюле, Чирчике (Ташкентская область)[67]. Среди турок началась паника, многие не выходили на работу, боясь стать жертвами насилия[68]. Власти в отдельных районах приняли дополнительные меры по охране общественного порядка. В Букинском районе, где жило много турок, были установлены контрольно-пропускные пункты на дорогах, турецкие махалля взяты под усиленную охрану[69]. В Сырдарьинской области было задержано несколько местных жителей, подстрекавших население к беспорядкам и угрожавших тем, кто не примет в них участия[70]. Во время событий в Фергане многие турки из Ташкентской области перебрались в Чимкентскую область Казахстана (скорее всего, туда на время перевезли женщин и детей)[71].

23 июля беспорядки начались в колхозе им. Ленина Гулистанского района Сырдарьинской области. Один из местных узбеков, будучи нетрезвым, в сопровождении толпы себе подобных пытался въехать на тракторе во двор турка. Последний, обороняясь, открыл огонь из охотничьего ружья, ранил двоих, в том числе сидевшего на тракторе, который вскоре скончался. После этого было подожжено несколько турецких домов. Погибших среди турок не было. Областные власти перебросили дополнительные силы милиции и ВВ и погасили конфликт, однако после этого события турки начали быстро уезжать из Сырдарьинской области[72].

Когда начались погромы в Фергане, турки, главным образом женщины с детьми, стали покидать Самаркандскую область. Вечером 12 июня в Иштихане в центре поселка собралось около 100 местных молодых узбеков. Они устроили шествие по центральной улице с требованием выслать всех турок. 13 июня уже более 300 человек собралось с аналогичными лозунгами в городском парке. В это время многие турки стали уезжать из области, распродавая за бесценок дома и скот[73]. К сентябрю из Узбекистана выехало более 50 тыс. турок[74]. Осенью 1989 г. турки продолжали покидать Узбекистан как опасаясь за свою жизнь в случае повторения июньских событий, так и под давлением властей. Многие информаторы-турки, с кем мне приходилось беседовать, рассказывали, с одной стороны, о сгущавшейся атмосфере враждебности со стороны местных узбеков, с другой стороны, – о прессинге со стороны властей, которые подталкивали людей к отъезду, ссылаясь на невозможность гарантировать им безопасность[75].

19–21 февраля 1990 г. в Букинском районе Ташкентской области едва не повторился ферганский сценарий. При невыясненных обстоятельствах (скорее всего, в результате несчастного

случая) погиб местный сумасшедший. По району начали распространяться слухи о "зверствах" и "коварстве" турок. В совхозе "40 лет Октября" и поселке Карабаг собралась толпа, которая начала поджоги турецких домов. Сгорело 48 (по другим данным 46) домов[76]. Из месхетинцев никто не погиб; все турки Букинского района (более 2 тыс. человек), а несколько позднее и других районов области, были собраны во временных эвакуационных пунктах и, несмотря на их возражения, вывезены за пределы Узбекистана. Повторился в более жестком варианте сценарий "добровольно-принудительной" эвакуации, отработанный в 1989 г.[77] Часть турок из Букинского района была временно вывезена в санаторий "Кумушкан", находящийся в Паркентском районе Ташкентской же области. С утра 3 марта у райкома компартии собралась толпа, она быстро разрослась до 5 тыс. человек. В Паркент были переброшены дополнительные силы милиции и ВВ. Они попытались оттеснить толпу от центральной площади. Из толпы полетели камни, и по ней был открыт огонь на поражение. Погибло четыре человека: три местных жителя и офицер милиции; более 150 человек получили ранения[78].

Итоги. По данным комиссии ЦК КПУз., во время июньских событий погибло 103 человека, из них 52 турка-месхетинца, 36 узбеков; травмы и увечья получили 1011 человек, ранено 137 военнослужащих ВВ и 110 работников милиции, из последних один (Т. Суванкулов) скончался; сожжено и разграблено 757 жилых домов, 27 государственных объектов, 275 единиц автотранспорта[79]. Данные других источников отличаются незначительно. Так, по словам Б.Б. Дзиова, заместителя начальника Главного Управления уголовного розыска МВД СССР, к концу июля было выявлено 106 погибших[80]. По данным Генеральной Прокуратуры СССР, к концу 1990 г. имелись сведения о 112 погибших, в том числе 51 турке[81]. К концу июля следственная бригада выявила более 2 тыс. лиц, причастных к совершению правонарушений, из них примерно 600 – "активистов". К началу октября 1989 г. было арестовано 225 человек, из них 41 – за умышленные убийства. К декабрю возбуждено 238 уголовных дел[82]. К концу 1990 г. к уголовной ответственности было привлечено 364 человека[83], административным арестам было подвергнуто 408 человек[84]. Судами было осуждено к 1991 г. около 100 человек, двое (Т. Парпиев и Г. Хуриев[85]) приговорены к исключительной мере наказания. Всего за пять лет после событий в суды было направлено в общей сложности 250 уголовных дел, была доказана вина 420 человек[86].

На 14 Пленуме ЦК КПУз. 23 июня 1989 г. был освобожден от обязанностей первого секретаря в связи с избранием председате-

лем Совета Национальностей ВС СССР Рафик Нишанов, первым секретарем был избран Ислам Каримов[87]. К строгим мерам партийного воздействия привлечено 124 человека, в частности, получили взыскания и сняты со своих постов министр внутренних дел Узбекистана У.С. Рахимов, начальник УКГБ по Ферганской области Н.Г. Лесков, начальник Ферганского областного УВД С.Ю. Бурханов[88].

К началу 1991 г. Узбекистан покинуло более 90 тыс. турок, включая тех, кто был эвакуирован из Ферганы в июне 1989 г. Эти люди расселились в России, Азербайджане, Казахстане, Украине.

Характеристика событий

Время и место. Определение "Ферганские" привязывает события к определенному месту – Ферганской области. Обычно предметом рассмотрения становится то, что произошло в Фергане между 3 и 12 июня 1989 г. Однако июньским событиям предшествовали майские столкновения в Кувасае, которые, по всей видимости, спровоцировали июньские беспорядки, т.е. Ферганские события в узком смысле. За собственно Ферганскими событиями последовали отдельные спорадические беспорядки в других узбекских областях, происходившие вплоть до марта 1990 г., и бегство большинства турок из Узбекистана. Таким образом, "события" в широком смысле происходили по меньшей мере в семи областях Узбекистана, задели соседние районы Таджикистана и охватили период с мая 1989 до конца 1990 г. Кроме того, Ферганские события серьезно осложнили положение турок в прилегающих к Ферганской области районах Киргизии, многие из них стали опасаться за свою безопасность. Происшедшие через год, в июне 1990 г. Ошские события (известные как узбекско-киргизский конфликт) заставили многих местных турок бежать в Казахстан или в Россию. Впоследствии Ферганские и Ошские события, судя по более поздним интервью, слились в представлениях этих людей в единое целое, в непрерывную череду угроз туркам со стороны узбеков[89].

События собственно в Ферганской области проходили в три этапа. Первый этап – столкновения между турками и условным "коренным населением" в Кувасае во второй половине мая. Второй – беспорядки, главным образом нападения на турок в Фергане, Маргилане и соседних населенных пунктах. Интересно, что в самом Кувасае в это время ничего существенного не происходило, хотя, казалось бы, именно там было больше всего желающих "отомстить" туркам и именно там столкновения должны были

возобновиться. Третий – беспорядки в Коканде и соседних районах. Примечательно, что в Коканде турок было очень мало, а в соседних районах практически не было совсем. Однако именно в Коканде и окрестностях беспорядки приняли наибольший размах, а толпа действовала наиболее активно.

Июньские события представляют собой кульминацию беспорядков, если оценивать их по таким показателям, как число жертв, количество участников и масштаб разрушений. А динамика исхода месхетинских турок из Узбекистана позволяет утверждать, что не менее важные с точки зрения последствий события происходили в других узбекских областях во второй половине 1989– первой половине 1990 г. Скромный масштаб беспорядков и собственно насильственных акций заставляет говорить о том, что в этот период действовали другие факторы.

Участники: "турки". Безусловно, жертвами насилия стали люди, идентифицируемые и идентифицирующие себя как турки (несколько позднее – месхетинские турки).

В Кувасае во время событий 23–24 мая нападавшая сторона встретила отпор. Напротив, во время июньских беспорядков асимметрия насилия была еще более выраженной: турки, действительно, в основном играли пассивную роль жертв; в этом смысле разговоры о "столкновениях" не имеют под собой почвы. Пассивность была вызвана разными обстоятельствами: неожиданностью нападения, дисперсным характером расселения и пр. В отдельных местах месхетинцы пытались организовать сопротивление, но эти попытки были пресечены милицией и войсками. Например, 3 июня к самообороне готовились турки в поселке Комсомольском, но собравшуюся дружину солдаты ВВ разогнали по домам[90].

Во время и после ферганских беспорядков "турки" – местные лидеры и активисты, а также "просто" пострадавшие от погромов – получили возможность высказаться публично. У них брали интервью, их суждения цитировали или (чаще) пересказывали СМИ, позднее появились резолюции турецкого Временного Организационного Комитета и созданного на его основе общества "Ватан". Вполне естественно, что люди, выступавшие в качестве "представителей" турок, или "турецкого народа", видели или называли в качестве жертв только свою этническую группу. Эта точка зрения была многократно и широко ретранслирована. Остальные компоненты события остались как бы в тени или заслужили существенно меньшего внимания.

Сами власти изначально видели в событиях агрессию против турок или рассматривали турок в качестве "стороны" столкновений. Так, с самого начала большие усилия были затрачены на вывоз месхетинцев в безопасное место.

Турки выступали в двух разных качествах: они были жертвами массового насилия и пострадали как люди, принудительно переселенные из своих домов и вообще из Узбекистана. СМИ, а зачастую и сами турецкие активисты не разделяют эти два состояния. Месхетинцы Ферганской области были практически депортированы в Россию. Последующее переселение турок из других областей Узбекистана было уже обусловлено сложным стечением обстоятельств. В частности, наряду с "выталкивающими" действовали и "вытягивающие" факторы. В конце 80-х гг. активизировалось месхетинское движение за возвращение в Грузию, и многие турки в то время жили надеждами на скорое переселение в Ахалцихский регион. Этим отчасти можно объяснить, почему десятки тысяч турок сравнительно легко бросали нажитое и уезжали. Позднее, в других обстоятельствах и в других регионах, когда также возникала угроза этнического насилия (например, в Краснодарском крае с начала 90-х гг. до настоящего времени, в Кабардино-Балкарии в 1994 г.), месхетинцы такой подвижности уже не демонстрировали.

Можно утверждать, что этническую границу между жертвами и агрессорами проводила не только толпа погромщиков. Вольно или невольно "этническую" версию событий создавали объединенными усилиями погромщики, их жертвы, власти и СМИ.

Между тем есть серьезные возражения против того, чтобы сводить происшедшее к нападениям на месхетинцев. Нападениям толпы подвергались не только турки. Примечательно, что о Ферганских событиях высказывались также разные активисты и структуры крымскотатарского движения; для них слово "Фергана" означает уже погромы не только турок, но и наравне с ними и крымских татар. В представление о Ферганских событиях как исключительно расправе с турками не очень хорошо вписываются беспорядки в Кокандской зоне. Именно там, где турок было очень мало или не было совсем, столкновения носили наиболее ожесточенный характер. Что примечательно, они произошли уже после того, как были подавлены (или прекратились) выступления в восточной части области и власть смогла взять ситуацию под контроль. По официальным данным, только половина погибших была идентифицирована как турки-месхетинцы. Кто были остальные жертвы? Нападала ли толпа только на тех, кого считала турками, или также на тех, кто помогал туркам? При каких обстоятельствах погибли 36 (или, по другим данным, 38) человек, которых отнесли к узбекам? Около 20 человек якобы погибли 7–8 июня в Коканде у здания горкома партии, когда войска применили оружие на поражение[91]. Как и когда погибли остальные?

Официальные материалы не дают четких ответов на эти вопросы кроме того, что один из погибших "узбеков" был сотрудником милиции.

Участники: "узбеки". Из кого состояла нападавшая сторона, или "погромщики"?

Официальные оценки общей численности активных участников беспорядков в Ферганской области, т.е. лиц, как бы представлявших нападавшую сторону, лежат в диапазоне от 10 тыс. (бывший начальник УКГБ по Ферганской области Н.Г. Лесков[92]) до 70 тыс. человек (Генеральная Прокуратура СССР)[93]. Большого практического значения эти оценки не имеют, и если и позволяют судить о размахе событий, то весьма приблизительно. Очевидно, что понятие "участие" может трактоваться как угодно широко – от руководства устойчивой группой до однократного похода на митинг. Разумеется, при общей аморфности наших представлений о событиях понятие "участники" невозможно толковать иначе как расширительно, т.е. как совокупность людей, каким-либо образом активно обозначивших свою причастность к происходящему, как минимум – присутствием в толпе.

Нас в первую очередь интересует активная часть участников, т.е. непосредственно погромщики и те, кто штурмовал административные здания и промышленные объекты. Практически во всех публикациях и во всех свидетельствах очевидцев речь идет о том, что подавляющее большинство активистов было представлено молодыми людьми. Называют разные возрастные диапазоны, но все они лежат в пределах 15–30 лет. В сельской местности в погромах участвовали и люди более старшего возраста[94].

Данные объединенной оперативно-следственной бригады показывают, что, хотя основные события разворачивались в городах, большинство участников, в том числе активных, составляли сельские жители. Преобладали работники, занимавшиеся неквалифицированным физическим трудом, но, по словам начальника Главного следственного управления МВД СССР В. Панкина, были и представители интеллигенции (сельские учителя, врачи)[95], некоторые руководители предприятий, колхозов и совхозов, а также работники милиции[96].

Участники беспорядков съезжались в города из разных районов области. Можно даже говорить о людской волне, устремившейся из кишлаков в города. В постановлении бюро Ферганского обкома КПУз. по итогам событий было отмечено, что Бувайдинский, Кувинский, Фрунзенский, Язъяванский райкомы сумели блокировать массовые попытки молодежи принять участие в беспорядках в соседних городах[97]. По данным оперативно-следственной бригады, в Коканде было выявлено около 700 участников

беспорядков, из них 127 – кокандцев, 118 – жителей Риштанского района, 37 – Бувайдинского, 94 – Узбекистанского[98]. Иными словами, в беспорядках участвовали люди, в своей повседневной жизни, как правило, не сталкивавшиеся с турками-месхетинцами и, возможно, имевшие о турках весьма смутное представление. Соответственно, предполагается и участие непосредственных соседей турок.

По словам Б. Дзиова, заместителя начальника Главного Управления уголовного розыска МВД СССР, среди участников беспорядков насчитывалось очень мало безработных и ранее осужденных[99]. Это же подтверждал областной прокурор А. Атаджанов[100]. В середине июля из 102 арестованных было 16 ранее судимых и 8 безработных, но каждый пятый был комсомольцем[101]. По словам Г. Чуглазова, следователя по особо важным делам при Прокуратуре СССР, из арестованных к концу октября 200 человек нигде не работающих оказалось 44, ранее судимых 27[102].

В начале событий распространялись слухи о том, что к беспорядкам призывали активисты "Бирлика". Многие турки до настоящего времени уверены, что именно "Бирлик" участвовал в организации погромов. Подобное отношение можно объяснить тем, что движение "Бирлик" в 1989–1990 гг. прочно ассоциировалось у многих с узбекским национализмом как таковым. Однако фактического подтверждения эти сведения не нашли, что было признано и официально. Об этом говорила, в частности, секретарь Ферганского обкома по идеологии Т.А. Эгамбердиева[103].

Характер действий активной стороны. Из чего, собственно, состояли "беспорядки"? Безусловно, они включали в себя нападения на турок.

По опубликованным свидетельствам местных жителей и местных властей, погромы разворачивались примерно по одной схеме. Все начиналось с распространения слухов о том, что в городах (Фергане, Кувасае, Маргилане) бесчинствуют банды турок, которые мстят узбекам за кувасайское столкновение.

Слухи распространялись и стихийно, и целенаправленно; в последнем случае действовали мужчины преимущественно молодого возраста, разъезжавшие на машинах без номерных знаков. Об "эмиссарах" неоднократно упоминали в прессе[104]. Сложно до конца оценить, насколько большу́ю роль играли "агитаторы" и были ли они вообще. Фактом остается то обстоятельство, что в короткий отрезок времени по сельским районам быстро распространились панические слухи об ожидаемых в ближайшее время атаках турок. В махалля собирались стихийные митинги, многие вооружались подручными средствами – топорами, вилами, арматурными прутьями – для "самозащиты". Наиболее горячие молодые люди сами шли или ехали в город или соседний район. Толпа в несколько десятков или сотен человек, вооруженных камнями, холодным оружием и бутылками с бензином, направлялась в том числе и на захваченных машинах (тракторных прицепах) туда, где якобы надо было давать отпор туркам.

Пресса публиковала мнения о том, что убийства и поджоги совершали подобные, сравнительно немногочисленные "ударные группы", а собирающаяся вокруг толпа создавала видимость массовой поддержки или даже довершала начатое "активистами"[105]. По словам Б. Дзиова, в области во время событий действовало несколько мобильных групп численностью по несколько десятков или сотен человек, которые совершали погромы и убийства в отдалении от собственных районов. "Ташлакская" группа насчитывала около 400 человек, она совершила, в частности, групповое убийство в Кувинском районе. Были аналогичные группировки из Ахунбабаевского, Ферганского, Кувинского районов[106].

Погромы совершали не только прибывшие из других районов, но и непосредственные соседи турок: кто-то должен был указывать, где живут турки. Вряд ли многотысячные толпы зевак или сочувствующих погромщикам могли себе позволить разъезжать из района в район.

События не сводились к нападениям на дома, где жили турки. В некоторых населенных пунктах (например, в Коканде, Риштане, Фергане) толпа (а точнее, группы вроде народных дружин) осматривала проходящий автотранспорт, в том числе рейсовые автобусы и искала турок[107]. Были попытки блокировать автобусы, перевозившие турок под охрану на полигон в Фергане, нападений на полигон и преследования турок, эвакуированных в Аштский район Таджикистана.

Кроме того, во время событий в области, в частности, в Фергане, Риштане, Коканде, проходили митинги, на которых толпа выдвигала какие-то лозунги и требования. Толпа блокировала административные здания: Ферганский обком, Кокандский горком, Ташлакский райком, несколько зданий отделов внутренних дел. Были попытки штурма этих зданий, порой успешные; так, в Ферганский обком толпа прорывалась по меньшей мере два раза, 4 и 5 июня. В Коканде толпа захватывала промышленные предприятия и железнодорожный вокзал. В Яйпане и Бешарыке погромщики пытались захватить в отделениях милиции оружие. Был опубликован ряд свидетельств об угрозах отдельным чиновникам, людям, которых подозревали в помощи туркам, военнослужащим, а также о нападениях на них. Таким образом, у участников событий с "узбекской стороны" было, помимо турок, немало объектов приложения сил.

Вообще, давать обобщенные оценки роли толпы, опираясь на имеющиеся свидетельства, крайне сложно. Вероятнее всего, то, что внешние наблюдатели (партийные работники, журналисты, военнослужащие ВВ) воспринимали как агрессивную толпу, не являлось чем-то монолитным. Было активное ядро, были сочувствующие, активно выражавшие свое сочувствие, были зеваки, а были, возможно, и просто мародеры, тащившие все, что плохо лежало. Но и сводить роль толпы к наблюдению за действиями "активистов" и к пассивной поддержке было бы неверным: большие массы народа, например, успешно блокировали войска на подступах к Коканду, осаждали административные здания. Численность осаждавших РОВД в Ташлаке, например, оценивается от 3 тыс.[108] до 5–6 тыс. человек[109].

Областные и республиканские газеты сообщали, что во время событий под контролем властей было создано более 900 отрядов самообороны, в которые вошло более 10 тыс. человек[110]. Нигде, однако, не приводились подробности создания этих формирований и не сообщалось, от кого их участники собирались обороняться. Встает законный вопрос, можно ли было на практике провести границу между этими отрядами и якобы самочинно созданными группировками, уничтожавшими турок тоже как бы в целях самообороны.

После событий публиковалось множество суждений, которые невозможно однозначно интерпретировать: о том, что оружие для беспорядков готовилось заранее, что заранее составлялись списки турок и пр.[111] Я склонен видеть в них отголоски преувеличенных слухов, распространявшихся во время беспорядков. Никаких определенных подтверждений такие суждения не нашли, а их появлению можно найти простые объяснения: списки турок действительно могли попытаться составить или достать в местных органах власти во время беспорядков "активисты", "активисты" могли поспешно заготовлять во время событий заточки из арматуры и бутылки с бензином, благо это занятие не требует особенных усилий.

Мотивы и требования активной стороны. В отличие от "турок" голос другой стороны (условных "узбеков") во время событий практически не слышен. Мы не можем определенно говорить, как составлявшие ее люди видели происходящее. Разумеется, существуют оперативные, следственные и судебные материалы, показания свидетелей, задержанных, подследственных и подсудимых, их жалобы и ходатайства. В данном случае эти тексты не имеют большого значения, отчасти из-за их недоступности, отчасти из-за смены контекста: это уже голоса не участников событий, а людей, вынужденных оправдываться и защищать себя в

радикально изменившейся обстановке. Письменные источники содержат фрагментарные описания образа действий "погромщиков" и отчасти – их представлений о происходящем и мотивов, но эти описания скорее передают впечатления и интерпретации сторонних наблюдателей, чем "прямую речь" непосредственных участников.

Руководствовались ли "погромщики" и сочувствующие им стремлением нанести вред туркам (уничтожить, выселить, избить)? Судя по результатам их действий – да. Во время июньских событий погромщики атаковали дома и улицы, где жили турки. Обычно несколько месхетинских семей (или даже несколько десятков) жили друг с другом по соседству, такое расселение облегчало погромщикам поиск жертв, но исключало серьезное сопротивление. Проводили ли погромщики четкое различие между турками и другими меньшинствами, т.е. преследовали ли турок именно как турок? Ответ положителен с рядом оговорок. После кувасайских событий, например, по словам С.Н. Абашина, в Куве говорили о стычках с "чеченами"[112], таким образом, говорившие не всегда ясно представляли, о ком идет речь. Нет полной уверенности, что во время июньских событий все участники в качестве противника воспринимали именно турок (а не вообще "кавказцев") и что ясно понимали, кто такие турки. Турки в Ферганской области, действительно, представляли собой основную "кавказскую" по происхождению этническую группу. Однако среди других "кавказцев" жертв не было. Среди жертв были крымские татары, но в целом крымскотатарское меньшинство в Ферганской области, сопоставимое по численности с турками, не пострадало.

Почему нападавшие видели в турках врагов, подлежавших уничтожению? Сообщения о беспорядках не содержат упоминаний о каких-либо внятных претензиях к туркам как таковым. Но практически все сообщения описывают не только действия погромщиков, но и настроения окружающего населения как стремление защититься от агрессии, т.е. турок воспринимали не как жертв, а как нападающую сторону. Эти настроения проникали даже в верхние эшелоны власти Узбекистана. Так, председатель Совета Министров Уз.ССР якобы настаивал на эвакуации турок из Ферганы и мотивировал это тем, что турки могут "сняться" с охраняемого полигона и толпой пойти в город[113]. Уже после июньских событий в Ферганской области ходили слухи о турках, скрывающихся в окрестных горах и собирающихся мстить узбекам.

По сообщению ряда источников, еще одним ключевым понятием, использовавшимся во время событий для характеристики мотивов нападавших (наряду с "защитой") было слово "месть".

Активисты событий не только клялись (в том числе публично, на митинге[114]) "отомстить туркам", но и требовали этого от других.

Толпы осаждали административные здания и даже пытались их захватить, но эти действия нельзя квалифицировать как стремление свергнуть местную власть, уничтожить ее и поставить на ее место какие-то иные структуры. Власть была адресатом требований, хоть и выдвинутых в весьма непочтительной манере. Что требовала от власти толпа? Представители следственной группы очень определенно говорили о том, что имеющиеся у них материалы не позволяют утверждать, что участники беспорядков имели сколько-нибудь определенную программу действий и выдвигали бы какие-нибудь четкие лозунги. Публикации в прессе и рассказы очевидцев убеждают в том же. В Кувасае во время майских событий и во время митингов в Ташлаке и Маргилане раздавались требования к властям о выселении турок, они не были четко оформлены и дальнейшие действия толпы не имели никакой связи с их выполнением или невыполнением. Сообщения из районов наиболее активных беспорядков (Ташлак, Фергана, Коканд) непременно упоминают три требования: выдать турок, выдать милиционеров, стрелявших в толпу, освободить задержанных. Еще были сообщения о требовании "защитить узбеков от турок". Во время беспорядков собирались массовые митинги, в том числе около здания Ферганского обкома и Кокандского горкома КПУз. Отдельные, не слишком подробные, сообщения упоминают о том, что к власти предъявлялись и другие претензии. Якобы на митингах шли разговоры о плохой экологической обстановке (в связи с чем толпа требовала закрытия Новококандского химического комбината и других предприятий), о низких закупочных ценах на хлопок и других социальных проблемах[115].

Выдвигались ли во время событий какие-то более общие требования и лозунги? Сообщения об этом расплывчаты и противоречивы. Прокурор области А. Атаджанов говорил о том, что распространялись (непонятно, насколько широко) листовки (также неясно, рукописные или печатные) с подписью "Священные узбеки"[116]. Есть свидетельства того, что в Коканде на площади Ленина в толпе было зеленое знамя. В частности, его видел с вертолета 8 июня корреспондент "Ферганской правды" Макс Лурье. Там же, на площади в Коканде, в толпе были заметны портреты Ленина[117]. По оперативным данным МВД, в Коканде же на площади были антирусские лозунги: 5-метровый транспарант и табличка с тем же текстом поменьше. Впрочем, содержание текста не сообщалось. По мнению следователей, это более всего было похоже на самодеятельность отдельных лиц[118]. Таким образом, нет никаких оснований говорить о существовании ясной идеологической мотивации действий погромщиков или о каких-либо далеко идущих планах.

Участники: власти и войска. Власть не была едина: в событиях принимали участие различные структуры, представлявшие разные властные эшелоны. Многие структуры друг другу не подчинялись, и возникали разные центры силы. "Москву" представляли как минимум Внутренние Войска во главе с командующим ВВ и представителями Главного Управления ВВ МВД СССР и оперативно-следственная бригада во главе с представителем Генеральной Прокуратуры СССР. Задолго до июньских событий ситуацию в Ферганской области пытались держать под контролем республиканские власти, а областные и районные власти пытались предотвращать или гасить беспорядки с момента кувасайских событий.

Как власти всех уровней видели беспорядки? Можно утверждать, что сосуществовали три версии событий. Власти, во-первых, видели в происходящем "межнациональный конфликт" и тем самым как бы ставили обе "стороны" на одну доску. Отсюда подавление попыток турок оказать сопротивление, отсюда стремление республиканского руководства как можно скорее вывезти месхетинцев из Ферганы во избежание новых "столкновений". Во-вторых, власти все-таки защищали турок как жертв агрессии: вывозили на охраняемый полигон, прятали в административных зданиях. В-третьих, местные власти и особенно представители силовых структур, если и не видели в противостоящей им силе "экстремистов", то много о них говорили. По крайней мере, уже с первых дней риторика защиты от некоего заговора и от "экстремистов" становится преобладающей в выступлениях представителей ВВ, следственной бригады и местных властей.

Во время и после событий в прессе было много упоминаний о том, что местные власти, а также милиция и войска вели себя пассивно и реагировали на происходящее с опозданием: "первые дни милиция вела себя растерянно"[119], "когда начались события, маргиланская милиция скрылась"[120], "милиция бездействовала"[121]. Во многих публикациях сообщалось о том, что первые подразделения Внутренних Войск прибыли в область не только без оружия, но и без щитов с касками[122]. В первые дни военные не имели приказа о наступательных действиях и приказа о применении оружия[123]. Есть немало нелицеприятных упоминаний о действиях областного и республиканского начальства[124].

При более детальном рассмотрении происшедшего складывается более сложная картина. С одной стороны, по формальным признакам трудно утверждать, что власти бездействовали, напротив, в некоторых случаях их реакцию можно оценивать как

весьма оперативную при том, что в начале событий в принципе было сложно определить их масштаб и характер. В самом деле, сразу же после начала столкновений в Кувасае туда были переброшены подкрепления областного УВД, на место событий прибыли представители обкома и сам начальник УКГБ генерал Лесков. Кувасайские события обсуждались на специальном заседании бюро обкома. Представители обкома были отправлены в Ташлак, где распространялись слухи о предстоявшем обострении обстановки. Общественность в основном информировалась о ходе событий через областные газеты. Читателям "Ферганской правды" было сообщено о столкновении в Кувасае на третий день после его завершения, что по советским меркам не так уж плохо.

Еще до начала погромов в Ташлаке 3 июня туда были направлены дополнительные подразделения Ферганского УВД. Также до 3 июня в Ферганскую область началась переброска милицейских подкреплений из Ташкента и ВВ МВД СССР из разных городов. 4 июня в области был объявлен комендантский час и сформирована комендантская служба во главе с министром внутренних дел Узбекистана. 3 июня руководство Узбекистана приняло решение о создании правительственной комиссии, которая была сформирована 6 июня[125]. С самого начала событий в области была запрещена продажа спиртных напитков[126]. Группировка ВВ в области была быстро наращена до 13 тыс. человек. Эвакуация турок на полигон в Фергане, а затем и за пределы области была проведена быстро и в целом организованно. Для ее проведения правительство республики якобы сразу же выделило 15 млн руб.[127] И хотя необходимо учитывать естественное желание чиновников представить свои действия в наилучшем свете и возможность в связи с этим искажения или сокрытия с их стороны тех или иных фактов, реакция на события представляется достаточно оперативной, тем более что обстановка в первые дни была неясной. Другое дело, что власти, пытаясь что-то делать, не очень ясно понимали, что от них требуется; отсюда непоследовательность и нерешительность.

Партийные и советские руководители постоянно предпринимали в целом безуспешные попытки уговорить толпу, т.е. местная власть до последнего старалась не идти на лишнюю конфронтацию. Мотивы такого поведения в незнакомой обстановке, в общем, понятны.

Очевидно, что тактика и ВВ, и действовавшей вместе с ними местной милиции была оборонительной и реактивной. Войска с некоторым опозданием появлялись там, где собиралась толпа и начинался погром. Милиция и военные патрули появились в Фергане и Маргилане только 6 июня. В тот же день ГАИ вместе и войсками начали блокировать основные магистрали и проверять проходящий транспорт в дневное время. Руководство областной автоинспекции позднее объясняло это опоздание нехваткой сил и средств[128]. Войсковые подразделения в первую очередь занимались охраной объектов, имевших особую важность, в том числе административных зданий; во вторую – блокировали турецкие махалля и эвакуировали оттуда турок. Ни в одном сообщении нет сведений о наступательных действиях войск по отражению толпы погромщиков для защиты турок. Наступательные действия (включавшие в себя даже десантирование с вертолета) проводились только в Кокандской зоне в конце событий и преследовали цель только освобождения промышленных объектов и административных зданий, окруженных или занятых экстремистами (операция по захвату железнодорожного вокзала в Коканде, по снятию блокады с РОВД и здания прокуратуры в Яйпане). ВВ в основном не пытались остановить движение больших групп погромщиков по дорогам области, точнее, эффективное патрулирование и блокирование коммуникаций проводились только во время действия комендантского часа в ночное время. Во всех публикациях есть только два упоминания об успешном блокировании колонн с погромщиками: утром 9 июня на подступах к Коканду и в Аштском районе Таджикистана около лагеря турецких беженцев, т.е. в обоих случаях – "на излете" событий.

Из публикаций следует, что, может быть, за исключением первых двух дней, войска были оснащены огнестрельным оружием и спецсредствами. И то, и другое применялось, но в ограниченном масштабе (огнестрельное оружие – шесть раз за все время событий[129]) и также в основном в оборонительных целях.

Примечательно, что в событиях никак не участвовали армейские подразделения, в том числе Ферганская воздушно-десантная дивизия, подразделения которой были расквартированы, в частности, непосредственно в городе Фергане.

Вряд ли есть весомые основания усматривать в этих фактах наличие в действиях войск и властей какого-либо тайного умысла. В них прослеживается своя логика. Во-первых, безусловным приоритетом в деятельности "силовых структур" была и остается охрана государственных объектов и представителей власти, а защита простых граждан отходит на задний план. Во-вторых, каждая инстанция и каждый из центров силы стремились брать на себя как можно меньше ответственности и вместе с тем избегать контроля и вмешательства "со стороны". Показательны в этом плане объяснения должностных лиц Ферганской области относительно пассивного поведения войск

и милиции в первые дни. Начальник Ферганского УВД генерал С.Ю. Бурханов объяснял свой отказ дать приказ на открытие огня тем, что на это не дал санкцию областной прокурор. Прокурор же Ферганской области А. Атаджанов ссылался на то, что прокуратура не обязана давать такие санкции, а решение о применении оружия могут принимать сами служащие МВД в случае возникновения ситуаций, угрожающих их жизни. Командование ВВ списывало опоздание на нечеткую позицию местных властей в начале событий и на неадекватность поступавшей от них информации[130]. Разумеется, представители силовых структур не горели желанием отдавать приказ о применении огнестрельного оружия: последствия этого были не очень понятны, вместе с тем не было ясно, как потом происшедшее будет расценено "наверху" и кого сделают "козлом отпущения".

Версии и интерпретации

Во время и после столкновений в Фергане предпринимались попытки объяснить их причины и механизмы. Наступил новый этап конструирования конфликта, причем на этом этапе слово "конструирование" может применяться в смысле, максимально приближенном к бытовому пониманию, т.е. как сознательное изготовление или фабрикация. Ферганские события воплотились в более или менее цельные версии и интерпретации и в таком качестве стали социальной реальностью. Версии и толкования зажили своей жизнью, независимой от "материальной" реальности собственно июньских столкновений.

Условно можно выделить несколько типовых подходов[131], которые в тех или иных формах воспроизводились самыми разными наблюдателями и экспертами, а также самими участниками событий: активистами турецкого движения, представителями властей, правоохранительных органов и военных. Некоторые объяснения можно назвать самодостаточными – они претендуют на раскрытие основной причины и механизма событий; некоторые выделяют только отдельные факторы и обстоятельства. Границы между типами версий весьма условны; как правило, каждое конкретное объяснение в тех или иных пропорциях сочетало различные подходы. Это делает практически невозможной систематизацию версий по их источникам: исходили ли они от непосредственных участников, от представителей средств массовой информации, властей, самодеятельных политических движений и пр. Так что типовые версии сгруппированы ниже в зависимости от того, какой именно характерной черте или гипотетическому

механизму событий уделено наибольшее внимание в попытке их объяснить. Приведенные названия версий условны.

1. "Эскалация хулиганских действий". По мнению некоторых должностных лиц в первые дни после начала событий, последние развивались по следующей схеме: соперничество криминальных группировок в Кувасае привело к столкновениям 23–24 мая, их результатом стало нагнетание обстановки в области, слухи спровоцировали узбекскую молодежь на месть туркам, попытки сопротивления подогрели агрессивность нападавших. Об этом говорил на заседании Съезда народных депутатов СССР Р.Н. Нишанов: по его мнению, все началось со ссоры на базаре из-за "тарелки клубники" (турок нагрубил продавщице-узбечке и опрокинул клубнику, за неё заступились, началась драка и т.д.). Эту же точку зрения высказал в интервью Председатель Совета министров Уз.ССР Г. Кадыров[132]. Несколько дней спустя официальная точка зрения радикально изменилась (см. ниже). Схема рассуждений об эскалации агрессивных действий представляется логичной и правдоподобной, но она не служит объяснением механизма событий и причин, по которым они приобрели такой беспрецедентный размах.

2. "Экономическая версия". Суть сводится к следующему: недовольство узбекского населения своим экономическим положением на фоне более высоких доходов и более высоких стандартов жизни турок привело к погромам и беспорядкам. Иногда эта версия высказывается с ударением на тяжелом положении узбеков, приведшем к стихийным вспышкам недовольства, при том что турки сыграли роль раздражителя. Иногда речь идет преимущественно о социальной конкуренции между узбеками и более преуспевающими турками. В "чистом" виде объяснение распространялось почти исключительно на бытовом уровне. Сотрудникам Отдела народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии, в том числе и автору этих строк, неоднократно приходилось в 1989–1991 гг. слышать различные его варианты. Расходясь в деталях, они имели общую основу: в то время как узбеки за гроши гнули спины на хлопковых плантациях и страдали от нищеты, турки полезным трудом не занимались, спекулировали, захватывали доходные места в торговле и в руководящих инстанциях, кроме того, вели себя вызывающе, унижая национальное достоинство узбекского народа; в конце концов чаша терпения переполнилась.

В средствах массовой информации экономические трудности (особенно безработица в сельских районах) рассматриваются не как непосредственная причина, а как предпосылка столкновений, как фактор, способствовавший нагнетанию напряженности, хотя

некоторые публикации, по сути, выставляют его на первое место в ряду предполагаемых причин событий[133]. Так или иначе выделяются те же обстоятельства: крайне низкий, едва ли не нищенский уровень жизни узбеков и конкуренция с турками из-за земли и престижных рабочих мест.

Ссылка на тяжелое экономическое положение Узбекистана, и, в частности, Ферганской области, как на важный фактор, способствовавший дестабилизации, встречается без исключения в каждом интервью или выступлении должностного лица из Узбекистана, затрагивающем тему Ферганских событий (надо отдать должное, высшее руководство Узбекистана в некоторых случаях отмежевывалось от попыток свести причины событий к экономическим проблемам[134]). Необходимо учитывать, что у представителей властей Узбекистана был свой интерес в акцентировании внимания на экономических трудностях. Комментирование Ферганских событий позволяло лишний раз напомнить "Центру" о необходимости бóльших материальных вложений в экономику Узбекистана во избежание неприятностей социально-политического характера, а своему населению – об "объективных" трудностях, связанных с особым положением республики в системе общесоюзного разделения труда.

Один из лидеров движения "Бирлик" Мухаммад Солих написал в своей статье во время событий, что множество нерешенных социально-экономических проблем вызывает у молодежи "неосознанный внутренний протест", который при определенных обстоятельствах мог вылиться в массовое насилие[135]. Приблизительно ту же мысль изложил проректор Ферганского педагогического института Ш. Абдуллаев[136].

При мало-мальски детальном рассмотрении трактовки Ферганских событий и как "голодного бунта", и как "межобщинных столкновений" на экономической почве[137] представляются не очень обоснованными.

Вызывает сомнения оценка уровня жизни сельского населения как "крайне низкого" или "нищенского", тем более способного вызвать взрыв отчаяния. Нет нужды отрицать существование в Средней Азии множества социально-экономических проблем как сугубо местных, так и характерных для СССР в целом. Можно согласиться с тем, что уровень жизни среднеазиатского населения по многим показателям был более низким, чем в Европейской части СССР. Но следует заметить, что тезисы о полуголодном существовании сельских жителей, о "хлопковом рабстве", о массовой безработице представляют собой более чем преувеличение. Недоразумение заключается в неверной интерпретации официальных данных о доходах и потреблении населения, игнорирующей качественно иную мотивацию и структуру потребления, отличные от таковых в Европейской части страны, а также наличие у населения иных источников дохода вне государственного сектора экономики и частую практику совмещения работы на разных предприятиях (что весьма распространено в сельской местности)[138].

Формально уровень жизни в Узбекистане был более низким, чем в большинстве других республик СССР. По официальным данным, душевой доход сельского жителя в Узбекистане в 1988 г. был ниже среднесоюзного на 39,1% (70 рублей против 115)[139]. Средний доход на душу в сельской местности Ферганской области в 1989 г. составлял 60–64 рубля[140]; выплаты и льготы на душу составляли в среднем по СССР 554 рубля, а по Узбекистану – 375 рублей; 45% населения в Узбекистане жила ниже черты бедности[141]. Последняя цифра фигурировала во многих публикациях и выступлениях, но нигде не упоминалось о методике и критериях установления "черты бедности". В то же время Ферганская область занимала первое место в Узбекистане по числу личных автомобилей: малолитражной машиной в среднем владела каждая вторая семья[142]. Официальные данные практически не учитывают доходы, получаемые сельскими жителями вне "общественного" (государственного) сектора экономики, а они как минимум сопоставимы с поступлениями от основной работы на государственном предприятии или в колхозе. Вместе с тем официальная статистика не отражает весьма распространенную практику работы по совместительству в нескольких местах. Большое значение имеет и качественно иная, нежели в Европейской части СССР, структура потребления. Все это, вместе взятое, не дает основания трактовать экономическое положение сельского населения в Фергане как "нищету".

Во многих выступлениях и публикациях упоминалось о массовой безработице как об одной из существенных причин социальной напряженности. Но в качестве иллюстрации приводились весьма различные и нередко противоречащие друг другу данные. Писатель Алим Мирзаев говорил о 280 тыс. безработных в Ферганской области[143], сообщалось о том, что каждый пятый взрослый трудоспособный житель Узбекистана – безработный[144]. Однако более тщательное рассмотрение показывает, что под "безработными" в данном случае понимались не занятые в общественном производстве[145]. Число же действительно безработных, т.е. ищущих работу, оказывается намного меньшим – в пределах 12–16 тыс. человек на всю область[146]. Подобное положение трудно назвать "массовой безработицей". Данные о числе не занятых в общественном секторе также расходятся в разных источни-

ках: в одних говорится о 70 тыс.[147], в других – о более чем 260 тыс.[148] При обсуждении проблемы безработицы необходимо учитывать такие обстоятельства, как распространенность совмещения работы в разных местах, работы в личном хозяйстве, торгового посредничества, так что любая сельская семья имеет несколько сопоставимых и в известной степени взаимозаменяемых источников дохода. Таким образом, едва ли следует говорить о безработице как об источнике напряженности, тем более, что среди участников беспорядков безработных было мало. Надо учитывать также, что большинство погромщиков составляли молодые люди, а сельская молодежь после окончания школы или ПТУ и до призыва в армию обычно нигде не работает.

Не очень обоснованным представляется мнение о развернутой социальной конкуренции между турками и узбеками, тем более такой, которая могла спровоцировать столь масштабные столкновения. Турок было немного, они составляли менее 0,6% населения области, жили дисперсно, по большей части в городской местности (т.е. не могли составлять сколько-нибудь значительную конкуренцию в разделе земельного фонда). Подавляющее большинство турецких семей имело приусадебные участки, но в этом плане турки ничем не отличались от представителей других этнических групп, в том числе и самих узбеков. В нашем распоряжении нет никаких данных, которые подтверждали бы в среднем заметно более высокий материальный достаток турок по сравнению с другими группами. Сведения, которыми мы располагаем (в том числе результаты полевых исследований в Ферганской области), не подтверждают мнения о широкой вовлеченности турок в посредническую торговлю.

Турки были слабо представлены в сфере управления и в государственной системе распределения (в частности, в государственной торговле). Например, перед событиями в Ташлаке и окрестностях жило 2350 турок, только 8 из них закончили вузы и 18 – техникумы, т.е. могли рассчитывать на сколько-нибудь престижную работу[149]. В Кувасае на девяти предприятиях работали 7 тыс. человек, в их числе было 847 турок-месхетинцев. Среди руководящего состава предприятий и учреждений города не было ни одного турка. В системе здравоохранения работало 132 врача, среди них не было ни одного турка. В торговле и в системе общественного питания работало 1250 человек, в их числе 181 турок-месхетинец, среди последних – ни одного руководящего работника[150]. По заключению комиссии ЦК КПУз., из 15 районных партийных комитетов области только в составе Ахунбабаевского и Ферганского райкомов были четыре турка-месхетинца. Кокандским горкомом за предшествовавшие событиям 8 лет в партию

не было принято ни одного турка, Кувасайским и Маргиланским горкомами, Ташлакским райкомом – единицы. Удельный вес турок в составе руководящих кадров в области был в два раза, а среди депутатов Советов всех уровней в три раза ниже, чем их доля в составе населения. В областном Совете последнего созыва был один турок, а в Советах городов Фергана и Коканд не было ни одного[151].

Разумеется, стереотипы массового сознания не обязательно должны быть адекватным отражением эмпирически фиксируемой реальности, и мнение о "зажиточности" турок могло распространяться независимо от того, какой уровень доходов последние имели в действительности. Однако подобные стереотипы отмечаются наблюдателями только после событий (когда возникла потребность в объяснении и самооправдании), но не до них. Существование же таких представлений до мая–июня 1989 г. представляется маловероятным и нелогичным по указанным выше причинам: турки были крайне малочисленны, расселены дисперсно, не были заметно представлены в престижных и доходных сферах занятости, т.е. не составляли узбекам заметной конкуренции. Следует добавить, что массовое сознание должно было оценивать турок на фоне других, более многочисленных, мобильных и преуспевающих в материальном плане групп, таких как корейцы и крымские татары.

У "экономической" версии, как и у некоторых других версий, рассматриваемых ниже, есть еще один недостаток, который мне представляется решающим. Объяснение построено на более чем сомнительной посылке (впрочем, не высказываемой открыто), состоящей в том, что этнические группы (в данном случае турки и узбеки) представляют собой своего рода "социальные организмы", наделенные сознанием, волей, рефлексией и интересами.

3. Криминальная версия. В эту категорию я включаю только гипотезы, объясняющие события действиями криминальных структур, не преследующих политические цели. О роли преступных элементов в событиях власти говорили с самого их начала: "молодежь, одурманенная немногочисленной группой уголовных, преступных и коррумпированных элементов"[152], "действия коррумпированной, хорошо организованной мафиозной группы"[153].

Во время событий командующий ВВ МВД СССР генерал-майор Ю. Шаталин говорил о том, что беспорядки подстроены сильной и хорошо законспирированной преступной группировкой с целью организации широкомасштабных грабежей. Примерно о том же сообщал и бывший в то время начальником УКГБ по Ферганской области Н.Г. Лесков, добавляя, что перед июньской вспышкой был зафиксирован приезд в Ферганскую область ряда особо

опасных преступников из РСФСР[154]. Однако впоследствии ни Шаталин, ни Лесков к этой версии не возвращались, фактического подтверждения их словам (если судить по данным открытых источников) найдено не было; напротив, следственная группа Генеральной Прокуратуры СССР сообщила о том, что у нее нет сведений о сходе уголовников перед событиями[155].

Вскоре после окончания июньских событий Н.Г. Лесков утверждал, что события в Кувасае были вызваны острой борьбой между двумя мафиозными группировками – турецкой и узбекской, – начавшейся после гибели в августе 1988 г. лидера турецкой группы некоего Босса; июньские же события были спровоцированы столкновениями в Кувасае и явились как бы их продолжением[156]. Эта версия также не получила развития в дальнейшем и не нашла фактического подтверждения. Некоторое время в Ферганской области и в целом в Узбекистане на бытовом уровне ходили слухи о том, что события были вызваны соперничеством между турецкой и узбекской "мафиями", однако эти сообщения носили крайне обобщенный и неконкретный характер.

В целом же "криминальные" версии представляются малодостоверной и не очень логичной импровизацией. Если действительно имело место соперничество двух "этнических" преступных группировок в Кувасае (что само по себе не является доказанным и вызывает сомнения), то почему июньские погромы случились не там (в июне в Кувасае ничего существенного не происходило), а в других районах области? Если некая узбекская "мафия" пыталась устранить группу конкурентов, то почему для этого был избран столь трудоемкий и рискованный способ? При всей ограниченности наших представлений об организованной преступности есть тем не менее весомые основания утверждать, что устранение конкурентов проводится по иным схемам, на основе иных методик. Несомненно, во время июньских столкновений были и грабежи, и случаи мародерства, но вряд ли можно считать подобный материальный стимул достаточной, да и просто существенной причиной для возникновения столь масштабных беспорядков. В публикации "Литературной газеты" (14 июня 1989 г.) называлась следующая возможная причина целенаправленной организации массовых погромов: мафия хотела втянуть в преступную деятельность и связать круговой порукой как можно больше молодых людей. Предположение само по себе не очень логичное. Подобная массовость организованной преступности, по всем соображениям, не нужна, а с "кадрами" у нее проблем и так никогда не возникало. Трудно также всерьез воспринимать предположение Н.Г. Лескова[157] о том, что "обиженные" борьбой с коррупцией и их родственники готовили массовые беспорядки

для того, чтобы "отомстить" Советской власти. Следует, кстати, отметить, что Ферганская долина среди узбекистанских регионов была в минимальной степени затронута кампанией 80-х гг. по борьбе с коррупцией. В любом случае, привлечение внимания "центра" и союзных силовых структур к положению в Ферганской области в связи с большим бунтом вряд ли могло пойти на пользу и организованной преступности, и коррумпированной бюрократии.

4. Националистическая версия. Под этим заголовком я группирую попытки объяснить причины событий обострением проблем "межнациональных отношений" как таковых, безотносительно к борьбе за власть. В литературе и периодике можно найти две интерпретации. Одна из них не является самодостаточной, указывает не на конечную причину, а на один из факторов возникновения конфликта. Ее содержание можно передать следующим образом: важной причиной вспышки насилия в Фергане явилось распространение в предшествующие месяцы в Узбекистане националистических идей. Представления о "чужаках" как причине многих, в том числе социальных и экономических, проблем Узбекистана и о "национальном государстве" как самостоятельной ценности или/и способе решения проблем легли на благодатную почву, были освоены различными социальными слоями и значительно повысили потенциал агрессии в обществе. Малейший толчок (локальный конфликт на бытовой почве, обострение социального недовольства) мог вывести ситуацию из равновесия, что и произошло.

Ссылки на национализм и этническую ксенофобию как фактор вызревания конфликтной ситуации содержатся едва ли не во всех выступлениях и публикациях, посвященных Ферганским событиям. Наибольшее внимание этому обстоятельству уделено в статьях А. Головкова[158] и К. Мяло и П. Гончарова[159]. В этих и других публикациях называются и социальные силы, предположительно распространявшие националистические идеи: часть узбекской бюрократии, напуганная кампанией по борьбе с коррупцией и желающая ослабить контроль со стороны "центра", часть интеллигенции и "неформалов"[160], организованная преступность, желающая таким образом поставить под свой контроль общественную и политическую жизнь[161].

В принципе нельзя не признать хотя бы частичную справедливость подобных предположений. Националистические идеи в массовом сознании в тот момент уже проявились открыто; несомненно, в той или иной степени они влияли на психологическую обстановку. Важен вопрос о том, насколько весомым мог быть этот фактор. Мы в настоящее время можем судить о Ферганских

событиях, используя опыт множества других, более поздних конфликтов на территории СССР. Ни в одном из них сами по себе националистические идеи, тем более в абстрактной форме, не будучи конкретно направленными против определенной группы или не имея институционального воплощения, ограничивающего права и возможности "нетитульных" групп, не приводили к вспышкам массового насилия. Кроме того, в известных нам конфликтных ситуациях применению насилия обычно предшествует предконфликтная ситуация – период психологического "созревания" общества, идеологического оформления будущих столкновений, в частности, распространения негативных стереотипов, мифов о взаимных претензиях и "этнических правах" и т.п. Ничего подобного в Ферганской области до июня 1989 г. не прослеживается. Наконец, можно было предполагать, что распространение националистических идей (в духе "Узбекистан для узбеков") должно было привести позднее и в других регионах к аналогичным конфликтам или к агрессивным проявлениям, направленным против других этнических групп. Однако, если не считать нескольких локальных эпизодов (погром квартала, населенного евреями и армянами, в Андижане в мае 1990 г., убийство толпой нескольких русских солдат в Намангане в ноябре того же года), больше на территории Узбекистана проявлений столь масштабной и узконаправленной, как в Фергане, агрессии не отмечалось. Все это вместе взятое не говорит в пользу рассмотрения этнического национализма как самостоятельной и весомой причины Ферганских событий.

Своеобразную версию предложил Ш. Абдуллаев: "События 1989 г. в Ферганской области, безусловно, носят национальный характер и имеют уникальную природу", но не являются проявлением национализма[162]. "Опыт ферганских событий показывает, что низкий уровень политической культуры, стереотипы массового сознания у значительной части нашего общества, а также крайняя запущенность множества экономических, экологических и социальных проблем обуславливают высокую вероятность того, что национальные движения при определенных обстоятельствах становятся неуправляемыми, перерастают в кровавые столкновения"[163].

Другое объяснение, претендующее на самодостаточность, сводится к следующему. Турки стали своего рода сознательно выбранной "мишенью", на их примере узбекский национализм хотел показать представителям "нетитульных" национальностей, что их может ждать в Узбекистане. Тем самым как бы решалось несколько задач: была проведена "проба сил", "инородцам" показали, кто является "хозяином" в республике, следовательно,

подтолкнули их к эмиграции и на будущее отпугнули их от выдвижения каких-либо самостоятельных требований. Как пишут М. Лурье и П. Студеникин, подобные представления особенно были распространены среди "европейского" населения Узбекистана[164]. Большинство турок, с кем приходилось беседовать, также считают, что их народ из-за своей малочисленности и распыленности стал удобным объектом для "демонстрации силы".

Подобную трактовку в законченной и наукообразной форме неоднократно излагали в своих публикациях этнографы из Петербурга Э.Х. Панеш и Л.Б. Ермолов[165]. По их мнению, "демонстрация силы" была сознательной и целенаправленной: "узбекам", "узбекскому национальному движению" нужно было припугнуть "этническую альтернативу". Последнее выражение, предложенное Э.Х. Панеш и Л.Б. Ермоловым, должно означать, вероятно, этническую группу, в среде которой может возникнуть сильное сепаратистское или автономистское движение, в каковом качестве авторы рассматривают таджиков. Думается, эта версия, даже несмотря на свой оригинальный характер, едва ли заслуживает подробного критического рассмотрения. Во-первых, из-за того, что она включает в себя элемент мистики: в качестве реального действующего лица рассматривается фиктивный субъект – "узбекский народ". Э.Х. Панеш и Л.Б. Ермолов оставляют за рамками рассмотрения самый главный вопрос: в каких же организационных формах воплотилась пресловутая "воля узбекского народа"? Во-вторых, представляется более чем спорным предположение об особой, способной привести к трагедии такого масштаба, как Ферганские события, остроте отношений между узбеками и таджиками, тем более в Фергане, где последние весьма малочисленны.

5. *Политические версии.* В эту группу можно свести объяснения Ферганских событий как результата "заговора", или целенаправленной акции, подготовленной и проведенной с определенными политическими целями. Различные трактовки подобного рода делятся на две категории: указывающие на "заговор" антиправительственного характера и приписывающие "авторство" властным структурам разных уровней.

а) Антиправительственный заговор. Эту версию широко использовали как представители власти едва ли не с самого начала событий, так и журналисты московских изданий, считавшихся "оппозиционными" ("Собеседник", "Огонек").

Министр внутренних дел СССР В.В. Бакатин в интервью корреспонденту Уз.ТАГ 5 июня сказал следующее: "Ясно одно – за этими событиями стоят силы, для которых чем хуже, тем лучше, которые хотят дестабилизировать обстановку, помешать пере-

стройке. И не случайно для этого выбран столь ответственный момент, когда проходит I Съезд народных депутатов"[166]. Цитата из редакционной статьи в "Правде": "Главную роль сыграл не национализм... Это действия коррумпированной, хорошо организованной мафиозной группы. Ее цель: на волнах демократии принизить роль советских и партийных органов, запугать основную массу населения"[167].

В подобном духе высказывались представители республиканского и областного руководства. Первые два дня после начала событий узбекистанская пресса печатала сообщения о "хулиганских проявлениях", затем подобная позиция была резко раскритикована вышестоящим начальством[168], и руководители разных уровней начали тиражировать заявления о разветвленном политическом заговоре. Из резолюции заседания бюро Ферганского обкома КПУз. от 21 июня 1989 г. "О националистических проявлениях в городах и районах области, приведших к массовым беспорядкам": "События, начавшиеся в Кувасае, являются тщательно подготовленной, целенаправленной, широкомасштабной политической акцией, осуществленной крайне националистическими коррумпированными элементами в целях дестабилизации обстановки, дискредитации курса перестройки, а также партийных и советских органов"[169].

Из интервью, данного первым секретарем Ферганского обкома КПУз. Ш. Юлдашевым и опубликованного в "Правде": «Костяком формирований (погромщиков) были люди с уголовным прошлым, а за ними стоят ярые националисты, поддержанные поборниками создания "панисламского государства". Таким образом, состоялась смычка реакционных сил, готовивших дестабилизацию обстановки не только в Ферганской области, но и в целом в обширном регионе»[170]. Из его же доклада на собрании партхозактива Ферганской области: "Инцидент в Кувасае – звено в хорошо разработанном плане, конечная цель которого – дестабилизация обстановки в целом в республике, удар в спину перестройке... Крупнейшая, далеко рассчитанная и хорошо запланированная политическая провокация"[171].

Мнение председателя комиссии ЦК КПУз. по расследованию Ферганских событий М. Ибрагимова: заблаговременно разработанная, умело спланированная и осуществленная широкомасштабная акция, носившая политическую направленность и националистический характер; акция была направлена на дестабилизацию обстановки как в Ферганской, так и в других областях республики[172].

Из доклада первого секретаря ЦК КПУз. Р.Н. Нишанова, сделанного на республиканском собрании партхозактива в Ташкенте: "Есть серьезные основания полагать, что это (Ферганские события) – заранее тщательно спланированная и подготовленная провокационная акция, возможно, и специально приуроченная к Съезду народных депутатов СССР"[173]. Об этом же говорили и другие участники этого совещания, среди которых был и председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков[174]. О заговоре антиперестроечных сил высказался председатель Верховного Совета Узбекистана Р.Г. Гуламов; по его мнению, акция в Ферганской области готовилась заранее; движущие силы – "остатки рашидовщины и усманходжаевщины". "Эти люди готовы на все, чтобы вернуть старые порядки, они пойдут на сотрудничество с любым уголовным отребьем"[175].

Из интервью с первым секретарем Кокандского горкома Х.Н. Мусабековым: "Общественно-политическая жизнь Узбекистана находится во многом под контролем реакционных сил... они затаились для удара в спину перестройке, с этой целью идет активное разжигание нездоровых национальных амбиций, используется ряд весьма специфических узбекских неформальных объединений ярко выраженного националистического толка"[176].

С.Ю. Бурханов (в то время еще начальник Ферганского областного УВД) говорил о том, что в событиях замешаны "ваххабиты", сторонники создания исламского государства и прочие экстремисты, разжигавшие националистические настроения. Событиям предшествовали сборища религиозных общин в конце 1988 – начале 1989 г., на которых фактически и готовились выступления[177].

По мнению прокурора Ферганской области А. Атаджанова, целью организаторов акции было "нанести ущерб государственному строю, политике партии, перестройке – об этом свидетельствуют нападения на государственные учреждения, административные органы, попытки овладеть жизненно важными объектами"[178]. В более позднем интервью А. Атаджанов говорил о том, что хотя за Ферганскими событиями стоит государственное преступление, нет оснований говорить о том, что они были направлены на свержение существующего строя: по меньшей мере странной выглядит логика участников беспорядков – они не выдвигали никаких внятных требований или лозунгов, и осталось совершенно непонятным, зачем им потребовалось захватывать промышленные предприятия, железнодорожный вокзал и аэропорт в Коканде, нападать на представителей партийных и правоохранительных органов[179]. А заместитель А. Атаджанова Н. Сабардин утверждал, по сути дела, противоположное – участники и организаторы беспорядков хотели дестабилизировать обстановку и диктовать центральной власти свои условия[180].

О "заговоре антиперестроечных сил" дружно высказался командный состав ВВ, переброшенных в Фергану[181].

Однако, выступая 19 августа на 16 Пленуме ЦК КПУз. первый секретарь ЦК КПУз. И.А. Каримов заявил о том, что утверждения о существовании каких-либо националистических центров, ставивших целью захват власти в республике, являются бездоказательными[182]; после этого выступления в печати высокопоставленных чиновников о "заговоре" в Фергане практически прекратились. В это же время в одном из интервью сомнения в версии разветвленного политического заговора высказал начальник следственной группы Прокуратуры СССР А. Фролов. По его словам, изначально события не являлись политической акцией; их причины нужно искать в резонансе от Кувасайских событий и в провокационных слухах, которым власти ничего не противопоставили[183].

Версия о заговоре антиправительственных или антиперестроечных сил в более или менее четких формах излагалась на страницах московских периодических изданий[184]. Во всех случаях она сочеталась в разных пропорциях с иными трактовками – "экономической", "криминальной" и "националистической", причем основное внимание уделялось последней, т.е. фактору воздействия на массовое сознание националистических идей.

На идее антиправительственного или, точнее, неправительственного "заговора" основывается и версия, наиболее популярная среди турок в 1989–1991 гг. По мнению многих лидеров и активистов турецкого движения, разделявшемуся, по всей видимости, основной массой месхетинцев, резня в Ферганской долине была организована узбекскими националистами при попустительстве местных властей. Эта трактовка очень близка к версии, выдвигаемой Э.Х. Панеш и Л.Б. Ермоловым, и я отношу последнюю в иную категорию только потому, что в отличие от петербургских этнографов турки пытались обвинить в организации событий конкретных людей и конкретную организацию, Э.Х. Панеш же и Л.Б. Ермолов писали вообще о реакции "узбеков", или "узбекского национального движения". В некоторых официальных заявлениях и публикациях турецкого общества "Ватан" "авторство" ферганской резни приписывается движению "Бирлик"[185]. Основание для подобного обвинения турки находят в следующем: в ноябре 1988 г. к лидерам Временного организационного комитета турок Ферганской области дважды обращались неизвестные лица из Ташкента, называвшие себя "писателями" и в туманных выражениях предлагавшие туркам "единение сил" для грядущей борьбы с некими "врагами". Напуганные турки ответили отказом, после чего им якобы пригрозили предстоящей расплатой[186].

Среди обратившихся был якобы человек с фамилией Пулатов (братья Абдурахим и Абдуманноб Пулатовы долгое время были лидерами движения "Бирлик", а писатель Тимур Пулатов возглавлял движение за спасение Арала), кто-то из обратившихся также якобы упоминал свою принадлежность к "Бирлику". Скорее всего, в то время у турок, как и у подавляющего большинства жителей Узбекистана, узбекское национальное движение и узбекский национализм устойчиво ассоциировались с "Бирликом". По мнению турок, узбекские националисты, организовав погромы, хотели отомстить туркам за отказ сотрудничать с ними, а также припугнуть на будущее представителей других национальностей. Отчасти согласие с этой версией выразили авторы статей в "Огоньке" и в "Новом времени"[187].

б) Правительственный заговор. Законченные и обоснованные формулировки версий, построенных на том, что Ферганские события подготовлены и организованы властными структурами разных уровней, в печати почти не встречаются. В качестве исключений можно назвать статьи Шахобиддина Зиямова[188], сотрудника Академии наук Узбекистана[189], и Габриэля Гольдберга[190], научного сотрудника Тель-Авивского университета. Ш. Зиямов считает, что "в ферганских событиях были замешаны спецслужбы СССР"[191], которые воспользовались межнациональными трениями и медлительностью республиканского руководства и разожгли массовые беспорядки для того, чтобы крепче привязать Узбекистан к "Центру". Основные доказательства[192] – Внутренние Войска и оперативно-следственная бригада не желали подчиняться руководству республики и отрицали "очевидно" организованный характер беспорядков[193]. Г. Гольдберг также полагает, что именно советские спецслужбы разыгрывали в Фергане "турецкую карту", но только против Грузии.

В основном же предположения и гипотезы о происках властных структур и в особенности спецслужб распространялись изустно.

Наиболее развернутую версию используют приблизительно с начала 1991 г. активисты турецкого общества "Ватан". Ее суть заключается в следующем: союзные и республиканские (узбекистанские) власти организовали, опираясь на спецслужбы, уголовные элементы и националистов-"неформалов", а также начальство областного и районного уровней, резню и изгнание турок. При этом союзные власти преследовали цель перебросить в российское Нечерноземье дешевую рабочую силу, а руководители Узбекистана, проводя националистическую политику, стремились запугать неузбеков и подтолкнуть их к эмиграции.

Из "Обращения к месхетинским туркам", принятого обществом "Ватан" в начале 1991 г.: "Наш народ в Союзе нужен как раб для освоения новых земель. Если Сталин в 1944 г., отобрав у народа все, депортировал турок для освоения новых хлопковых и рисовых полей в Средней Азии и Казахстане, то нынешние руководители повторили ту же депортацию в кровавом варианте и переселили наш народ для освоения заброшенных земель Российской Федерации"[194]. Из резолюции митинга в Гяндже (Азербайджан), проведенного 3 июня 1991 г. и посвященного второй годовщине событий: "Государственно-бюрократический аппарат Узбекистана с молчаливого согласия центральных властей осуществил заранее подготовленное насилие, превратившееся в кровавую трагедию нашего народа... Сегодня ни для кого не является секретом, что вторую депортацию, – а это и была депортация, – заранее подготовили и осуществили, только в кровавом варианте, определенные государственные деятели, которые в течение 45 лет всячески препятствовали возвращению нашего народа в свои родные села"[195].

Эта гипотеза обосновывается следующим образом: во-первых, тем обстоятельством, что центральные власти фактически уступили погромщикам и не только не предотвратили изгнания турок, но и способствовали ему, организовав поспешную эвакуацию, во-вторых, тем, что турок повезли в Нечерноземье, хотя никто из месхетинцев туда ехать не хотел, в-третьих, местные власти и председатели колхозов в тех регионах, куда отправляли турок, якобы еще до событий в Фергане были подготовлены к прибытию большого количества дешевой рабочей силы. Как весомый аргумент выдвигают и тот факт, что следствие по делу о событиях в Ферганской области так и не нашло главных виновников, хотя могло это сделать. Обобщенно говоря, в качестве доказательства преступного умысла рассматриваются косвенные признаки: недостаточно энергичные действия властей и фактическое попустительство погромщикам.

Есть и другие версии, возлагающие вину за ферганскую трагедию главным образом на центральные власти. Версия активистов "Бирлика": Ферганские события – это провокация властей, предпринятая с целью подавить демократическое движение[196]. Предположение выглядит не очень убедительным, так как власти никоим образом не пытались прямо обвинить "Бирлик" в соучастии, и никаких репрессивных мер в связи с беспорядками против "неформалов" принято не было.

Версия, пользовавшаяся определенным спросом в Грузии: Ферганские события организованы "Центром" для того, чтобы активизировать движение турок, стремящихся в Месхети, спровоцировать тем самым этнические конфликты и подавить грузинское национально-освободительное движение. Собственно, эту версию добросовестно пересказал Г. Гольдберг. Гипотеза вызывает большие сомнения: Москва ни разу не пыталась оказать сколько-нибудь серьезный нажим на Грузию в связи с месхетинской проблемой, что же касается конфликтов, то их самостоятельно провоцировали местные национальные движения, и грузинское в первую очередь. Высокий накал национальных страстей был достигнут акцией 8–9 апреля 1989 г. в Тбилиси, когда оппозиционный митинг был разогнан с применением федеральных сил, и новая информация о требованиях месхетинских турок уже не могла добавить к этому какую-то новую остроту.

Все изложенные выше версии "заговора" носят, как нетрудно убедиться, спекулятивный характер: они в минимальной степени опираются на эмпирические данные. Что более важно, за последующие почти семь лет не получено никакой информации, подтверждающей их.

Аналоги

Авторы немногих публикаций, посвященных Ферганским событиям, ставят их в один ряд с этническими конфликтами, имеющими выраженный идеологический компонент и легко интерпретируемыми в качестве имеющего этническую окраску противостояния (например, с Карабахскими событиями). При этом практически не было попыток сравнить случившееся в Фергане с событиями, известными как "этническое насилие" (ethnic violence), "массовые беспорядки" (riots) и "погромы" (pogroms). Хотя социологическая литература, посвященная подобным насильственным действиям, весьма обширна, в нашей стране они пока еще не заслужили сколько-нибудь серьезного внимания. Между тем такого рода насилие кардинально отличается от структурированных и имеющих идеологическую или формально-правовую легитимацию конфликтов. Отличие заключается в том, что действия агентов насилия имеют разную мотивацию, являясь (в соответствии с классификацией М. Вебера) в первом случае аффективными, а во втором – преимущественно ценностно-рациональными.

При рассмотрении массовых беспорядков в других странах, а также в СССР перестроечного периода обнаруживается множество параллелей с Ферганскими событиями. Здесь я лишен возможности подробно анализировать подобные ситуации, а также методологию, используемую исследователями, обращавшимся к этой теме. Тезисно отмечу лишь основные черты сходства.

Насилие в отношении этнических немцев и лиц, заподозренных в шпионаже во время наступления немцев в Европе в 1940–1941 гг.[197]:

– обстановка паники, восприятие себя людьми в качестве потенциальных жертв коварной и непреодолимой силы;

– стремительное распространение слухов, их успешная конкуренция с официальными сообщениями;

– быстрое структурирование толп, появление стихийных лидеров;

– агрессия в отношении всех "подозрительных", тех, кто пытается защищать "подозрительных" или просто демонстрирует нелояльность толпе.

Межобщинные стычки и погромы в Южной Азии (например, нападения индусов на сикхов в октябре–ноябре 1984 г. после убийства премьер-министра Индии Индиры Ганди)[198]:

– восприятие себя активной стороной (погромщиками) в качестве жертв агрессии со стороны превосходящих сил врага;

– стремительное распространение слухов, их успешная конкуренция с официальными сообщениями и СМИ;

– утрата и населением, и СМИ ощущения разницы между происшедшими и ожидаемыми или предполагаемыми событиями;

– спонтанное появление нарративов, объясняющих "злокозненность" и причины превосходства врага.

Беспорядки в городах США[199] и Великобритании[200] на расовой почве в 1960–1990-х гг.:

– стремительная эскалация насилия, быстрое разрастание массовых беспорядков, начавшихся как локальная протестная акция или стычка с представителями государства;

– множественность объектов насилия;

– множественность агентов насилия и ролей, которые они играют;

– двусмысленность роли сторонних наблюдателей, их присутствие нередко выглядит и воспринимается как поддержка погромщиков;

– абстрактный и неконкретный характер протеста, отсутствие четких лозунгов и требований.

Беспорядки в СССР в 1950–1960-х гг.[201]:

– эскалация беспорядков, начинающихся как мелкая стычка или акция протеста;

– спонтанное появление лидеров и организаторов;

– эклектика требований и лозунгов;

– множественность ролей участников беспорядков – от организаторов до зевак;

– втягивание "активистами" (в том числе угрозами) в беспорядки колеблющихся и посторонних;

– двойственное положение власти – в качестве объекта агрессии и адресата требований;

– непременное требование выдачи задержанных и/или тех, кого преследует толпа, но укрывает власть;

– отсутствие определенного алгоритма действий власти, действия с опозданием;

– почти непременное появление версий "происков" неизвестных сил, организовавших беспорядки.

Из нескольких десятков инцидентов 50–60-х гг. на Ферганские события наиболее похожи массовые беспорядки – стихийные митинги, погромы, захваты административных зданий – в Грозном (столице Чечено-Ингушетии) в августе 1958 г.[202] Основными лозунгами этих выступлений были прекращение переселения чеченцев и ингушей обратно из мест ссылки и защита русских от "бесчинств чеченцев". Между тем собственно чеченцы в Грозном практически не пострадали, нападениям в основном подверглись административные здания. Толпа не выступала против власти как таковой, основные внятно сформулированные требования толпы были адресованы высшему руководству страны. Выступления с основными требованиями сопровождались множеством побочных инцидентов: грабежами, сведением личных счетов и пр. Наконец, слухи о неких "подстрекателях" и "организаторах", похоже, имели под собой почву: беспорядки могли быть отчасти спровоцированы руководством Чечено-Ингушской АССР, стремившемся сорвать возвращение чеченцев и ингушей.

Этнический? Конфликт?

При анализе Ферганских событий определенные недоразумения вызывает само по себе использование категорий "конфликт" и "этнический конфликт". За этими понятиями стоит свернутый текст и традиции употребления. Прикладывая к беспорядкам в 1989 г. в Узбекистане определения "этнический" (или "межэтнический") "конфликт", мы автоматически вызываем привычные стереотипы восприятия и задаем определенную перспективу рассмотрения материала.

Проблема отчасти сводится к тому, что "конфликт" представляет собой слишком широкое определение, охватывающее множество самых разных проявлений. В общем смысле "конфликт" описывается как ситуация столкновения различных субъектов по поводу несовпадения или противоположности их интересов. Таким образом, одно общее понятие по формальным основаниям

охватывает взаимодействия самых разных типов, в которых участвуют самые разные социальные агенты, имеющие разные внешние проявления, разные мотивации и способы легитимации, могущие быть симметричными и асимметричными и пр. Здесь стоит обратить внимание на весьма распространенный редукционизм: люди следуют, в сущности, бытовым представлениям о конфликте как о столкновении двух определенных и четко структурированных субъектов или, выражаясь метафорически, "коллективных личностей". Подобное, далеко не всегда проговариваемое допущение формирует определенный язык и поощряет следование упрощенным описательным и объяснительным моделям. "Конфликт: процесс-ситуация, в которой два или более индивида или две и более группы активно стремятся расстроить намерения друг друга, предотвратить удовлетворение интересов друг друга вплоть до нанесения повреждений другой стороне или ее уничтожения"[203]. "Под *конфликтом* мы имеем в виду преследование разными группами несовместимых целей"[204]. "Конфликтологическая парадигма восстанавливает субъектность социальных противоречий, позволяет изучать и осмысливать их как *реальную* борьбу *реальных* социальных субъектов, относительно самостоятельных и независимых в своих устремлениях и самоопределении, интересах и целях, направленных на удовлетворение имеющихся потребностей, определяемых особенностями их жизнедеятельности, их наличного социального бытия"[205] (курсив мой. – *А.О.*).

Я не отрицаю возможности использования понятия "этнический конфликт" и выработки на его основе объяснительных моделей. Можно выделить и обозначить в качестве "этнических" категорию социальных конфликтов, характеризующихся тем, что их участники приписывают взаимодействию этнический смысл, т.е. организуют и оправдывают его как взаимодействие этнических коллективов или стычку по поводу групповых интересов, определяемых в этнических терминах[206]. При таком подходе Ферганские события по формальным основаниям могут быть отнесены к "этническим конфликтам". Но следует учитывать, что при описании этнических конфликтов проявляется не только упомянутый выше редукционизм. Определение "этнический" зачастую используется в качестве атрибута, а не предиката, иными словами, оно начинает обозначать сущность интеракции, а не смысл, который ей приписывают ее участники.

Сложилась дисциплинарная специализация и связанные с ней особенности использования словаря. Слово "конфликт" и исследования конфликта оказались приватизированными позитивистской социологией, политологией и промежуточными дисциплинами, например, исследованиями этничности и национализма. Применяемые ими подходы, как правило, предполагают и редукционизм, и приписывание социальным взаимосвязям этнического "качества".

В данном случае нет нужды подробно описывать и комментировать различные теории этнического конфликта. Условно можно выделить две основные категории. Первая – это теории, основанные на молчаливом допущении, что этнические группы могут рассматриваться в качестве корпоративных личностей, защищающих свои ("объективные" или субъективно переживаемые) интересы: доступ к экономическим ресурсам, удержание и приобретение власти или территориального доминирования, защита "основных потребностей"[207] и пр. Основной исследовательской перспективой оказывается выявление и описание групповых "интересов", которые одновременно рассматриваются в качестве мотивации конфликтного поведения. Вторая – это подходы, направленные на изучение собственно коллективного действия и мотивации людей, участвующих в конфликте. Главная перспектива связывается с анализом механизмов мобилизации масс со стороны элит; основное внимание уделяется идеологии, в первую очередь идеологии национализма и ее влиянию на массовое сознание[208].

Различие между двумя категориями на деле оказывается меньшим, чем может показаться на первый взгляд. И там, и там изначально предполагается существенный редукционизм; если в первом случае в качестве изучаемых корпоративных личностей выступают "этносы", то во втором – вместо вычеркнутого "этноса" сверху вписывается слово "элита". Даже при поверхностном взгляде на фабулу и обстоятельства Ферганских событий достаточно очевидно, что подходы и первой, и второй категории не могут быть применены для их анализа без грубого насилия над фактическими обстоятельствами: волей-неволей приходится либо вычислять "объективные" интересы, ставшие "причиной" конфликта, либо выискивать признаки заговора спецслужб.

Такая дисциплина, как антропология насилия, успешно применяющая конструктивистские подходы, редко обращается к теме крупномасштабных и хорошо структурированных конфликтов. В нашей стране она остается почти неизвестной[209], и все после конфликтных исследований остается за позитивистскими дисциплинами. Между тем именно конструктивистский подход мог бы внести ясность во многие обстоятельства, связанные с Ферганскими событиями.

Упрощенно говоря, события должны рассматриваться не как противостояние двух или трех монолитных "сторон", а как слож-

ная система диспозиций и как взаимодействие множества акторов. Их поведение следует анализировать не как нечто данное, жестко детерминированное "объективными" факторами и интересами, но как результат изменчивой мотивации и легитимации, формирующихся по ходу событий под воздействием разных факторов. Действия акторов целесообразно воспринимать не как таковые, а в (изменяющихся) смыслах и значениях, которые предлагают и воспринимают сами участники или наблюдатели. Наконец, анализ не должен физически и хронологически ограничиваться непосредственно насильственными действиями. События как определенный феномен продолжают существовать для общества и оказывать на него влияние в новых изменяющихся интерпретациях.

Вкратце анализ Ферганских событий сводится к ответу на три основных вопроса. Что подвигло большие массы людей на участие в беспрецедентных массовых беспорядках? Каким образом определялись мотивы поведения людей и легитимирующая аргументация во время событий? Каким образом и в силу каких обстоятельств в публичном пространстве возникали версии и интерпретации событий после их завершения?

Обстоятельства, предопределившие готовность населения к участию в беспорядках, остаются, к сожалению, областью догадок. Следует заметить, что первая половина 1989 г. стала для Узбекистана переломным периодом. В 80-е гг. в республике прошла беспрецедентная по размаху антикоррупционная кампания. Неотъемлемым компонентом среднеазиатской экономики, как и всего советского планового хозяйства, были массовые хищения, фальшивая отчетность, известная как "приписки", и дача взяток вышестоящим и контролирующим инстанциям. В эту деятельность, которая объективно была "нормальной" для советского общества, но формально предосудительной с точки зрения государства, были втянуты миллионы людей от простых колхозников до руководителей разных рангов. Начиная с 1983 г. в Узбекистане были привлечены к уголовной ответственности около 20 тыс. человек, в основном занятых в хлопковом комплексе. От репрессий прежде всего пострадали рядовые исполнители, и кампания не могла восприниматься в Узбекистане иначе, как вопиющая несправедливость. Кроме того, кампания была, очевидно, инициирована Москвой и ассоциировалась со следственной группой Генеральной Прокуратуры СССР во главе с Т. Гдляном и Н. Ивановым, тем более, что с начала 1988 г. пошел поток публикаций о ее деятельности[210].

В конце 80-х гг. экономические и социальные проблемы Средней Азии (последствия внедрения монокультуры хлопка,

загрязнение окружающей среды, усыхание Аральского моря, бедность сельских жителей, коррумпированность власти) стали обсуждаться сначала в общесоюзных, а затем и в узбекистанских СМИ. Один из важнейших компонентов "перестройки" можно охарактеризовать следующим образом: разные силы (власти Союза и республик, СМИ, наука, новые общественные движения) в очередной раз настоятельно порекомендовали советским людям осмысливать социальные проблемы как проблемы этнические. Трудности Узбекистана, таким образом, стали восприниматься как проблемы узбекского народа, привнесенные извне.

Все вместе взятое формировало у больших групп узбекского населения комплекс жертвы и чувство этнической ущемленности. Можно обратиться к предложенной Ирвингом Стаутом концепции "тяжелых времен" – периода, когда в обществе формируется ощущение депрессии, безнадежности, окруженности врагами, тотальной несправедливости и вместе с тем накапливается раздражение и агрессия[211]. 80-е гг. для Узбекистана и были такими "тяжелыми временами"; ощущение масштабности и непреодолимости проблем порождало фрустрацию и предрасположенность к насилию.

«Важным видом поведения толпы является стихийная агрессия, обычно определяемая как массовые враждебные действия, направленные на нанесение страдания, физического или психологического вреда или ущерба, либо даже на уничтожение данной массой (толпой) других людей или общностей... На гребне массового страха обычно вскипает такая "волна" отчаянной агрессивности, которая может опрокинуть любой политический авианосец... Психологически за внешне стихийной агрессией – разрушительным поведением, всегда стоит внутренняя агрессивность – эмоциональное состояние, в основе которого лежат гнев и раздражение, возникающие как реакция на фрустрацию, т.е. на переживание непреодолимости каких-то неожиданных барьеров или недоступности чего-то желанного»[212].

В конце 1988–начале 1989 г. меняется роль власти. Власть и Москвы, и Ташкента по крайней мере частью населения не может не восприниматься как "неправедная" или "не совсем праведная". Резко снижается уровень страха перед властью. В Ташкенте и в других местах прошли митинги и столкновения, а участникам за это ничего не было. В феврале–марте 1989 г. выступления мусульман в Ташкенте привели к отставке угодного властям муфтия Средней Азии и Казахстана и к его замене более независимой фигурой. В марте прошли массовые захваты мусульманами старых зданий мечетей и медресе; явочным порядком откры-

вались новые мечети[213]. Толпа почувствовала свою силу, власть продемонстрировала колебания и неуверенность.

Однако в это время власть и в Москве, и в Ташкенте начала "исправляться". Была свернута антикоррупционная кампания, в марте 1989 г. были созданы комиссии ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР по проверке деятельности группы Гдляна–Иванова. 20 мая заключения комиссий были опубликованы, и деятельность группы была названа преступлением. 25 мая против Гдляна и Иванова было возбуждено уголовное дело[214].

24 мая в Москве начал работу I Съезд народных депутатов СССР, привлекший всеобщее внимание и породивший во всем советском народе большие, но смутные надежды.

Меры, направленные на снижение недовольства, были приняты и в Узбекистане. В феврале 1989 г. вышло постановление ЦК Компартии Узбекистана, Президиума Верховного Совета Узбекской ССР и Совета Министров Узбекской ССР "О дальнейшем развитии личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих совхозов, граждан и индивидуального жилищного строительства". Оно предусматривало, что до 1 января 1990 г. все нуждающиеся семьи колхозников должны были быть полностью обеспечены приусадебными участками, а к январю 1991 г. государство должно полностью удовлетворить все потребности в землях для строительства жилья и ведения личных подсобных хозяйств.

Таким образом, положение власти становилось амбивалентным: фрустрация и предрасположенность к агрессии не были преодолены, страх перед государством снизился, но само государство начало утрачивать значение в качестве основного адресата недовольства.

В такой обстановке случайно возникшие локальные столкновения, воспринятые общественным мнением как "межнациональные", могли создать канал, по которому устремилась агрессия. В данном случае нет необходимости пересказывать многочисленные работы, посвященные психологии и поведению толпы, начиная с классического труда Лебона. Практически все особенности массового насилия в Фергане: иррациональный характер действий толпы, внушаемость толпы в целом и составляющих ее индивидов, утрата индивидуальной мотивации и ответственности, утрата привычных регулятивных норм, анонимность индивида, дающая ощущение безнаказанности, – теоретически описаны и имеют аналоги.

Носила ли агрессия спровоцированный и тем более организованный характер? Все версии "заговора" абсолютно голословны и ничем не подтверждены. Предположения о провокации носят спекулятивный характер. Можно, например, предположить, что

власти Ферганской области хотели сорвать митинг "Бирлика" 3 июня в Маргилане, на котором должно было произойти учреждение регионального отделения организации. Власти официально добились от бирликовцев отказа от проведения митинга, но, возможно, кто-то решил подстраховаться и спровоцировать беспорядки, заодно дискредитировать "Бирлик". Сокрушительный эффект оказался полной неожиданностью.

Агрессия имела разные мотивы и различных адресатов. Власть, вероятно, воспринималась "активной" стороной беспорядков двояко: как адресат требований (защитить от турок, отпустить "своих" задержанных, начать решать социальные проблемы) и – по инерции – как источник проблем. Отсюда, на первый взгляд, нелогичное сочетание насилия в отношении представителей власти с попытками убедить власти предпринять определенные "полезные" действия (выселить турок, закрыть химкомбинат, повысить закупочные цены). Сама по себе легитимность власти под сомнение не ставилась, под ударом, как всегда, оказались "плохие" чиновники и военные. Сыграло роль и резкое, ранее немыслимое сокращение дистанции между толпой и властью; отсюда попытки многих "докричаться" до власти и причудливая разноголосица лозунгов.

Беспорядки происходили в модернизированном обществе, основывающемся, по М. Веберу, на рационализации представлений и действий. Одновременно с самими физически реальными беспорядками шел процесс выработки "рациональных" интерпретаций действий людей. Рационализация поведения и развитие соответствующего дискурса стало одновременно процессом структурирования конфликта из спонтанных и хаотических действий в организованный и осознанный процесс.

Спонтанно возникли две основные интерпретации событий: столкновения с турками и заговор анонимных тайных сил. Первая версия выглядела почти естественной: собственно, слухи, давшие толчок событиям, уже назвали турок или "кавказцев" в качестве главных врагов. Уже почти два года в стране обсуждались "межнациональные отношения", больше года продолжался карабахский конфликт, и публика была приучена оценивать происходящее в категориях этнических противостояний. Происхождение версии заговора представляется несколько более сложным. Рассмотрение многих событий в формате заговора – весьма распространенное в советском и постсоветском обществе явление, которое, однако, заслуживает отдельного разговора.

Структурирование активной "стороны" беспорядков происходило во время событий, вероятно, на основе двух механизмов: навыков традиционной самоорганизации и внешнего воздействия

разных сил (властей, средств массовой информации, спонтанно появляющихся лидеров и активистов, а, возможно, и каких-нибудь подпольных группировок). Этот процесс (который так и не был завершен) имел два измерения: появлялись зачатки организации и формировались некоторые элементы общей "идеологии". Стихийное выступление приобретало элементы организованности в виде локального начальства, принятия решений, распространения информации, типовых требований.

В стихийном формировании ядра погромщиков – локальных по происхождению группировок, перемещавшихся по области – отразились, вероятно, давние и устойчивые традиции самоорганизации. Эти традиции, в частности, воспроизводятся в действиях ритуального и обрядового характера (той, хашар, похороны), совершаемых семейно-родственными и соседскими коллективами (махалля). Отпечаток на согласованные действия молодежных группировок наверняка наложило и существование в молодежной среде развитых структур ритуализованного общения (мужские объединения по возрастной или профессиональной принадлежности)[215]. Необходимо учитывать, что сельские молодежные группировки очень мобильны, сельская молодежь часто проводит досуг в Фергане и других городах области, имеет там свои сборные пункты, устойчивые круги общения, своих лидеров и т.п.

Беспорядки изначально не были противостоянием, жестко структурированным по этническим линиям. Но под воздействием поступающей информации все участники событий (сами турки, власти, "узбеки") воспринимали происходящее именно как этнический конфликт, начинали соответственно себя вести и соответственно легитимировать свое поведение. Например, часто встречаются сообщения о том, что многие узбеки вывешивали на воротах своих домов платки традиционной расцветки, чтобы показать, что "здесь живут узбеки". По информации С.Н. Абашина, кишлак Турк-Равот в Кувинском районе вскоре после событий был переименован местными властями. Люди хотели обезопасить себя от насилия, за их действиями могли не стоять агрессивные и ксенофобские мотивы, но со стороны это выглядело и переосмысливалось как проявление "этнической" солидарности узбеков против "инородцев".

Независимо от того, был ли "заговор", люди (и просто жители, и представители власти) вели себя так, как будто он есть. Людям казалось, что за действиями погромщиков стоит грозная организованная сила, отсюда повышенная восприимчивость к слухам об "организаторах"[216], боязнь мести с их стороны и демонстрации лояльности к погромщикам.

Выстраивание официальных, масс-медийных и наукообразных версий происшедшего уже после событий стало следующим этапом рационализации. Эта рационализация определялась готовыми и привычными идеологическими клише, она интерпретировала события так, как они должны были выглядеть в соответствии с заданными схемами, но не имела практически никакого отношения к эмпирическим данным. Использованные схемы к 1989 г. уже оказались привычными для публичного дискурса и хорошо освоенными. Все интерпретации событий можно разделить на две большие группы: "объективистские" ("экономические", "националистические" и отчасти "криминальные") версии и версии заговора. "Объективистские" подходы, выводящие происшедшее из "реальных" противоречий и приписывающие большим группам свойства корпоративных личностей, вполне соответствуют практической единственно знакомой для советского общества материалистической парадигме восприятия социальной реальности. Склонность к использованию в самых разных ситуациях версий заговора – явление, как упоминалось выше, довольно распространенное. К сожалению, тема сочетания в массовом и элитарном сознании советского общества материалистического детерминизма с крайним волюнтаризмом, проявлением которого и является приписывание могущества тайным организованным силам, пока что не заслужила достойного внимания общественных наук.

Сами эмпирические данные о Ферганских событиях сопротивляются традиционным "объективистским" подходам к анализу этнических конфликтов; они также не вписываются в объяснительные модели, построенные на идее "мобилизации" масс элитами. Материал заставляет рассматривать события как сложную систему меняющихся диспозиций множества субъектов, действия которых имеют изменчивую мотивацию и легитимирующую аргументацию. Этнический конфликт предстает как процесс конструирования, при котором в общественном сознании происходит приписывание происходящему определенных (в данном случае "этнических") смыслов, а поведение людей организуется в соответствии с этими смыслами. Возникает законный вопрос – почему таким же образом нельзя анализировать любые другие, в том числе более "прозрачные", идеологизированные и привычные для объяснения, конфликты?

[1] Напр.: *Зиямов Ш.* О межэтническом конфликте 1989 г. в Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 6 (12). С. 153–159; *Мукомель В.* Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 298–324; *Паин Э.А., Попов А.А.* Межнацио-

нальные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) // Сов. этнография. 1990. № 1. С. 5–6.

[2] Подробнее о конструктивистской парадигме см. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.

[3] *Малахов В.* Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001. С. 119–120.

[4] Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 22.

[5] Там же. С. 92–100.

[6] *Осипов А.Г.* Основные направления изменений в самосознании и культуре ахалцихских (месхетинских) турок. 20-е годы XIX–90-е годы XX вв. Дисс... канд. ист. наук. М., 1993; *Осипов А.Г., Савуров М.Д.* Турки в Узбекистане: расселение, занятия, культура // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. М., 1992. С. 103–131.

[7] Национальный состав. С. 100.

[8] Красная звезда. 1989. 21 июня.

[9] *Гдлян Т., Иванов Н.* Кремлевское дело. Ростов-на-Дону, 1994. С. 99; *Иванов Н.* Следователь из провинции. СПб., 1995. С. 151–152.

[10] *Гдлян Т., Иванов Н.* Указ. соч. С. 363–364.

[11] Подробнее см.: Средняя Азия. Справочные материалы. История, экономика, политика. М., 1992. Разд. "Узбекистан"; *Пономарев В.А.* Ислам в Узбекистане. 1989–1995 // Полис. 1996. № 2. С. 184–190.

[12] *Брусина О.И., Осипов А.Г.* Об изучении межнациональных отношений: проблемы Узбекистана // Этнограф. обозрение. 1993. № 3. С. 15–27.

[13] *Головков А.* Ранение // Огонек. 1989. № 29. С. 28–31.

[14] *Лурье М., Студеникин П.* Запах гари и горя (Фергана, тревожный июнь 1989 г.). М., 1990. С. 4.

[15] Ферганская правда. 1989. 9 июня; Правда Востока. 1989. 11 июня.

[16] Ферганская правда. 1989. 25 июня.

[17] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 58–59.

[18] Там же. С. 4.

[19] Ватан Эшки. 1991. № 1.

[20] Московские новости. Спецвыпуск. 1989. Июнь; Собеседник. 1989. № 29.

[21] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 60.

[22] Ферганская правда.1989. 5 июня.

[23] Здесь и ниже фамилии и инициалы приводятся в соответствии с цитируемым источником.

[24] Правда Востока. 1989. 2 июля.

[25] Правда Востока. 1989. 7 июня.

[26] Ферганская правда. 1989. 8 июня.

[27] Ферганская правда. 1989. 5 июля.

[28] Цит. по: *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 5.

[29] Ферганская правда.1989. 8 июня.

[30] Ферганская правда. 1989. 7 июня.

[31] Труд.1989. 18 июля.

[32] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 75.

[33] Там же. С. 12.

[34] Литературная газета. 1989. 14 июня.

[35] Ферганская правда. 1989. 13 июня.

[36] Правда Востока. 1990. 4 ноября; *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 78.

[37] Правда Востока. 1989. 11 июня.

[38] Ферганская правда. 1989. 17 июня.

[39] Ферганская правда. 1989. 9 июня; Правда Востока. 1989. 10 июня; *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 78.

[40] Известия. 1989. 10 июня.

[41] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 19–20.

[42] Ферганская правда. 1989. 17 июня; Правда Востока. 1989. 10 и 11 июня.

[43] Ферганская правда. 1989. 24 июня.

[44] Известия. 1989. 10 июня; Собеседник. 1989. № 29.

[45] Московские новости. Спецвыпуск. 1989. Июнь; Правда Востока. 1989. 10 июня.

[46] Правда. 1989. 11, 12 июня.

[47] Хроника жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 г. М., 1994. С. 166.

[48] Правда Востока. 1989. 11 июня.

[49] Хроника жизни национальностей. С. 163.

[50] Правда Востока. 1989. 18 июля; Правда. 1989. 12 июня; Собеседник. 1989. № 29.

[51] Ферганская правда. 1989. 15 июня.

[52] Ферганская правда. 1989. 13 июня; Известия. 1989. 12 июня.

[53] Известия. 1989. 12 июня; Правда. 1989. 13 июня.

[54] Правда. 1989. 24 июня; Собеседник. 1989. № 29.

[55] Труд. 1989. 18 июля.

[56] *Рыжков Н.* Перестройка: история предательств? М., 1992. С. 219.

[57] Ферганская правда. 1989. 28 июля.

[58] Ферганская правда. 1989. 22 июля; Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994. С. 125, 132.

[59] Правда Востока. 1989. 16 июня.

[60] Ферганская правда. 1989. 20 июня.

[61] Ферганская правда. 1989. 7, 8, 16 июля.

[62] Ферганская правда. 1989. 12 августа.

[63] Ферганская правда. 1989. 7 декабря.

[64] Ферганская правда. 1989. 13 июня.

[65] Правда Востока. 1989. 13, 14 июня.

[66] Известия. 1989. 18 июня.

[67] Там же.

[68] Правда Востока. 1989. 15 июня; Собеседник. 1989. № 29.

[69] Правда Востока. 1989. 14 июня.

[70] Правда Востока. 1989. 22 июня.

[71] Правда Востока. 1989. 23 июня.

[72] Ферганская правда. 1989. 29 июля, 12 августа.

[73] Правда Востока. 1989. 16 июня.

[74] *Мяло К., Гончаров П.* Зарево Ферганы // Новое время. 1989. № 37. С. 31.

[75] Интервью автора с Ясином Хасановым. Тбилиси, 27 июля 1992.

[76] Правда Востока. 1990. 10 марта; Турки из Месхетии. С. 133.

[77] Интервью автора с Расаддином Расуловым в начале 1990 г., лидером турецкого движения в Пскентском районе Ташкентской области. Москва. 4 декабря 1990.

[78] Правда Востока. 1990. 10 марта.

[79] Правда Востока. 1989. 30 июля.

[80] Ферганская правда. 1989. 28 июля.

[81] Турки из Месхетии. С. 131.

[82] Аргументы и факты. 1989. № 47.

[83] Турки из Месхетии. С. 132.

[84] Ферганская правда. 1989. 19, 23, 28 июля.

[85] Комсомольская правда. 1989. 1 ноября.
[86] Известия. 1994. 11 января.
[87] Правда Востока. 1989. 24 июня.
[88] Аргументы и факты. 1989. № 47.
[89] Интервью автора с рядом беженцев из Ошской области – месхетинских турок и хемшилов – в Апшеронском районе Краснодарского края в октябре–ноябре 1994 г.
[90] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 64–65.
[91] *Зиямов Ш.* Указ. соч. С. 157.
[92] Ферганская правда. 1989. 1 июля.
[93] Турки из Месхетии. С. 131.
[94] Ферганская правда. 1989. 30 июня.
[95] Ферганская правда. 1989. 9 июля.
[96] Ферганская правда. 1989. 4 июля; *Головков А.* Указ. соч.
[97] Ферганская правда. 1989. 28 июля.
[98] Собеседник. 1989. № 29.
[99] Ферганская правда. 1989. 28 июля.
[100] Ферганская правда. 1989. 22 июля.
[101] Ферганская правда. 1989. 23 июля.
[102] Комсомольская правда. 1989. 1 ноября.
[103] Ферганская правда. 1989. 18 июля.
[104] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 67; Ферганская правда. 1989. 25 июня; Лит. газета. 1989. 14 июня.
[105] Ферганская правда. 1989. 22 июля.
[106] Ферганская правда. 1989. 28 июля.
[107] Правда Востока. 1989. 13 июня.
[108] Собеседник. 1989. № 29.
[109] Известия. 1994. 11 января.
[110] Правда Востока. 1989. 15 июня.
[111] См., напр.: *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 96.
[112] *Абашин С.* На разломе "южной дуги" (из блокнота этнографа) // Вестник Евразии. 2000. № 2 (9). С. 115.
[113] *Рыжков Н.* Указ. соч. С. 219.
[114] *Абашин С.* Указ. соч. С. 115.
[115] Ферганская правда. 1989. 14 и 17 июня.
[116] Ферганская правда. 1989. 22 июня.
[117] Ферганская правда. 1989. 9 июня.
[118] Ферганская правда. 1989. 12 августа.
[119] Ферганская правда. 1989. 4 июля.
[120] Собеседник. 1989. № 29.
[121] Советская Россия.1989. 13 июля.
[122] Там же.
[123] Ферганская правда. 1989. 9 июля.
[124] См.: *Головков А.* Указ. соч.
[125] *Зиямов Ш.* Указ. соч. С. 155.
[126] Красная звезда. 1989. 17 июня.
[127] Правда. 1989. 8 июня.
[128] Ферганская правда. 1989. 23 июня.
[129] Правда Востока. 1989. 6 июля.
[130] Правда. 1989. 15 июня.
[131] Достаточно полный обзор основных версий приведен в: *Khazanov A.* After the USSR. Ethnicity, Nationalism, and Politics in the Commonwealth of Independent States. N.J., 1995. P. 204–206.

[132] Известия. 1989. 8 июня.
[133] Московские новости. Спецвыпуск. Июнь 1989; Литературная газета. 1989. 21 июня; Труд. 1989. 18 июня.
[134] Правда Востока. 1989. 17 июня, 9 июля.
[135] Ферганская правда. 1989. 8 июня.
[136] Ферганская правда. 1989. 15 июня.
[137] Литературная газета. 1989. 21 июня.
[138] См. *Нарзикулов Р.* Двуликий Янус в сердце Азии: некоторые итоги 70-летнего развития среднеазиатских республик в составе СССР // Восток. 1991. № 5. С. 121–129; *Абашин С.Н.* Семейный бюджет сельских узбеков // Восток. 2000, № 2. С. 61–77.
[139] Правда Востока. 1989. 14 ноября.
[140] Правда. 1989. 14 октября.
[141] Правда Востока. 1989. 13 января.
[142] Ферганская правда. 1989. 9 июля.
[143] Московские новости. Спецвыпуск. 1989. Июнь.
[144] Собеседник. 1989. № 29.
[145] *Нишанов Р.Н.* Доклад на Пленуме ЦК КПУз. // Правда Востока. 1989. 17 июня.
[146] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 9; Красная звезда. 1989. 17 июня.
[147] Правда Востока. 1989. 30 июня; Правда. 1989. 14 октября.
[148] Красная звезда. 1989. 17 июня.
[149] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 48.
[150] Красная звезда. 1989. 17 июня.
[151] Правда Востока. 1989. 30 июля.
[152] *Нишанов Р.Н.* Указ. соч.
[153] Из сообщения корреспондента Уз.ТАГ // Правда Востока. 1989. 9 июня.
[154] Литературная газета. 1989. 14 июня.
[155] Комсомольская правда. 1989. 1 ноября.
[156] Ферганская правда. 1989. 1 июля; *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 55–56.
[157] Ферганская правда. 1989. 1 июля.
[158] *Головков А.* Указ. соч.
[159] *Мяло К., Гончаров П.* Указ. соч.
[160] *Головков А.* Указ. соч. С. 29–30.
[161] *Мяло К., Гончаров П.* Указ. соч. С. 32–33.
[162] *Абдуллаев Ш.* Ферганские события и "этнический парадокс" современности // Звезда Востока. 1991. № 6. С. 132–136.
[163] Там же. С. 135.
[164] *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 30–31.
[165] *Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б.* Турки-месхетинцы. Анализ Ферганского конфликта и современной этнополитической ситуации // Материалы полевых этнографических исследований. 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 34–46; *Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б.* Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы) // Сов. этнография. 1990. № 1. С. 16–24.
[166] Ферганская правда. 1989. 7 июня.
[167] Правда. 1989. 10 июня.
[168] Ферганская правда. 1989. 25 июня; Правда. 1989. 14 октября.
[169] Ферганская правда. 1989. 25 июня.
[170] Правда. 1989. 24 июня.
[171] Ферганская правда. 1989. 25 июня.
[172] Правда. 1989. 14 октября.

[173] Правда Востока. 1989. 17 июня.
[174] Правда. 1989. 16 июня.
[175] Литературная газета. 1989. 21 июня.
[176] Ферганская правда. 1989. 28 июня.
[177] Ферганская правда. 1989. 30 июня; Собеседник. 1989. № 29.
[178] Ферганская правда. 1989. 4 июля.
[179] Ферганская правда. 1989. 22 июля.
[180] Собеседник. 1989. № 29.
[181] Ферганская правда. 1989. 30 июня, 9 июля; *Лурье М., Студеникин П.* Указ. соч. С. 14–16.
[182] Правда Востока. 1989. 23 августа.
[183] Ферганская правда. 1989. 26 августа.
[184] *Головков А.* Указ. соч.; *Мяло К., Гончаров П.* Указ. соч.; Собеседник. 1989. № 29; Литературная газета. 1989. 14 июня.
[185] Ватан Эшки. 1991. № 1, 3.
[186] Ватан Эшки. 1991. № 1. Красная звезда. 1989. 21 июня; *Головков А.* Указ. соч. С. 30; Интервью, взятые автором у Айбека Копадзе (20 июня 1992, Иссык, Казахстан) и Таштана Асланова (12 января 1994, Москва).
[187] *Головков А.* Указ. соч.; *Мяло К., Гончаров П.* Указ. соч.
[188] *Зиямов Ш.* Указ. соч.
[189] Ш. Зиямов аттестует себя как непосредственного "участника стабилизации обстановки в Ферганской области" в 1989 г. (Там же. С. 154, 155).
[190] *Гольдберг Г.* О проблемах "турок-месхетинцев" (исторический аспект) // Центральная Азия. 1998. № 2 (14). С. 68–74.
[191] *Зиямов Ш.* Указ. соч. С. 156.
[192] Там же.
[193] Это утверждение не соответствует действительности.
[194] Ватан Эшки. 1991. № 1.
[195] Ватан Эшки. 1991. № 3.
[196] Об этом говорили, например, на Международной конференции по правам человека "Вильнюс–Ленинград-90" 1–4 сентября 1990 г. Анвар Усмон и Абдуманноб Пулатов (запись автора).
[197] *Де Йонг Л.* Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958.
[198] *Das V.* Official narratives, rumour, and the Social Production of Hate // Social Identities. 1998. Vol. 4, N. 1. P. 109–130; Mirrors of Violence. Communities, Riots, and Survivors in South Asia / Ed. by V. Das. Delhi, 1990.
[199] *Cannon L.* Official Negligence. How Rodney King and the Riots Changed Los Angeles and the LAPD. N. Y., 1997; *Gale D.E.* Understanding Urban Unrest. Thousand Oaks, L., New Delhi, 1996; Reading Rodney King/ Reading Urban Uprising / Ed. by R. Gooding-Willams. N. Y., 1993.
[200] *Keith M.* "Something happened": the problem of explaining the 1980 and 1981 riots in British cities. // P. Jackson (ed.) Race and Racism. Essays in Social Geography. L., 1987. P. 275–303.
[201] *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953–начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.
[202] Там же. С. 132–154.
[203] Dictionary of Sociology and Related Sciences / Ed. by H.P. Fairchild. Totowa (N. J.). 1977. P. 58–59.
[204] *Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T.* Contemporary Conflict Resolution. Oxford; Malden, 1999. P. 19–20.
[205] Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования. 2-е изд. М., 2000. С. 37.

[206] *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 303–309; *Ямсков А.* Этнический конфликт: проблема дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 206–208.
[207] Наиболее ярким примером здесь действительно могут послужить тексты, следующие все еще модной "теории человеческих потребностей" (human needs theory). *Fisher R.* Needs Theory, Social Identity and Eclectic Model of Conflict // Conflict: Human Needs Theory / Ed. by J. Burton. Basinstoke, L., 1990. P. 89–112; Конфликты в современной России. С. 209–237.
[208] *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict, Berkeley (Calif.), 1985; *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.
[209] Можно назвать только отдельные исключения: Антропология насилия / Отв. ред. *В.В. Бочаров, В.А. Тишков.* СПб., 2001; *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.
[210] *Гдлян Т., Иванов Н.* Указ. соч. С. 363.
[211] *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996. С. 304–305.
[212] *Ольшанский Д.В.* Психология террора. Екатеринбург; М., 2002. С. 105–106.
[213] *Пономарев В.А.* Указ. соч. С. 184–185.
[214] *Гдлян Т., Иванов Н.* Указ. соч. С. 308, 364.
[215] *Рахимов Р.Р.* "Мужские дома" в традиционной культуре таджиков. Л., 1990.
[216] Ходил, например, слух, что беспорядки были организованы по приказу некоего "самого уважаемого старика" из Маргиланской мечети (См.: *Абашин С.* Указ. соч. С. 117).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

С.С. Губаева. **К истории изучения этнического состава населения Ферганской долины** 6

С.Н. Абашин. **Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX–начале XX века)** 38

В.И. Бушков. **Особенности формирования населения Юго-Западной Ферганы (на примере Исфаринского района Согдийской области Республики Таджикистан)** 102

В.И. Бушков, Н.А. Зотова. **Сельское население Наманганского уезда на рубеже XIX–XX веков (по статистическим данным)** 110

В.И. Бушков, В.А. Феоктистова. **Этнодемографические последствия вхождения южных предгорий Ферганы в состав Российской империи (краткий очерк)** 138

Й. Расанаягам. **Этничность, государственная идеология и понятие "община" в Узбекистане** 145

А.Г. Осипов. **Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта)** 164

Научное издание

ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА

Этничность, этнические процессы, этнические конфликты

Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *С.С. Губаева.* Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина.* Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры *Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 21.06.2004. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.-печ.л. 14,0. Усл.кр.-отт. 14,5. Уч.-изд.л. 15,9
Тираж 1050 экз. (РГНФ – 300 экз.) Тип. зак. 3394

Издательство "Наука", 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru Internet: www.naukaran.ru

ГУП "Типография "Наука", 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12